

Умное делание. О молитве Иисусовой схиигумен Харитон (Дунаев)

АУДИО

От составителя

От составителя

«Что такое молитва? В чем ее сущность? Как научиться ей? Что переживает дух молящегося в смирении сердца христианина?

Все такие вопросы должны бы постоянно занимать и ум и сердце верующего, ибо в молитве человек беседует с Богом, входит с Ним в благодатное общение и живет в Боге. И святые отцы и учителя Церкви дают ответы на все эти вопросы, ответы, основанные на благодатном озарении через опыт молитвенного делания, опыт, одинаково доступный и простецу и мудрецу» (Еп. Никон).

«Всякому христианину нужно всегда помнить, что ему необходимо соединиться с Господом Спасителем всем существом своим, надобно дать Ему вселиться в уме и сердце нашем, а к такому соединению с Господом, после причащения Тела и Крови Его, лучшее и надежнейшее средство есть умная молитва Иисусова.

Обязательна ли молитва Иисусова и для мирян? Непременно обязательна, потому что всякому христианину, как сказано выше, необходимо соединиться с Господом в сердце, а к сему соединению лучшим способом служит молитва Иисусова» (Еп. Иустин).

Иноку же, при пострижении его в монашество, когда вручаются четки, называемые при этом мечом духовным, завещается непрестанное, денно-нощное моление молитвою Иисусовою.

По вступлении моем в обитель, я возревновал о сем завещании для иноков и был руководим в этом своим старцем А., который разрешал все мои недоумения, встречающиеся при молитве. По смерти же старца, за разрешением недоумений я был вынужден прибегать к писаниям богомудрых отцов.

Извлекая из них существенное о молитве Иисусовой, я записывал все это в свою тетрадь, и, таким образом, с течением времени у меня составилась сборник о молитве.

Материал сборника разрастался из года в год, и потому он не имеет строго систематического порядка и последовательности предметов; он служил лично для меня, как справочник.

Теперь мне пришла мысль издать мой сборник или справочник, в надежде на то, что, быть может, он окажет помощь тем, кои ищут руководства для усовершенствования своей внутренней духовной жизни, и приведенные в сборнике мудрые советы св. отцов и современных нам подвижников помогут им в их добром намерении.

В сборнике встречаются повторения одного и того же; это – от искреннего желания сильнее запечатлеть в уме все то, о чем пишется. Все же, передаваемое от сердечного убеждения, должно иметь живейший интерес, тем более нужный в нынешние времена, когда повсюду наблюдается крайнее оскудение всяких стремлений в области духовной жизни.

Итак, цель издания нашего сборника та, чтобы всевозможными и разнообразными способами и многократными повторениями именно уяснить способ производства Иисусовой молитвы, показать всю ее нужду и необходимость в деле нашего духовного служения Богу. Словом – напомнить как современному монашеству, так и всем ревнующим о своем душевном спасении, древле-отеческое учение о умном делании и о борьбе со страстями, тем более, что ныне о молитве Иисусовой, по словам еп. Игнатия, «люди, большею частью, имеют самое темное, сбивчивое понятие. Иные, считающие себя за одаренных духовным рассуждением и почитаемые многими за таковых, «боятся» этой молитвы, как какой заразы, приводя в причину «прелесть» – будто бы непременною спутницу упражнения молитвою Иисусовою, сами удаляются от нее и других учат удаляться». Далее еп. Игнатий говорит: «Изобретатель такого учения, по моему мнению, диавол, которому ненавистно имя Господа Иисуса Христа, как сокрушающего всю его силу; он трепещет этого всесильного

имени и потому оклеветал Его пред многими христианами, чтобы они отвергли оружие пламенное, страшное для врага, спасительное для них самих».

Посему у составителя и явилась насущная потребность собрать все необходимое для разъяснения этого духовного делания и встречающихся при этом недоумений. Сам же собиратель, не смея и подумать назвать себя «умным молитвенником», осмелился лишь извлечь из сокровищницы св. отцов их богомудрые советы о непрестанной молитве, советы, необходимые, как воздух дыханию нашему, всем ревнующим о своем спасении.

В настоящий сборник об умном делании, по вопросу о молитве, входит около четырехсот изречений св. отцов и современных нам подвижников и, кроме того, целые поучения опытных в молитвенном подвиге подвижников благочестия, как то: Святителя Димитрия Ростовского, Архимандрита Паисия (Величковского), Старца схимонаха Василия и других делателей священной молитвы Иисусовой.

В конце этой книги вниманию читателей предлагается указатель, в котором перечисляются приведенные здесь изречения отцов, с указанием авторов и книг, откуда позаимствованы сии изречения, с ссылкой на страницы настоящего сборника, на которых они напечатаны.

Валаам, 27 июля 1936 г. Игумен Харитон.

**О молитве человека, уединившегося в
клету сердца своего, поучаясь и молясь
тайно**

Предисловие

Среди вас есть многие, которые не знают, в чем состоит внутреннее дело богомысленного человека, а также не понимают, что такое богомыслие, и которые ничего не знают о творимой умом молитве, но думают, что только теми молитвами подобает молиться, которые написаны в книгах церковных. Что же касается тайной беседы с Богом в сердце и происходящей отсюда пользы, они об этом отнюдь не знают и никогда не вкушали духовной сладости сего. Как слепорожденный только слышит о солнечном сиянии, что же такое сияние, не знает, так и те только слышат о богомысленном поучении и молитве, понимать же не понимают. Они по невежеству своему лишаются многих духовных благ и отстают от добродетельного преуспевания, которое приводит к совершенному богоугождению. Посему, ради наставления простых, предлагается здесь кое-что для внутреннего обучения и для богомысленной молитвы, чтобы желающий с Божьей помощью начал хоть немного наставляться.

Духовное обучение внутреннего человека начинается с таких Христовых слов: *«Егда молишия, вниди в клеть твою и, затворив дверь твою, помолися Отцу твоему втайне»* (Мф.6:6).

Глава I. О двойственности человека, обучения, молитвы и клети

Человек бывает двоякий: внешний и внутренний, плотский и духовный. Внешний есть видимый, плотский, внутренний же – невидимый, духовный, или, согласно слову апостола Петра, *«потаянный сердца человек в неистлении кроткого и молчаливого духа»* (1Пет.3:4). И святой Павел объясняет двойство человеческое, говоря: *«Аще внешний наш человек и тлеет, но внутренний обновляется»* (2Кор.4:16). Здесь апостол ясно говорит о внешнем и внутреннем человеке. Таким образом, внешний человек устрояется из многих членов, внутренний же приходит в совершенство умом, вниманием к себе, страхом Господним и благодатию Божией. Дела внешнего человека бывают видимы, а внутреннего – невидимы, согласно Псаломнику: *«Приступит человек, и сердце глубоко»* (Пс.63:7). Также и апостол говорит: *«Кто весть от человек, яже суть в человеце, точию дух человека, живущий в нем?»* (1Кор.2:11). Один только Испытующий сердца и утробы ведает все тайны внутреннего человека.

Обучение тоже бывает двоякое – внешнее и внутреннее: внешнее в книгах, внутреннее в богомыслии; внешнее в любви к мудрости, внутреннее в любви к Богу; внешнее в витийствованиях, внутреннее в молитвах; внешнее в остроумии, внутреннее в теплоте духа; внешнее в художествах, внутреннее в помышлениях; внешний *«разум кичит»* (1Кор.8:1), внутренний же смиряется; внешний любопытствует, желая знать все, внутренний же себе внимает и ничего иного не желает, как только знать Бога, с Давидом говоря Ему: *«Тебе рече сердце мое: Господа възыщу, възиска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, възыщу»* (Пс.26:8). И еще: *«Имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к Тебе, Боже»* (Пс.41:2).

Молитва также бывает двоякая – внешняя и внутренняя: явно творимая и тайно; соборная и бываемая наедине; должная и произвольная. Должная, творимая явно по уставу церковному,

соборная молитва имеет свои времена: полунощницу, утреню, часы, литургию, вечерню и повечерие, на каковые моления люди и призываются звоном, ибо они их, как подобающую Царю Небесному дань, должны воздавать на всякий день. Творимая же втайне произвольная молитва бывает и безвременно, когда кто захочет, без всякого зова, только по движению самого духа. Первая, то есть церковная, молитва имеет положенное число псалмов, тропарей, канонов и прочих пений и действий иерейских, другая же (тайная, произвольная), как безвременная, неопределенна и числом молитв, ибо каждый молится, сколько хочет, – иногда кратко, иногда же долго. Первая произносится вслух устами и голосом, вторая же – только умом. Первая произносится стоя, вторая же не только стоя или ходя, но и на одре почивая, словом, всегда, когда бы ни случилось возвести ум свой к Богу. Первая, соборная, творится в храме Господнем, в церкви или по случаю в каком-либо доме, где соберется несколько людей, вторая же, уединенная, совершается в затворенной клети, согласно слову Господа: *«Егда молишися, вниди в клеть твою и, затворив дверь, помолися Отцу твоему втайне»* (Мф.6:6). Опять и клеть бывает двоякая – внешняя и внутренняя, вещественная и духовная: вещественная из дерева или камня, духовная же есть сердце или ум, или (по словам святого Феофилакта) мысль тайная. Это одно и то же. (Толк. на Матфея, глава 6). Посему вещественная клеть всегда на одном месте стоит, духовная же всюду с человеком носится: где бы человек ни был, всегда ведь с ним его сердце, в котором он может умом своим, собрав мысли свои, затвориться и молиться Богу втайне, будет ли он среди людей или беседует со многими. Внутренняя молитва (если случится кому, находясь среди людей, подвигнуться к ней духом) не требует ни уст, ни книги, не употребляет движения языка, ни гортанного гласа (хотя это и наедине происходит), но только возведения к Богу ума и самоуглубления, что возможно делать и на всяком месте.

Вещественная клеть безмолвствующего в ней человека затворяет одного, внутренняя же, духовная, вмещает в себе и Бога, и все Небесное Царство, согласно евангельским словам

самого Христа: «*Царство Божие внутри вас есть*» (Лк.27:21). Сие в словах Макария Египетского изъясняется так: сердце – сосуд малый, но в нем бывают вмещаемы все вещи; там Бог, там ангелы, там жизнь и царство, там небесные грады, там сокровище благодати. Во внутренней, сердечной клети человеку подобает затворяться чаще, чем между стенами, и, собравши там все помышления свои, представлять ум свой Богу, молиться Ему втайне со всей теплотою духа и живою верою, вместе же с этим поучаться и в богомыслии, чтобы возможно было ему возрасти в мужа совершенна.

Глава II. О молитве, согревающей человека и соединяющей его с Богом в любви

Прежде всего да будет известно, что христианину (особенно же лицу духовному по долгу звания своего) подобает всячески и всегда заботиться о том, чтобы соединиться с Богом Создателем, Любителем, Благодетелем и высшим Добром своим, Которым и для Которого он и создан, ибо для души, созданной Богом, должно быть центром, то есть конечной целью, не что иное, как только сам Бог, от Которого она и жизнь, и природу свою получила и для Которого ей нужно жить вечно. Ведь все видимое на земле, любезное и желательное: богатство, слава, жена, дети, одним словом, все красивое, сладкое и любезное мира сего не свойственно душе, но только телу, и, будучи временным, оно скоро пройдет, как тень, – душе же, как вечной по природе, можно вечно успокоиться только в одном вечном Боге, как в высшем благе своем, прекраснейшем всех красот, сладостей и люблений, сладчайшем и любезнейшем, и как в естественном своем месте, откуда она произошла и куда она должна снова возвратиться: ибо как плоть, исходя от земли, в землю возвращается, так и душа, произойдя от Бога, к Богу возвращается и у Него пребывает. На то она и создана Богом, чтобы в Боге пребывать во веки. Посему в сей временной жизни нужно прилежно искать соединения с Богом, чтобы сподобиться быть с Ним и в Нем и в будущей жизни вечно.

Соединиться же с Ним каждый может не иначе, как только крайней сердечной любовью. Ибо и евангельская грешная жена потому получила у Него великую грехопростительную милость и крепкое единение с Ним, *«яко возлюби много»* (Лк.7:17). Он любит любящих Его, прилепляется ко прилепляющимся к Нему, предоставляет Себя ищущим Его и неоскудно подает сладость желающим насладиться любовью Его.

Для того, чтобы возмог человек возбудить в сердце своем такую божественную любовь, чтобы соединиться с Ним в неразлучном союзе любви, необходимо часто молиться,

возводя ум свой к Богу. Ибо как часто подкладываемые в огонь дрова увеличивают пламень, так и молитва, творимая часто и с углублением ума в Боге, возбуждает в сердце божественную любовь, которая, воспламенившись, согреет всего внутреннего человека, просветит и научит его, явит ему все безвестное и тайное своей премудрости и соделает его как бы пламенно-огненным серафимом, всегда предстоящим Богу духом своим, взирающим на Него умом и почерпающим в этом духовную сладость.

Глава III. Молитва, произносимая устами, умом же не внимаемая, есть ничто

Здесь не будет неуместным вспомнить некоторые неудобовразумительные апостольские изречения о творимой духом и умом молитве и тем положить начало рассуждению.

В послании к Ефесеянам св. ап. Павел советует молиться духом: *«Всякою (сказал он) молитвою и молением молящегося на всяко время духом»* (Еф.6:18). Тот же апостол в послании к Коринфянам говорит: *«Дух мой молится, а ум мой без плода есть»* (1Кор.14:14).

Как же это бывает, что человек молится духом, а ум его остается бесплоден?

Слово «дух» в Святом Писании понимается в человеке различно. Иногда оно полагается вместо дыхания, иногда вместо самой души, иногда вместо какого-либо желания и намерения, как доброго, так и злого, а также вместо какой-либо добродетели или недобродетели, как-то: дух смирения, дух любви, дух милосердия, и противоположное им: дух гордыни, дух ненависти, дух сребролюбия и прочее. Иногда же слово «дух» полагается вместо какого-либо дарования Святого Духа, как, например, дух премудрости, дух разума, дух прозорливства и прочее, а иногда и вместо самого ума, как пишется у того же апостола: *«Обновляйтесь, – говорит он, – духом ума вашего»* (Еф.4:23).

Когда апостол советует ефесеянам молиться духом, то здесь вместо духа он полагает сам ум, который должен молящийся человек устремить к Богу. Когда же, пиша коринфянам, он говорит о духе молящемся и об уме, пребывающем бесплодным, то в данном месте он полагает дух вместо голоса и дыхания человеческого, как бы говоря к ним: какая вам польза, коринфяне, если вы молитесь только голосом вашего дыхания, а ум ваш не внимает молитве, но мечтает о чем-то ином? Какая польза говорить языком много, а умом не внимать тому, что говорится, если бы даже и тьмы слов языком произнес ты, о человек! Какая польза от того, если бы всей гортанью, на

сколько позволит дыхание твое, воспоешь, а ум твой не предстоит Богу и не видит Его, но уклоняется помышлениями в иное место? Такая молитва не принесет тебе никакой пользы, не будет услышана Богом и останется бесплодной. Хорошо рассудил и св. Киприан, говоря: «Как ты хочешь быть услышанным Богом, когда и сам себя не слышишь? Хочешь, чтобы Бог помнил о тебе, когда ты молишься, а сам о себе не помнишь?» Апостол дает коринфянам, а вместе и всем нам, себя в пример, говоря: *«Помолюся духом, помолюся же и умом; воспою духом, воспою же и умом»* (1Кор.14:15). Когда, говорит он этим, я молюсь языком и голосом, исходящим от моего дыхания, то должен молиться и умом.

Глава IV. Краткая, но часто творимая молитва, более полезна, чем продолжительная

От искусных в богомыслии я узнал относительно творимой умом от сердца молитвы, что теплее и полезнее бывает та, которая кратко, но часто делается, чем продолжительная. Впрочем, и продолжительная молитва бывает очень полезна, но только для совершенных, а не для новоначинающих. В продолжительной молитве ум у непривыкшего к ней человека не может долго предстоять пред Богом, но обычно, побежденный немощью непостоянства, увлекается внешним, и теплота духа поэтому вскоре остывает у него. Такая молитва есть уже не молитва, но одно смущение ума, вследствие уклонения мыслей туда и сюда, что бывает как в церковных соборных пениях, так и в читаемых долго келейных правилах. Краткая же, но частая молитва более устойчива, ибо ум, углубившийся в Бога на короткое время, может совершать ее с большей теплотой. Посему и Господь говорит: *«Молящиеся не лишше глаголите»* (Мф.6:7), ибо не по многоглаголанию будете услышаны. И Иоанн Лествичник поучает: *«Не пытайся многословить, чтобы не рассеялся ум в поисках за словами. Одно только слово мытаря умилиствовало Бога и одно же верующее слово спасло разбойника. Крайнее многословие в молитве рассеивает ум в мечтаниях, тогда как единословие помогает собрать ум»*.

Но кто-либо скажет: почему апостол в послании к Солунянам говорит так: *«Непрестанно молитесь»* (1Сол.5:17)?

Обычно в Писании часто творимое дело называется всегда творимым, например: *«В первую скинию выну вхождаху священницы, службы совершающе»*, то есть во все установленные на то часы, а не непрестанно, днем и ночью, часто, а не безвыходно (Евр.9:6). Если же священники и были безвыходно в церкви, оберегая сшедший с неба огонь, подкладывая в него топливо, чтобы он не погас, однако делали сие не все вместе, но переменяясь чредами, как пишется и о святом Захарии: *«Бысть же служащу ему в чину чреды своея пред Богом»* (Лк.1:8). Подобно этому нужно думать и о молитве,

которую апостол повелевает творить непрестанно, ибо невозможно человеку пребывать в молитве так, чтобы не прерывать ее и днем, и ночью. Ведь потребно время и на иные дела, на необходимые заботы по управлению домом своим, как то: время работы, время беседы, время питания и питья, время покоя и сна. Как же можно непрестанно молиться иначе, как только часто молиться? А часто творимая молитва вменяется как бы за непрестанно творимую молитву. Итак, пусть твоя частая, но краткая молитва не умножается лишними словами, как об этом учат и святые отцы. Св. Феофилакт в толковании на Евангелие Матфея написал так: «Не подобает удлинять молитвы, а лучше мало, но часто молиться» (гл. VI). У Златоуста же в беседах на Апостольские послания Павла пишется так: «Кто лишнее говорит в молитве, тот не молится, но празднословит» (Златоуст, к Еф.6, беседа 24). Кроме того, Феофилакт говорит в толковании на то же вышеуказанное евангельское место так: «Лишнее глаголение есть празднословие». Хорошо сказал апостол: *«Хочу пять словес умом моим глаголати, нежели тьмы словес языком»* (1Кор.14:19), то есть лучше мне сотворить краткую молитву к Богу, но со вниманием, нежели произносить бесчисленные слова без внимания и только напрасно наполнять воздух своими словами и голосом. Кроме того, вышесказанные апостольские слова: *«Непрестанно молитесь»* (1Сол.5:17) нужно толковать в смысле молитвы творимой умом, ибо ум может быть всегда направлен к Богу и может молиться Ему непрестанно.

Итак, начни теперь, о душа, понемногу браться за намеченное тебе обучение, начни во имя Господа, согласно увещанию апостола, говорящего так: *«Вся, еже аще творите словом или делом, или умом, вся во имя Господа Иисуса Христа творите»* (Кол.3:17), т.е. творите все, как бы говорит он, с добрым намерением и не столько из-за своей корысти, хотя бы и духовной, сколько для славы Божией, чтобы во всех ваших словах, делах и помышлениях прославлялось имя Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего.

Прежде всего изъясни себе кратким толкованием, что такое молитва?

Молитва есть обращение ума и мыслей к Богу; молиться – значит, предстоять умом своим Богу, неуклонно мыслью зреть на Него и беседовать с Ним в благоговейном страхе и уповании.

Итак, собери все мысли твои и, отложив все внешние житейские попечения, устрями ум твой к Богу на Него.

I. Молитва

1. Есть степени молитвы. Первая степень – молитва телесная, более в чтении, стоянии, поклонах. Внимание отбегает, сердце не чувствует, охоты нет: тут – терпение, труд, пот. Не смотря однако же на то, положи пределы и делай молитву. Это – делательная молитва. Вторая степень – молитва внимательная: ум привыкает собираться в час молитвы и всю ее проговаривает с сознанием, без расхищения. Внимание срастворяется с словом писанным и говорит как свое. Третья степень – молитва чувства: от внимания согревается сердце, и что там в мысли, то здесь становится чувством. Там слово сокрушительное, а здесь сокрушение; там – прошение, а здесь чувство нужды и потребность. Кто перешел к чувству, тот без слова молится, ибо Бог есть Бог сердца. Потому это и есть предел молитвенного воспитания – став на молитву, переходить от чувства к чувству. При сем чтение может прекращаться, равно как и мышление, а пусть будет только пребывание в чувстве, с известными молитвенными знаками... Когда молитвенное чувство взойдет до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть дар Духа Божия, молящегося за нас, – последняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорят, еще и не постигаемая умом молитва, или заходящая за пределы сознания, (так у святого Исаака Сириянина).

Легчайшее средство восхождения к непрерывности в молитве есть навыкновение молитве Иисусовой и вкоренение ее в себе. Опытнейшие мужи в духовной жизни, Богом вразумленные, нашли это одно простое и вместе вседейственное средство к утверждению духа во всех духовных деланиях, равно как и во всей духовной подвижнической жизни, и в наставлениях своих оставили подробные о ней правила.

Трудясь и подвижничествуя, ищем очищения сердца и восстановления духа. К этому два пути: деятельный, то есть хождение в тех подвигах, кои указаны пред сим, и умозрительный – обращение ума к Богу. Там душа очищается и

приемлет Бога; здесь Бог зримый сожигает всякую нечистоту и приходит вселиться в очищенную душу. Заклучая последнее в одной молитве Иисусовой, Григорий Синаит говорит: «Бога стяжаваем или деланием и трудом, или художным призыванием имени Иисусова», и потом прилагает, что первый путь длительнее последнего, – последний скорее и действеннее. Вследствие сего, иные первое между подвигами место давали молитве Иисусовой. Она просвещает, укрепляет, оживляет, всех врагов, видимых и невидимых, побеждает и к Богу возводит. Такая всемогущая и вседейственная! Имя Господа Иисуса – сокровище благ, сил и жизни в духе.

Отсюда само собою следует, что всякому покаявшемуся, или начавшему искать Господа, можно и должно на первый же раз и преподать полное наставление в делании молитвы Иисусовой, а с нею уже вводить и во все другие, потому что этим путем скорее укрепиться можно, скорее прозреть духовно и дойти до мира внутреннего. Не зная сего, иные, или большая часть – останавливаются на телесных и душевных деяниях и почти праздно иждивают труды и время.

Делание это названо «художеством». И оно очень просто. Стоя сознанием и вниманием в сердце, произноси непрестанно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», без всякого образа и лика, по вере, что Господь зрит тебя и внимает тебе.

Непременно должно держать сознание у сердца и во время делания стеснять мало дыхание, в изъявление напряжения, с коим творится. Но условие высшее – вера, что Бог близ и слышит нас. Говори молитву в слух уха Божия.

Сначала молитва эта долго есть только делательная, как и всякое делание, потом переходит в умность и, наконец, внедряется в сердце.

Бывают отклонения от правого пути этой молитвы. Потому надо поучиться ей у того, кто знает ее. Заблуждения больше от того, кто где вниманием – в голове или в груди.

Кто в сердце, тот безопасен. Еще безопаснее, кто болезненно припадает к Богу на всяк час в сокрушении, с молитвою об избавлении от прелестей.

2. У кого нет умной внутренней молитвы, у того и никакой нет: ибо только умная молитва и есть настоящая молитва, Богу угодная и приятная. Она должна составлять душу домашнего и церковного молитвословия; так что коль скоро ее нет при сем, то молитвословия те имеют только вид молитвы, а не суть молитва.

Ибо что есть молитва? Молитва есть ума и сердца к Богу возношение, на славословие и благодарение Богу, и испрашивание у Него потребных благ душевных и телесных. Существо молитвы, стало быть, есть умное к Богу восхождение из сердца. Становится ум в сердце сознательно пред лицом Бога и, исполняясь достоуважительного благоговения, начинает изливать пред Ним сердце свое. Вот и умная молитва! Но такова и должна быть всякая молитва. Внешнее молитвословие, домашнее или церковное, дает ей только слово или форму; душу же или существо молитвы носит всякий сам в себе в своем уме и сердце. Весь церковный молитвенный чин наш, все молитвы, сложенные для домашнего употребления исполнены умным обращением к Богу. Совершающий их, если он хоть мало внимателен, не может избежать сего умного к Богу обращения, разве только по совершенному невниманию к совершаемому им делу.

3. Без умной молитвы никому нельзя обойтись. Не возноситься к Богу молитвенно мы не можем; ибо природа наша духовная того требует. Вознестись же к Богу мы иначе не можем, как умным действием: ибо Бог умствен. Есть, правда, умная молитва при словесной или внешней, – домашней ли или церковной, – и есть умная молитва сама по себе, без всякой внешней формы или положения телесного; но существо дела там и здесь одно и то же. В том и другом виде она обязательна и для мирских людей. Спаситель заповедал – войти в клеть свою и молиться там Богу Отцу своему втайне. Клеть эта, как толкует святитель Димитрий Ростовский, означает сердце. Следовательно, заповедь Господня обязывает тайно в сердце умом молиться Богу. Заповедь эта на всех христиан простирается. Вот и Апостол Павел что заповедует, когда говорит, что должно *«всякою молитвою и молением молиться*

на всяко время духом» (Еф.6:18)? Заповедует умную молитву – духовную, – и заповедует всем христианам без различия. Он же всем христианам заповедует непрестанно молиться (1Сол.5:17). А непрестанно молиться иначе нельзя, как умною молитвою в сердце...

Вставши утром, установись покрепче пред Богом в сердце в утренней своей молитве, и потом исходи на дело, свое, Богом тебе определенное, не отрывая от Него чувства своего и сознания. И будет то, что силами души и тела будешь делать дела свои, а умом и сердцем пребывать с Богом.

4. «Во псалмах и пении и песнях духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеви» (Кол.3:16)... Слова: «во псалмах и пении и песнях духовных» определяют молитву словесную, молитвословие; а слова: «во благодати поюще в сердцах ваших Господеви» – молитву внутреннюю, умно-сердечную.

Псалмы, пения, песни-псалмы, гимны, оды – суть разные наименования духовных песнопений. Указать отличия их очень трудно, потому что и по содержанию и по форме они бывают очень сходны. Все они суть выражения духа молитвенного. К молитве подвигшись, дух славословит Бога, благодарит и возносит к Нему свои прошения. Все сии проявления духа молитвенного в духе неразлучны и одно без других не бывает. Молитва, когда приходит в движение, переходит от одного из них к другому, и не редко не один раз. Вырази это словом, выйдет молитва словесная, назови ее псалмом, гимном или одою – все одно. Потому не будем напрягаться определять отличие сих наименований. Апостол хотел ими обнять всякого рода молитвы, словом выраженные. Под них подойдут и все молитвы, находящиеся теперь у нас в употреблении. У нас в употреблении, кроме Псалтири, песнопения церковные – стихиры, тропари, каноны, акафисты и молитвы, в молитвенниках содержащиеся. Не погрешишь, если, читая слова Апостола о словесной молитве, будешь разуметь эти, употребляющиеся у нас, словесные молитвы. Сила не в таких или таких словесных молитвах, а в том, как их совершать.

Как совершать словесные молитвы, Апостол указывает словом: духовных... Духовны молитвы потому, что первоначально в духе зарождаются и созревают, и из духа изливаются. Паче же духовны потому, что зарождаются и созревают благодатию Духа Святого. И Псалтирь и все другие словесные молитвы не с самого начала были словесны. Сначала они были чисто духовны, потом облечены в слово и стали словесны. Но прившедшее слово не устранило их духовности. Они и теперь словесны только по виду, в силе же они духовны...

Из таких пояснений выходит, что если мы захотим слово Апостола о словесной молитве обратить себе в урок, то получим вот что: входи в дух слушаемых и читаемых тобою молитв и, воспроизведши их в сердце, возноси оттуда к Богу, как бы они были порождение твоего сердца под действием благодати Св. Духа. Это закон, определяющий существо богоугодного молитвословия. Как дойти до этого? Обсуди, почувствуй, даже заучи на память молитвы, какие имеешь читать в твоём молитвословии. Тогда, становясь на молитву, будешь не чужое что произносить, а то, что и в твоём лежит сердце, как им прочувствованное.

5. *Глаголюще себе во псалмех и пениих и песнех духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви (Еф.5:19).*

В каком сочетании принять слова сии, в таком ли: когда исполнитесь Духом, тогда и пойте устами и сердцем? Или в таком: если хотите исполниться Духом, то пойте? – Предлагаемое пение устами и сердцем сказывается ли, как следствие исполнения Духом, или указывается как средство к тому?

Наитие Духа не в нашей власти, оно приходит, как благоволит Сам Дух. И когда приходит, приводит в сильное возбуждение силы нашего духа. Песнь Богу тогда сплетается сама собою. Свобода возможна лишь в том, оставить ли песнь сию петься в сердце, или выражать ее и языком гласно для всех... Слова сии должно принять не в первом, а во втором сочетании. Исполняйтесь Духом, и для того пойте. Пение возбудит Дух, или приведет в состояние наития Духа, или

ощутительного Его воздействия. Блаженный Феодорит пишет, что Апостол вводит духовное упоение, когда говорит: «исполняйтесь Духом», и показывает, как достигнуть до сего, именно: «непрестанно песнословя Бога, углубляясь в самих себя, и возбуждая всегда помысл». Это тоже, что сказать: посредством пения языком и сердцем.

Не трудно понять, что в сем деле главное – не благозвучие пения, а содержание поемого. Оно же воздействует так же, как с воодушевлением написанная речь воодушевляет читающего ее. Чувство, вложенное в слово, чрез слово переходит в душу слышащего или читающего. Так и в песнях церковных. Псалмы, гимны-пения и оды-песни церковные суть духо-движные излияния благоговейных чувств к Богу. Дух Божий исполнял избранных Своих, и они полноту своих чувств выражали в песнях. Поющий их, как должно, обратно может войти в выраженные в них чувства и, исполняясь ими, приблизить себя к состоянию, способному принять воздействия благодати Духа или приспособить себя к нему. Таково именно и есть назначение церковных песней, чтобы посредством их возгревать и раздувать кроющуюся в нас искру благодати. Искру сию дают таинства. Чтобы раздуть ее и превратить в пламень, для этого введены псалмы, пения-гимны и песни-оды духовные. Они действуют на искру благодати так же, как ветер на искру, внедрившуюся в горючее вещество.

Но припомним, что такое действие принадлежит им под тем условием, если вместе с употреблением их идет и очищение сердца, как сказал св. Златоуст, руководствуясь ходом речи самого св. ап. Павла. Другие условия указываются в этом самом месте, именно: первое, чтобы они были духовные, и второе, чтобы пелись не языком только, но и сердцем...

Итак, для того, чтобы пение песней церковных вело к исполнению Духом, требует Апостол, чтобы песни сии были духовны, под чем надо разуметь не то только, что они должны быть духовны по содержанию, но чтобы были духо-движны, сами были плодом Духа, или излились из сердец, исполненных Духа. Иначе они не будут вести к исполнению Духом. Это по тому закону, что что вложено в песнь, то она и даст поющему...

Второе требование Апостолово то, чтобы песни пелись не языком только, но и сердцем. Не понимать только песнь надобно, но войти в сочувствие с нею, или воспринять содержание ее в сердце, и петь ее уже так, как бы она исходила из нашего сердца. Из снесения настоящего места с другими видно, что в Апостольское время те только и пели, которые бывали в таком настроении, другие входили в подобонастроение с ними – и все церковное собрание воспевало и пело Господу не иначе, как в сердце. Что дивного, если вследствие того все оно исполнялось и Духом? Какое сокровище в церковных песнопениях, если они совершаются как должно!

Св. Златоуст говорит: «что означают слова: «поюще в сердцах ваших Господеви»? – Это значит: со вниманием приступай к этому делу, ибо невнимательные поют без пользы, произнося только слова, тогда как сердце их блуждает в другом месте». Блаженный Феодорит к этому прибавляет: «поет сердцем, кто не только приводит в движение язык, но и ум возбуждает к уразумению произносимого». Другие св. отцы, пиша о молитвенном к Богу обращении, полагают, что оно наилучшим образом совершается, когда совершается умом, в сердце утвержденным.

То, что здесь у Апостола говорится о церковном собрании, идет и к частному псалмопению, которое всякий совершать может особо в доме. И плод от сего может быть тот же, когда оно совершается как должно, т.е. со вниманием, пониманием, сочувствием из сердца. Заметим также, что хотя слова Апостола говорят о пении, но мысль его указывает на молитвенное к Богу обращение. И оно собственно есть возбудитель Духа.

6. Второй вид молитвы есть молитва умно-сердечная. И первая должна быть такою же. Но та зарождается под действием словесной – готовой молитвы; а эта прямо в сердце зарождается, и оттуда к Богу восходит. Таковою была молитва Моисея пред Чермным морем. Апостол учит ей словами: *«во благодати поюще в сердцах ваших Господеви»*. – «От благодати Духа пойте, говорит, не просто устами, но со

вниманием, – стоя мысленно пред Богом в сердце. – Ибо это значит петь Богу, а то – на ветер, так как голос разливается в воздухе. Не для того, чтобы выказать себя, говорит. Будь ты хоть на торговой площади, можешь в себе, изнутри, обратиться к Богу и петь, не будучи никем слышим... Не мешает и во время пути молиться сердцем и быть горе» (Св. Златоуст). Такая молитва и есть только молитва. И словесная молитва потолику бывает молитва, поколику при ней молятся ум и сердце.

Она создается в сердце благодатию Св. Духа. Обращающийся к Господу и освящаемый таинствами, тотчас принимает в себя чувство к Богу, которое с того раза и начинает полагать в сердце его восхождение горе. Кто не заглушит сего чувства чем-либо недолжным, в том время, постоянство и труд обращают его в пламень. Но кто заглушает его недолжным, тому хотя не закрыт путь приближения к Богу и примирения с Ним, но чувство то не дается уже вдруг и даром. Предлежит пот и труд искания и вымоления его... Но никому в нем не отказывается. Ибо у всех – благодать, предлежит только дать простор ее действию. Благодать получает простор по мере сотрения самости и искоренения страстей. Мера очищения сердца есть мера оживления чувства к Богу. Когда сердце станет чисто, тогда чувство к Богу делается пламенным. Чувство к Богу и в этих оживает далеко прежде полного очищения от страстей, но бывает еще, как семя или искра. Возродившись, оно растет и разгорается; но не бывает постоянно, а оживает и замирает; и, оживая, не в одинаковой бывает силе. Но в какой бы мере ни оживало, всегда восходит к Господу и поет Ему песнь. Все строит благодать: ибо благодать всегда присуща в верующих. Предавшие себя ей безвозвратно, руководимы бывают ею; и она, как знает сама, создает их.

7. Чувство к Богу и без слов есть молитва. Слово поддерживает, и иной раз углубляет чувство.

8. Храните дар сей – бывшей вам милости Божией. Как? – Паче всего смирением, все благодати приписывая, себе же ничего. Как только на себя саму склонится у вас мысль, благодать умалится, и если не опомнитесь, совсем перестанет действовать, тогда плач и вопль мног. Второе – чувствуя себя

землею и пеплом, будьте так, как теперь, т.е. ни к чему не обращаясь без нужды ни мыслью, ни сердцем. Все с Господом. Мало, мало умалится внутреннее горение, тотчас спешите его восстановить в силе. Господь близ. С соболезованием и страхом обращаясь к Нему, тотчас получите...

9. Молитва – проба всего; молитва – и источник всего; молитва – и двигатель всего; молитва – и направитель всего. Коль скоро молитва исправна, все исправно. Ибо она не допустит быть чему-либо неисправным.

10. Молитва есть первое дело в нравственно-религиозной жизни. Корень этой жизни составляет сознательно-свободное отношение к Богу, которое заправляет потом всем. Поприще, где раскрывается и является в действии это действие, есть молитва, как взаимнообщение, есть поприще, где раскрываются наши нравственные отношения к себе подобным, и подвижничество – поприще, где раскрывается нравственное отношение к самим себе. Каково наше отношение к Богу, такова и молитва; и какова молитва, таково и отношение наше к Богу. А так как отношения эти не одинаковы, то не одинаков и образ молитвы. Иначе относится к Богу нерадящий о спасении; иначе тот, кто отстал от греха и ревнует о добродетели, но еще не вошел внутрь себя и работает Господу внешне; иначе, наконец, тот, кто вошел внутрь и носит в себе Господа и предстоит Ему. Первый как о жизни нерадит, так нерадит и о молитве, и совершает ее в церкви, дома, по заведенному только обычаю, без внимания и чувства. Второй много читает молитв и часто ходит в церковь, стараясь вместе с тем и внимание соблюдать и чувства иметь соответственно читаемым молитвам, хотя это ему очень редко удастся. Третий, сосредоточась весь внутрь, умно предстоит Господу и неразвлеченно молится Ему в сердце, без долгих молитвословий, хоть и при долгих стояниях на молитве, дома и в церкви. Отнимите у второго молитвословие, – вы отнимите у него всякую молитву; навяжите третьему молитвословие, – вы погасите в нем молитву ветром многословия. Всякому чину людей, или всякой степени приближения к Богу своя молитва и свои для нее правила. Как

дорого при этом опытное указание, и как много может повредить самочинное распоряжение!

Что есть молитва? И как к сему относится молитва Иисусова?

11. Молитва – умное предстояние Богу в сердце с славословием, благодарением, прошением и сокрушенным покаянием. Все тут духовно. Корень всему – благоговейный страх Божий, из коего вера о Боге и в Бога, предание себя Богу, упование, прилепление к Богу в чувстве любви с забвением всего тварного... Когда молитва в силе, все сии чувства и движения духовные присущи в сердце в соответственной силе.

Как же к сему относится молитва Иисусова?

Как и та теплота, которая развивается внутри сердца и около от действия сей молитвы...

Навык молитвенный не вдруг образуется, а требует долгого труда и претруждения себя.

Вот в сем то труде образования молитвенного навыка лучше всего помогает Иисусова молитва и сопровождающая ее теплота.

Заметь, отец, что они есть средства, а не самое дело.

Возможно, и молитва Иисусова есть, и теплота есть, а молитвы настоящей нет. Как это ни странно, а бывает так!..

Когда молимся, надо умом стать пред Богом и о Нем Едином помышлять. Между тем, в голове непрестанно толкутся разные мысли и отвлекают ум от Бога. Для того, чтобы научить ум стоять на одном, Святые Отцы употребляли молитовки и навывкли произносить их непрестанно... Это непрестанное повторение молитовки держало и ум в помышлении о Боге, и разгоняло все сторонние мысли. Эти коротенькие молитовки были разные... У нас особенно установилась и вошла в общий обычай, молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Так вот, что есть молитва Иисусова. Она есть одна из кратких молитовок словесных, как и все другие краткие молитовки. Назначается на то, чтоб ум держать на одной мысли о Боге.

Навыкнувший сей молитве и действующий ею, как следует, действительно, бывает в памяти о Боге непрестанно.

Так как память Божия в искренно верующем сердце, естественно, сопровождается религиозными чувствами благоговеинства, упования, благодарения, преданности в волю Божию и другими, кои все суть духовные, то мы молитву Иисусову, которая производит и держит память Божию, называем духовною молитвою. И это справедливо, когда она окружается теми духовными чувствами. Но когда такими действиями она не сопровождается, то она остается словесною, как и всякая другая подобная.

Так думать следует о молитве Иисусовой. Теперь, что значит теплота, коей сопровождается употребление сей молитвы? Для того, чтоб ум держался на одном при употреблении краткой молитвы, надобно свести его вниманием в сердце; ибо, оставаясь в голове, где происходит толкотня мыслей, он не успеет сосредоточиться на одном... Когда внимание сойдет в сердце, то привлечет туда в одну точку все силы души и тела... Это сосредоточение всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается там особым ощущением; сие ощущение и есть начало будущей теплоты... Ощущение сие сначала легкое, все усиливается, крепнет, углубляется, и из холодного, каково оно в начале, переходит в теплое чувство и держит на себе внимание. И происходит, таким образом, что сначала внимание держится в сердце напряжением воли, силою своею внимание порождает теплоту в сердце. Теплота же сия затем держит внимание без особого его напряжения. Они затем друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно, ибо рассеяние внимания охлаждает теплоту, а умаление теплоты ослабляет внимание.

Отсюда закон духовной жизни: держи сердце в чувстве к Богу, всегда будешь в памяти Божией. Его выразил где-то святой Иоанн Лествичник.

Теперь вопрос – духовная ли эта теплота? Нет – не духовная! А обыкновенная, кровяная. Но как держит внимание ума в сердце и чрез то способствует развитию там духовных, указанных прежде; движений, то она называется духовною, в

том однако ж случае, если она не сопровождается сладостью похотною, хотя бы легкою, но держит душу и тело в трезвенном настроении.

Отсюда следует: как скоро теплота, сопровождающая молитву Иисусову, не сопровождается духовными чувствами, то ее не следует называть духовною, а просто теплотою кровяною; и она, будучи такою, не худа, если не состоит в связи с сладостью похотною, хотя легкою; а если состоит, то худа и должна подлежать изгнанию.

Эта неправость бывает, когда теплота ходит ниже сердца. Вторая неправость та, когда, полюбив сию теплоту, ею все ограничивать, не заботясь о чувствах духовных и даже о памяти Божией, а лишь о том, чтоб была сия теплота; эта неправость возможна, хотя не у всех и не всегда, но по временам. Нужно заметить сие и исправить, ибо в таком случае останется одна кровяная теплота, животная... Не должно почитать сию теплоту духовною иль благодатною... Духовною можно назвать сию теплоту только тогда, когда она сопровождается духовными, молитвенными движениями... Кто без них называет ее духовною, тот допускает неправильность. Кто же называет ее благодатною, еще более неправ...

Благодатная теплота особая есть, и она собственно есть духовная... Она отрешена от плоти, и в теле не производит заметных изменений, и свидетельствуется тонким сладким чувством.

По сим чувствам всякий легко может определить и различить теплоту... Это каждому следует сделать; стороннему тут нет дела и места.

12. Есть молитва, которую сам человек творит, и есть молитва, которую Бог дает молящемуся (1Цар.2:9). Первой кто не знал? Должна быть вам известна и последняя, хоть в начатках. Сначала, когда приступает кто к Господу, первое дело молитва. Начинает он ходить в церковь, и дома молиться по молитвенникам и без них. Но мысли все разбегаются. Никак с ними не управиться. Чем впрочем больше трудиться в молитве, тем больше мысли все улегаются и улегаются, и молитва становится чище. Однако ж атмосфера души не очищается,

пока не затеплится духовный огонек в душе. Огонек сей есть дело благодати Божией, но не особенной, а общей всем. Он является вследствие известной меры чистоты во всем нравственном строе человека ищущего. Когда затеплится сей огонек или образуется постоянная в сердце теплота, тогда бурление помыслов останавливается. Бывает с душою то, что с кровоточивою: «ста ток крове ея» (Лк.8:44). В этом состоянии молитва, больше или меньше, подходит к непрестанной. Посредницею ей служит молитва Иисусова. И это есть предел, до которого может доходить молитва, самым человеком творимая! Думаю, что все сие вам очень понятно.

Далее, в сем состоянии, дается молитва находящая, а не самым человеком творимая. Находит дух молитвенный и увлекает внутрь сердца, – все одно, как бы кто взял другого за руку и силою увлек его из одной комнаты в другую. Душа тут связана стороннею силою, и держится охотно внутри, пока над нею есть нашедший дух. Знаю две степени сего нахождения. В первой – душа все видит, сознает себя и свое внешнее положение, – и рассуждать может и править собою, может даже разорить сие состояние свое, если захочет. И это вам должно быть понятно.

У святых отцов, и особенно у св. Исаака Сирианина, указывается и другая степень даемой или находящей молитвы. Выше показанной стоит у него молитва, которую он назвал экстазом или восхищением. И тут тоже находит дух молитвенный, но увлекаемая им душа заходит в такие созерцания, что забывает свое внешнее положение, не рассуждает, а только созерцает, и невластна править собою, или разорить свое состояние. Помните, в отечниках пишется, что кто-то стал на молитву пред своею вечернею трапезою, а опомнился уже утром. Вот это и есть молитва в восхищении или созерцательная. В иных она сопровождалась просветлением лица, светом вокруг, в иных подъятием от земли. Святой Апостол Павел в этом состоянии восхищен был в рай. И пророки святые в нем находились, когда взимал их Дух.

Подивитесь, какая великая милость Божия к нам грешным. Мало кто потрудится; и чего сподобляется? Всяко трудящимся

можно смело говорить: трудитесь, есть из-за чего!

13. Легчайшее средство восхождения к непрерывности в молитве есть навыкновение молитве Иисусовой и вкоренение ее в себе. Опытнейшие мужи в духовной жизни, Богом вразумленные, нашли это одно простое и вместе вседейственное средство к утверждению духа во всех духовных деланиях, равно как и во всей духовной подвижнической жизни, и в наставлениях своих оставили подробные о ней правила.

Степени молитвы

14.

Навыкновение обычным молитвословиям в церкви и дома.

Сроднение молитвенных мыслей и чувств с умом и сердцем.

Непрестанная молитва.

Молитва Иисусова может идти ко всем этим, но настоящее ее место при непрестанной молитве. Главное условие для успеха в молитве есть очищение сердца от страстей и всякого пристрастия к чему-либо чувственному. Без сего молитва все будет оставаться на первой степени или читательной. По мере очищения сердца молитва читательная будет переходить в умно-сердечную, а когда оно совсем очистится, тогда водрузится и непрестанная молитва. Как вам действовать? В церкви следите за службою и держите те мысли и чувства, кои предлагаются богослужением. Дома возбудите в себе молитвенные мысли и чувства и держите их в душе при помощи Иисусовой молитвы.

15. Молитва имеет разные степени. Сначала она есть только молитвословная молитва; но вместе с нею должна идти, ею разогреваться и поддерживаться, молитва ума и сердца. Умносердечная молитва получает затем самостоятельность и является то делательною, напрягаемою своими усилиями, то самодвижною, находящею. В последнем виде она есть то же, что показанные влечения внутрь пред Бога: бывает современна им, и из них развивается. Когда потом состояние, в котором бывает душа, во время тех влечений, станет постоянным, тогда умно-сердечная молитва становится непрестанно-действующею. При этом, прежние временные влечения перерождаются в состояния созерцания, при которых и из которых тогда раскрывается и созерцательная молитва. Созерцание есть пленение ума и всего созерцания каким-либо духовным предметом столь сильное, что все внешнее забывается, выходит из сознания: ум и сознание уходят в предмет созерцательный, так что их уже будто нет в нас.

16. «Всякою молитвою и молением молящиеся на всяко время духом...» (Еф.6:18).

Указывая на необходимость молитвы, Апостол тут же указывает и на то, какова должна быть молитва, чтобы быть услышанною. Первое – молитесь, говорит, всякою молитвою и молением, т.е. всеусердно, с болезнью сердца, с пламенным к Богу устремлением... Второе – молитесь, говорит, во всяко время. Этим заповедует он неотступность и неусыпность молитвы. Молитва должна быть не занятием известного времени, а состоянием духа всегдашним. Смотри, говорит св. Златоуст, не ограничивайся одним известным временем дня. Слышишь, что говорит! – Во всякое время приступай к молитве, как и в другом месте сказал: «непрестанно молитесь» (1Сол. 5:17). Третье – молитесь, говорит, духом, т.е. молитва должна быть не внешняя только, но и внутренняя, умом в сердце совершаемая. В этом существо молитвы, которая есть ума и сердца к Богу возношение. Св. отцы различают умно-сердечную молитву от духовной. Первая творится сознательною самодеятельностью молящегося, а вторая находит и, хотя сознается, но движется сама помимо усилий молящегося. Эта молитва духодвижная. Последней нельзя предписывать, ибо она не в нашей власти. Ее можно желать, искать и благодарно принимать, а не совершать, когда ни захочешь. Впрочем, у людей очищенных молитва большею частью бывает духодвижною. Надо потому полагать, что Апостол предписывает умно-сердечную молитву, когда говорит: молитесь духом. Можно прибавить: молитесь умносердечно, с желанием достигнуть и духодвижной молитвы. Такая молитва держит душу сознательно пред лицом Бога Вездесущего. Привлекая к себе и отражая от себя луч Божеский, она разгоняет врагов. Можно наверное положить, что душа в таком состоянии неприступна для бесов. – Так только и можно молиться на всякое время и во всяком месте.

17. «Как сказал Апостол: хочу пять слов сказать умом моим, чем тьму языком. Следует же прежде всего этими пятичисленными словами очищать ум и сердце, говоря непрестанно в глубине сердечной: Господи Иисусе Христе,

помилуй мя, и, таким образом, восходить на разумное пение. Потому что всякий новоначальный и страстный, может сию молитву в блюдении сердца действовать, пения же никак не достигнет, прежде чем не предпочистится умною молитвою».

18. Вопрос о молитве: «как лучше молиться – устами или умом?» – решен первыми словами: «молиться иногда словами, иногда умом». – Только пояснить надо, что и умом нельзя молиться без слов, только слова сии не слышатся, а там внутри, в сердце, мысленно произносятся. Сказать это лучше так: молись иногда словами звучными, и иногда беззвучными, неслышными. Заботиться надо только о том, чтобы и звучная и беззвучная молитва исходила из сердца.

19. Дело молитвы сей просто: стань умом в сердце пред лицом Господа и взывай: Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, или только: Господи помилуй... Милостивый Господи, помилуй мя, грешного... или другими какими словами. Сила не в словах, а в мыслях и чувствах.

20. Молитва: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! – есть словесная молитва, как и всякая другая. Сама в себе ничего особенного не имеет, а всю силу заимствует от того, с каким настроением ее творят.

Все приемы, про какие пишется (сесть, нагнутьсья)..., или художественное творение сей молитвы не всем пригоже, и без наличного наставника опасно. Лучше за все то не браться. Один прием общеобязателен: «вниманием стоять в сердце». Другое – все стороннее и к делу не ведущее прибавление. О плодах молитвы сей так говорят, что уже выше сего и ничего на свете нет. Незаконно. Талисман нашли! Из плодов словесному составу молитвы и говорению ее ничего не принадлежит. Все плоды могут быть получены и без сей молитвы, и даже без всякой словесной молитвы, – чрез одно ума и сердца к Богу устремление.

Существо дела в том, чтоб «установиться в памяти Божией или ходить в присутствии Божию». Можно всякому сказать: «как хочешь, только добейся до этого... Иисусову ли молитву творить... поклоны ли класть, в церковь ли ходить... что хочешь делай, только добейся до того, чтобы быть всегда в памяти

Божией. Помню в Киеве я встретил человека, который говорил: никаких приемов не употреблял я, и молитвы Иисусовой не знал, а все, что тут пишется, было и есть. А как, я и сам того не знаю. Бог дал!..

Это – что Бог дал, или даст, – иметь надо в цели, чтобы не смешать самодельщины с даром благодати.

Говорят: стяжи молитву Иисусову, то есть молитву внутреннюю. Молитва Иисусова есть хорошее к внутренней молитве средство, но сама по себе не внутренняя, а внешняя молитва. Которые навикают ей, хорошо очень делают. Но если на одной на ней останавливаются, а дальше не идут, то они останавливаются на полдороге...

При молитве Иисусовой Богомыслие все же необходимо: иначе это сухая пища. Хорошо, у кого навязло на языке имя Иисусово. Но можно при этом совсем не помнить о Господе, и даже держать мысли противные Ему. Следовательно, все зависит от сознательного и свободного к Богу обращения и труда держать себя в этом с рассуждением.

21. Богомыслие заменить молитвою Иисусовой можно, но какая в этом нужда? Они одно и тоже суть. Богомыслие есть в мысли держание какой-либо истины: воплощения, крестной смерти, воскресения, вездесущия и проч. без всякого направления мысли.

22. Делание молитвы Иисусовой просто: стать вниманием в сердце пред лицом Господа и взывать к Нему: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! Дело не в словах, а в вере, сокрушении и предании себя Господу. С сими чувствами можно предстоять Господу и без слов... и это будет молитва.

23. Над молитвою Иисусовою трудитесь. Бог благословит.

Но с навыковением устно произносить сию молитву соедините память о Господе, со страхом и благоговением. Главное ведь – ходить пред Богом, или под оком Божиим с сознанием, что Бог смотрит на вас, на душу вашу – в ваше сердце, и там все видит... Это сознание самый сильный рычаг в движении внутренней духовной жизни.

24. Соединять молитву Иисусову с дыханием, как вы делаете, можно. Это сказал кто-то из древних... Дыхание вместо

четок.

25. В молитве Иисусовой углубляйтесь сколько сил есть. Она соберет вас, даст ощутить силу в Господе и сделает, что вы неотступно с Ним будете – и когда одна и когда при людях, и когда хозяйничаете, и когда читаете или молитесь. Только силу этой молитвы полагайте не в повторении слов известных, а в обращении ума и сердца к Господу при сих словах. То и другое вместе.

26. Молитва Иисусова есть, как и всякая другая. Она сильнее всех только всесильным именем Иисуса, Господа, Спасителя, когда оно призывается с верою полною, теплою, не колеблющеюся, – что Он близ есть, все видит и слышит, и тому, чего просят, вседушно внимает – и готов исполнить и даровать просимое. Упование такое не посрамляет. Если замедляется иногда исполнение, это зависит от неготовности еще просящего принять просимое.

27. Молиться с помышлением о том, что говорят слова молитвы – все же есть молитва, только хромая на одной ноге. Молитва перестает быть молитвою, когда внимание отходит от слов молитвы... Когда же сознание при молитве... это молитва, хоть неудовлетворительная. Чувство придет... но надо и напрягать себя на него.

28. Молитва Иисусова не талисман какой. Сила ее от веры в Господа и глубокого с Ним сочетания сердца и ума. При таких расположениях, призываемое имя Господа оказывается многодейственным. Одно повторение слов ничего не значит.

29. Прочное умиротворение мыслей есть дар Божий; но дар сей не дается без усиленных собственных трудов. И одними своими трудами вы ничего не достигнете, – и Бог ничего вам не даст, если не потрудитесь всеусильно. Таков закон неотложный.

30. А какой именно здесь труд надо употреблять, я уже не раз упоминал: произвольно мыслям блуждать не позволять, а когда невольно отбегут, тотчас ворочать их назад, укоряя себя, жалея и болезнуя о сем нестроении. Св. Лествичник на это говорит, что «надо с усилием заключать ум свой в слова молитвы».

31. Никогда не должно считать установившимся никакого духовного делания, и тем паче молитву; а всегда так себя иметь, как бы в первый раз начинали ее совершать. Что делается в первый раз, тому отдается и первое усердие. Если будете так себя иметь, приступая к молитве, что вы никогда еще не маливались, как должно, и теперь только в первый раз хотите сделать это, то всегда будете молитву свою совершать с первым усердием. И она будет идти хорошо.

Если в молитве не будете успевать, не ждите успеха и ни в чем другом. Она корень всего.

32. Из богомыслия иной предмет ближе других приляжет к сердцу. Тогда на нем после окончания сего дела остановиться надо и им подольше попитать себя. Этим пролагается путь к непрестанной молитве.

33. Вознестись умом к Господу и с сокрушением сказать: «Господи, помилуй! Господи благослови! Господи помоги!» – есть молитвенный вопль. А если возродится и будет в сердце чувство к Богу, то это будет непрестанная молитва без слов и без стояния на молитве.

34. *«Непрестанно молитесь» (1Сол.5:17).* И в других посланиях св. Павел заповедует *«пребывать» (Рим.12:12)* и *«терпеть в молитве, бодрствуя в ней» (Кол.4:2)*, *«всякою молитвою и молением молиться на всяко время духом» (Еф.6:18).* Постоянству и неотступности в молитве научает и Сам Спаситель притчею о вдовице, неотступностью прошения умолившей неправедного судию (Лк.18 и далее). Видно, что непрестанная молитва есть не случайное предписание, а неотъемлемая черта духа христианского. Жизнь христианина по Апостолу, *«сокровенна со Христом в Боге» (Кол.3:3).* В Боге и пребывать ему неотлучно должно вниманием и чувством, что и есть непрестанная молитва. С другой стороны, всякий христианин есть *«храм Божий»,* в коем *«живет Дух Божий» (1Кор.3:16, 6:19; Рим.8:9).* Сей то «Дух», всегда в нем пребывающий и ходатайствующий, – молится о *«нем всегда воздыханиями неизглаголаннми» (Рим.8:26),* научая его самого непрестанной молитве. Самое первое воздействие благодати Божией, обращающей к Богу грешника,

обнаруживается устремлением его ума и сердца к Богу. Когда потом, по покаянии и посвящении жизни своей Богу, благодать Божия совне действовавшая, чрез таинства низойдет в него и пребудет в нем, тогда делается в нем неизменным и всегдашним и то устремление ума и сердца к Богу, в коем существо молитвы. Оно обнаруживается в разных степенях и, как всякий другой дар должно быть возгреваемо (2Тим.1:16). Возгревается же по роду своему: трудом молитвенным и особенно терпеливым и целесообразным пребыванием в молитвах церковных. Непрестанно молись, – трудись в молитве, – и приобретешь непрестанную молитву, которая сама уже станет совершаться в сердце без особых напряжений. Всякому очевидно, что заповедь св. Апостола не исполняется одним совершением положенных молитв в известные часы, но требует всегдашнего хождения пред Богом, посвящения всех дел Богу, всевидящему и вездесущему, возгреванием теплого к небу обращения умом в сердце. Вся жизнь, во всех ее проявлениях, должна быть проникнута молитвою. Тайна же ее в любви к Господу. Как невеста, возлюбившая жениха, не разлучается с ним памятью и чувством; так душа, с Господом сочетавшаяся любовью, неотступно с Ним пребывает, теплые обращая к Нему беседы из сердца. *«Прилепляйся Господеви, един дух есть с Господем»* (1Кор.6:17).

35. Помню, у Василия Великого вопрос о том, как Апостолы могли непрестанно молиться, решается так: они при всех своих делах о Боге помышляли и жили в непрестанной преданности Богу. Это настроение духа было их непрестанною молитвою.

36. Жалеете, что молитва Иисусова не бывает непрерывною, – что не произносите непрестанно, – это и не требуется... требуется постоянное чувство к Богу, которое может иметь место и при разговоре, и при чтении, и при наблюдении и рассматривании чего-либо... Но как молитва Иисусова, когда вы молитесь ею, бывает в настоящем виде, то продолжайте так действовать, и молитва сия расширит область свою.

37. Иногда все время, назначенное для правила, можно провести в чтении одного псалма на память, составляя из всякого стиха свою молитву. Еще – иногда можно все правило

провести в молитве Иисусовой с поклонами... А то из того, другого и третьего понемногу взять. Богу сердце нужно (Притч.23:26), и коль скоро оно благоговейно пред Ним стоит, то и довольно. Непрестанная молитва в сем и состоит, чтобы всегда благоговейно стоять пред Богом. А при этом правило есть только подтопка, или подкинутие дров в печь.

38. От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя; если сделает что благопоспешно, видит в том не свой успех, а милость Божию, о которой он непрестанно умоляет Бога.

– Непрестанная молитва руководствует к стяжанию веры, потому что непрестанно молящийся начинает постепенно ощущать присутствие Бога. Это ощущение мало-помалу может возрасти и усилиться до того, что око ума яснее будет видеть Бога в промысле Его, нежели сколько видит чувственное око вещественные предметы мира; сердце ощутит присутствие Бога. Узревший таким образом Бога и ощутивший Его присутствие, не может не уверовать в Него живую верою, являемую делами.

– Непрестанная молитва уничтожает лукавство надеждою на Бога, вводит в святую простоту, отучая ум от разнообразных помыслов, от составления замыслов относительно себя и ближних, всегда содержа его в скудости и смирении мыслей, составляющих его поучение.

– Непрестанно молящийся постепенно теряет навык к мечтательности, рассеянности, суетной заботливости и многопопечительности, теряет тем более, чем более святое и смиренное поучение будет углубляться в его душу и вкореняться в ней. Наконец, он может придти в состояние младенчества, заповеданное Евангелием, соделаться буим ради Христа, то есть, утратить лжеименный разум мира, и получить от Бога разум духовный.

– Непрестанною молитвою уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. От этого все люди начинают казаться добрыми; а от такого сердечного залога к людям рождается к ним любовь.

– Непрестанно молящийся пребывает непрестанно в Господе, познает Господа как Господа, стяжавает страх Господень, страхом входит в чистоту, чистотою в Божественную любовь. Любовь Божия исполняет храм свой дарованиями Духа.

39. Умная молитва состоит в том, чтобы умом в сердце предстоять пред Богом, или просто, или изъявлением прошений, благодарения и славословия... Постоянно привыкать к тому, чтобы находиться в общении с Богом, помимо всяких образов, всякого размышления, всякого ощутительного движения мысли. Вот это настоящие выражения! В этом именно и состоит существо умной молитвы, или умом в сердце предстояния пред Богом. Умная молитва бывает в двух состояниях, она есть или трудовая, когда человек сам напрягается на нее, и самодвижная, когда она сама собою стоит и действует. Последнее бывает во время помянутого влечения, а первое должно составлять постоянный наш труд. Хоть он сам по себе не бывает успешен, ибо мысли все расхищаются, но, свидетельствуя о нашем желании и усилении иметь постоянную молитву, привлекает милость Господню, – и Бог за этот труд подает, по временам, то влечение внутрь, при котором умная молитва является в настоящем своем виде.

40. Умом в сердце проходить молитву Иисусову, без движения языка, можно. Это лучше язычной молитвы. Язычная пусть бывает в пособие умной... Иногда язычная молитва требуется для твердости умной.

41. В действии молитвы Иисусовой не должно быть никакого образа, посредствующего между умом и Господом, и слова произносимые не главное суть, а посредствующее. Главное – умное пред Господом в сердце предстояние. Се умная молитва, а не слова. Слова здесь тоже суть, что слова всякой другой молитвы. Существо умной молитвы в хождении пред Богом; а хождение пред Богом есть неотходящее от сознания убеждение, что Бог, как везде есть, так и в вас есть, и видит все ваше внутреннее, – видит даже более, нежели вы сами. Это сознание ока Божия, смотрящего внутрь вас, тоже не должно иметь образа, а все должно состоять в одном простом убеждении, или чувстве. Кто в теплой комнате, тот чувствует,

как теплота охватывает его и проникает. Тоже должно происходить и в духовном нашем человеке от вездесущего и всеобъемлющего Бога, Который огонь есть. Слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», хоть суть орудие, а не существо дела, но орудие очень сильное и многодейственное; ибо имя Господа Иисуса страшно для врагов нашего спасения и благословительно для ищущих Его. Не забудьте, что дело сие просто, и никаких причудливостей не имеет, и не должно иметь. Молитесь о всем Господу, Пречистой Владычице и Ангелу Хранителю, и они вас всему научат, или сами, или чрез других.

42. Ты верно слышал такие слова: словесная молитва, мысленная молитва, сердечная молитва; слышал притом, может, и рассуждения о каждой из них особо. От чего происходит такое разложение молитвы на ее части? От того, что по нашей оплошности бывает, что иной раз язык произносит святые слова молитвы, а ум блуждает не весть где, или и ум понимает слова молитвы, а сердце не отзывается на них чувством. В первом случае молитва бывает только словесная, и совсем не есть молитва, во втором – с словесною соединяется и молитва мысленная, и это есть молитва несовершенная, неполная. Полная и настоящая молитва есть, когда с словом молитвенным и молитвенною мыслью сочетается и молитвенное чувство.

43. Умная или внутренняя молитва есть, когда молящийся, собрав ум внутрь сердца, оттуда не гласным, но безмолвным словом воссылает к Богу молитву свою, славословя Его и благодаря, сокрушенно исповедуя пред Ним грехи свои и испрашивая у Него потребных себе благ духовных и телесных. Не словом только надо молиться, но и умом, и не умом только, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при сем ум. Все сие в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в молитве твоей чего-либо из сего, то она есть или несовершенная молитва, или совсем не молитва.

44. Покаявшийся шествует к Господу. Путь к Нему собственно есть внутренний путь, в уме и сердце

совершающийся. Так надобно настроить помышление ума и расположения сердца, чтоб дух человека был всегда с Господом, являлся приступившим к Нему. Кто таков, тот непрестанно просвещается внутренним просвещением, приемлет на себя лучи умного света (Феодорит), подобно Моисею, у которого прославилось лицо на горе от сопребывания с Богом. О сем в другом месте говорит св. Давид *«знаменася на нас свет лица Твоего, Господи»* (Пс.4:17). – Приспособленное к сему средство есть умная, в сердце совершаемая, молитва. Когда она образуется, тогда только и уясняется взор ума, и дух, ясно зря Бога, получает от Него силу и видеть, и отгонять все, могущее устыждать его пред Богом. Между тем не мало таких, кои чают приступить к Богу одними внешними делами и подвигами. Чают, но не приступают, ибо не тем идут путем. И вот к ним воззвание: приступите к Богу умом и сердцем и просветитесь, и перестанете быть устыждаемы врагом, который при внешней вашей исправности, непрестанно одолевает вас и постыждает в помыслах и чувствах сердца. Умное и сердечное к Богу приступление подаст вам силу возобладать над всеми другими движениями души и посрамлять чрез то врага, когда он покусится посрамить вас.

45. Заботу вашу об умном предстоянии Богу благослови Господи. Ищите и обрящете. Это неотложный закон для всего желаемого на пути преуспевания духовного. Даром ничто не приходит. Помощь Божия всегда готова и всегда близ, но она уделяется только ищущим и трудящимся и притом тогда, когда ищущие переиспытывают все свои средства... и полным сердцем начнут взывать: Господи помоги! А пока остается хоть малое чаяние чего-либо от своих способов, Господь не вмешивается сюда, как бы говоря: чаешь сам достигнуть! Ну и жди... Но сколько ни будешь ждать, ничего не будет. Даруй вам Господи дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно!

46. Бывает, по благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится. Такая молитва есть достояние совершенных. Общедоступная же и от всех требуемая молитва есть, чтобы с

словом молитвенным всегда сочетаваемы были и мысль и чувство.

Бывает еще молитва, которую именуют предстоянием пред Богом, когда молящийся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно созерцает Бога присущим себе и в себе с соответственными тому чувствами, – то страха Божия и благоговейного изумления Его во всем величии, то веры и упования, то любви и преданности в волю Его, то сокрушения и готовности на всякие жертвы. Такое состояние приходит, когда углубится кто в обычной молитве словом, умом и сердцем. Кто долго и как должно молится, у того такие состояния чаще и чаще будут повторяться и, наконец, состояние такое может сделаться постоянным, и тогда оно называется хождением пред Богом и есть непрестанная молитва. В таком состоянии пребывал св. Давид, свидетельствующий о себе: *«предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся»* (Пс.15:8).

47. Действие этой молитвы в сердце бывает двояким образом: иногда ум предваряет, прилепляясь к Господу в сердце непрестанною памятью; иногда действие молитвы, само подвижшись предварительно огнем веселия, привлекает ум в сердце и привязывает его к призыванию Господа Иисуса и благоговейному Ему предстоянию (первая молитва есть трудовая, вторая самодвижная). В первом случае действие молитвы начинает открываться, по умалении страстей, исполнением заповедей, теплотою сердечною, вследствие усиленного призывания Господа Иисуса; во втором – Дух привлекает ум к сердцу и водружает его там в глубине, удерживая от обычного скитания. И тогда он не бывает уже, как пленник, отводимый из Иерусалима к ассириянам, а, напротив, совершает переселение из Вавилона в Сион, взывая с пророком: *«Тебе подобает песнь Боже в Сионе, и Тебе воздастся молитва во Иерусалиме»*. От этих двух видов молитвы и ум бывает то деятельным, то созерцательным. Деянием он, с помощью Божиею, побеждает страсти, а созерцанием Бога зрит, сколько это доступно человеку.

48. Когда внутренняя молитва войдет в силу, тогда она станет заправляющею молитвословием, будет преобладать над внешним молитвословием, даже поглощать его. От этого ревность молитвенная и будет разгораться, ибо тогда рай будет в душе. Оставаясь же с одним внешним молитвословием, можете охладеть к труду молитвенному, – хотя бы вы совершали его со вниманием и пониманием; главное – чувства сердца молитвенные.

49. Разные виды молитвы не предоставляются на наш выбор. Это разные истечения одной и той же благодати.

Такого рода суть только молитвы самодвижные, когда находит дух молитвенный. Но и они бывают двух видов: в одном человек властен повиноваться ему или нет, содействовать ему или расстроить его, а в другом не властен ничего сделать, а восхищается в молитву и держим бывает в ней иною силою, не имея свободы действовать как-либо иначе. Следовательно, выраженная мысль может относиться вполне только к последней. В отношении ко всем другим видам молитвы выбор уместен.

50. *«Но Сам Дух ходатайствует о нас воздыхании неизглаголанном» (Рим.8:26).* Понятнее будет сие, если применим то к чему-либо, бывающему в наше время. В наше время то же самое бывает в молитве находящей. Обычно молимся мы по молитвенникам или своим словом. Бывают при сем и чувства молитвенные и воздыхания, но мы сами самодеятельно их возбуждаем в себе. И это есть молитва. Но бывает, что влечение к молитве само находит и заставляет молиться и не дает покоя, пока молитва не изольется вся. Это или тоже есть, о чем говорит Апостол, или нечто похожее на то. Содержание таких молитв редко бывает определяемо каким-либо предметом, но всегда почти она дышит преданием себя в волю Божию, вверением себя водительству Бога, лучше нас знающего благопотребное для нас, и для внутреннего и для внешнего нашего, и сильнее нас желающего того для нас, и готового все то дать и устроить нам, лишь бы только мы не упирались ногами. Все молитвы, от св. отцов нам переданные,

суть такого же происхождения, суть духовдвижные и потому доселе так действенны.

II. Молитва Иисусова

51. Сия божественная молитва, состоящая в призывании Спасителя, есть следующая: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! Она есть и молитва, и обет, и исповедание веры, Духа Святого и божественных даров подательница, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумений и божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевательница, божественного просвещения подательница, милости Божией кладезь, откровения Таин Божиих ходатаица, единая спасительница, яко имя Спасителя нашего Бога в себе носящая, имя Иисуса Христа Сына Божия, на нас названное. *«И несть иного имене под небесем, о немже подобает спастися нам»* (Деян.4:12), как говорит Апостол... Почему всем верующим надлежит имя сие непрестанно исповедовать, и для проповедания веры, и для засвидетельствования любви нашей к Господу нашему Иисусу Христу, от которой ничто никогда отнюдь не должно нас разлучать, и ради благодати от Имени сего, отпущения грехов, уврачевания души, освящения, просвещения, и, прежде всего ради спасения.. Божественный Евангелист говорит: *«сия писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий»*. Се вера! – и *«да верующе живот имате во имя Его»*. Се спасение и жизнь! (Ин.20:31).

52. Пусть никто не думает, братии мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не миряне. Нет, нет: все мы христиане имеем долг всегда пребывать в молитве... И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух... К этому же поймейте во внимании и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться, – именно молиться умом. А это всегда можем делать, если захотим. Ибо и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пищу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться и творить умную молитву, благоугодную Богу, молитву истинную. Телом будем работать, а душою молиться. Внешний

наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящен на служение Богу и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедует нам и Богочеловек Иисус, говоря в святом Евангелии: *«ты же, егда молишия, вниди в клеть твою и, затворив двери твои, помолися Отцу твоему, иже в тайне»* (Мф.6:6). Клеть души есть тело, двери наши суть пять чувств телесных. Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и вещам мирским, но находится внутри сердца нашего. Чувства наши затворяются и остаются такими, когда мы не даем им прилепляться к внешним чувственным вещам, и ум наш таким образом остается свободным от всякого пристрастия мирского и сокровенною умною молитвою соединяется с Богом Отцом своим.

53. Учись умной молитве сердечной, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу, как учат св. отцы (в Добротолюбии). Иисусова молитва (непрестанно теплящаяся в уме и сердце), есть бич против плоти и злых ее похотений (особенно блудных и чревонеистовных). К обычной молитве – Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, прибавляй: Богородицею помилуй мя грешного. – Одна внешняя молитва недостаточна: Бог внемлет уму; а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутреннею, не монахи, а черные головешки. – Тот монах не имеет печати Христовой, который не знает (или забыл) делания Иисусовой молитвы. Книга не научит молитве (только указывает прямой путь как заниматься ею); надо иметь крепкое занятие в ней (молитве).

54. К Господу обращаться надо, сходя вниманием ума в сердце и там взывая к Нему. Если бы мы неопустительно исполняли это небольшое правило: – утвердившись умом в сердце, стоять пред Господом со страхом, благоговеиством и преданностью, то никогда не возникали бы в нас не только страстные пожелания и чувства, но и голые помыслы.

55. О молитве Иисусовой читывали?.. И знаете ее делом. Она одна и может сделать, чтобы внутри крепок был должный порядок, и внешним хозяйским разволокам не даст

расстраивать сей порядок она же. Она только даст возможность исполнить предписание отцов: руки за работой, ум же и сердце с Богом. Когда она привьется к сердцу, тогда не бывает внутри перерывов, а все одно и одно... Систематическое что завести внутри едва ли возможно, но одно или одинаковое при разнообразности неизбежных дел удержать можно – и это даст молитва Иисусова, когда привьется к сердцу. Как привьется?! Кто знает, как? а прививается. Трудящийся сознает это, не зная, как то совершилось. Труд... хождение в присутствии Божиим с частым сколько можно повторением молитвы сей. Как только свобода, сейчас за нее... И дастся...

Чтение принадлежит к числу способов поновления и оживления молитвы Иисусовой. Но советуется читать больше о молитве.

56. Когда память Божия есть и поддерживает страх Божий в сердце, тогда все благоспеется добре, но когда она слабеет или держится только в голове, тогда все вкривь и вкось.

57. Внимание к тому, что бывает в сердце и исходит из него – есть главное дело в христианской исправной жизни. Этим и внутреннее и внешнее приводится в должный порядок. Но ко вниманию всегда надо прилагать рассуждение, чтобы обследовать как должно происходящее внутри и требуемое внешностью. Без рассуждения и внимание ни к чему.

58. Возможно, – при исполнении внешних послушаний, – что внутреннего при сем не будет, и жизнь твоя останется бездушною. Как избежать сего? Надо во всякое дело влагать сердце богобоязненное. Чтобы сердце было в состоянии богобоязненности, надобно, чтобы его непрестанно осеняло помышление о Боге. Помышление о Боге будет дверь, чрез которую войдет душа в деятельную жизнь. Весь труд теперь должен быть обращен на то, чтобы непрестанно помышлять о Боге, или о присутствии Божиим. («Взыщите Бога... Взыщите лице Его выну...») Вот где стоит трезвение и умная молитва. Бог везде есть; делай, чтобы и мысль твоя всюду была с Богом. Как же сделать? Мысли толкутся, как комары в своих столбиках, а над мыслями и чувства сердца. Чтобы прилепить мысль к единому, старцы имели обычай

навыкать непрерывному произношению коротенькой молитовки, от навыка и частого повторения молитовка эта так навязывалась на язык, что он сам собою повторял ее. Чрез это и мысль прилеплялась к молитве, а чрез нее и к помышлению о Боге непрестанному. После навыка молитва связывала память о Боге, а память о Боге молитву; и они взаимно себя поддерживали. Вот и хождение пред Богом.

Умная молитва есть, когда кто, утвердившись вниманием в сердце, оттуда возносит к Богу молитву. Умное же делание есть, когда кто, стоя вниманием в сердце с памятью о Господе, отрывает всякую другую мысль, покушающуюся проникнуть в сердце.

59. Преподобный Нил Сорский говорит: «А чтобы, при делании умной молитвы, не впасть в прелесть, – не допускай в себе никаких представлений, никаких образов и видений; ибо парения, сильные мечтания и движения не перестают быть и тогда, когда ум стоит в сердце и совершает молитву, и никто не в состоянии владычествовать над ними, кроме достигших благодати Святого Духа совершенства и кроме стяжавших Иисусом Христом непоколебимость ума».

60. Некоторый брат, именем Иоанн, пришел из страны приморской к сему святому великому отцу Филимону и, обняв его ноги, сказал: «Что мне делать, Отец мой, чтобы спастись? Я вижу, что ум развлекается и блуждает по предметам там и здесь, где не должно». Он немного помолчавши сказал ему: «Сей недуг – внешних, и остается в тебе потому, что не имеешь еще совершенной любви к Богу; поелику еще в тебе не возникла теплота любви и познания Его». Брат спрашивает его: «Что ж мне делать?» «Поди, отвечает он, имей пока в сердце сокровенное упражнение; оно может очистить от сего ум твой». Брат, не понимая сказанного, говорит старцу: «Что такое сокровенное упражнение?» «Поди, отвечал он, трезвьись в сердце твоём и в уме твоём трезвенно со страхом и трепетом говори: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Так и блаженный Диадокх предписывает поступать начинающим». Брат пошел от него и, при содействии Божию и молитвах Отца, стал безмолвствовать и вкусил сладости сего занятия; только это

продолжалось короткое время. Как он уклонился от него и не мог трезвенно совершать его и молиться, то опять пришел к старцу и рассказал ему случившееся. Сей говорит ему: «Вот ты уже узнал стезю безмолвия и упражнения внутреннего и вкусил сладости оного. Итак, имей в сердце своем следующее: принимаешь ли ты пищу и питье, в беседе ли какой находишься, вне келлии или в пути, не забывай трезвенною мыслью и внимательным умом приносить сию молитву, и петь, и заниматься молитвами и псалмами. Даже при исполнении необходимой какой-либо нужды ум твой да не будет празден, но тайно пусть занимается и молится... Всегда, и отходя ко сну, и пробуждаешься, и принимая пищу и питье, и или с кем-нибудь беседуя – храни сердце твое в сокровенном и умном занятии псалмами или молитвою: Господи Иисусе Христе, помилуй мя!»

61. В молитве чисто созерцательной слово, как и сами мысли, исчезает, но не потому, что этого желаешь, а потому, что это делается само собою.

Молитва умная переходит в молитву сердечную, или умно-сердечную. Появление ее современно зарождению сердечной теплоты. Другой молитвы уже нет в обычном течении духовной жизни. Умно-сердечная молитва может глубоко внедриться в сердце, и быть в этом случае без слов и мыслей, состоя в одном предстоянии Богу и благоговейно-любовном к Нему припадании. Тут она тоже, что влечение внутрь пред Бога на молитву, или нахождение духа молитвенного. Но все это еще не сознательная молитва, которая есть высшее состояние молитвенное, по временам проявляющееся в избранных Божиих.

62. «Монах должен, – ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем, или другое что делает, – непрестанно взывать: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! да имя Господа Иисуса, сходя вглубь сердца, смирит держащего тамошние пажити змия, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа и Господь сердце, и будут два сии воедино. Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним и сердце свое храните всегда с памятованием Господа нашего Иисуса

Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца и оно ни о чем другом помышлять не станет, – да возвеличится Христос в вас».

63. Посему очень премудро славные руководители наши и наставники, и с живущим в них Духом Святым, и всех нас, паче же тех, кои возжелали вступить на поприще боготворного безмолвия, Богу себя посвятить и, отторгшись от мира, разумно безмолвствовать научают преимущественно пред всяким другим деланием и попечением, Господу молиться и у Него просить милости с несомненным упованием, непрестанным имея делом и занятием призывание всесвятого и сладчайшего имени Его, всегда нося Его в уме, в сердце и в устах, и всячески понуждая себя в Нем и с Ним и дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить, – и все вообще, что ни делаем, так делать. Ибо – как, при отсутствии Его, стекается к нам все зловерное, не оставляя места ничему душеполезному, так, при Его присутствии, все противное отгоняется, ни в чем добром не бывает недостатка и все является возможным для исполнения, как и сам Господь наш возвещает: *«уже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин.15:5).

64. «Если истинно желаешь покрыть стыдом помыслы, благодушно безмолвствовать, и без труда трезвенствовать сердцем; да прильпнет к дыханию твоему молитва Иисусова, и в немного дней увидишь это на деле».

65. Чего ищут молитвою Иисусовою? – Того, чтоб канул в сердце благодатный огонь, и началась непрестанная молитва, чем и определяется благодатное состояние. Ведать подобает, что молитва Иисусова, как искра Божия падет в сердце, раздувает ее в пламень; а сама не дает сей искры, а только способствует к приятию ее. – Чем способствует? Тем, что собирает мысли во едино и дает душе возможность стоять пред Господом и ходить в присутствии Его. – Главное – стояние и хождение пред Богом с вопиянием к Нему из сердца. Так делал Максим Кавсокаливит... Так пусть делают и все, ищущие благодатного огня, а о словах и положениях тела не заботятся. Бог смотрит на сердце.

Я против того говорю, что иные совсем забывают о вопиянии из сердца... Вся забота у них о словах и положении тела, и, отчитав в сем положении известное число молитв Иисусовых, с поклонами, опочивают на сем, с неким самомнением и осуждением ходящих в церковь на общую уставную молитву. Иные весь век так проживают, и пусты бывают от благодати.

Если б кто спросил меня, как мне справлять дело молитвенное, я сказал бы ему: навикай ходить в присутствии Божию или храни память Божию и благоговеинствуй; для поддержания сей памяти избери несколько коротеньких молитовок, или прямо возьми 24 молитовки Златоустовы и часто повторяй их с соответственными мыслями и чувствами. По мере навыка будет просветляться голова памятью Божиею и согреваться сердце. В сем положении уканет наконец в сердце искра Божия – луч благодати. Его ничем не произведешь, он исходит прямо от Бога... Тогда можешь остаться с одною Иисусовою молитвою и ею раздувать молитвенную искру в пламень. Таков прямой путь.

66. Потом, когда заметите, что кто начинает углубляться в молитву, можете предложить ему творить молитву Иисусову непрестанно, и при сем блюсти память Божию со страхом и благоговеинством. – Молитва первое дело. Главное, что ищется молитвою, есть получение того огонька, который дан был Максиму Кавсокаливиту... Сей огонек никаким художеством не привлекается, а подается свободно благодатию Божиею. Для чего требуется труд молитвенный, как пишет св. Макарий... Хочешь стяжать молитву, говорит он, трудись в молитве... Бог, видя, как ты усердно ищешь молитвы, даст молитву (Слово 1, глава 13).

67. В обычных опытах благочестивой жизни до очевидности оправдывается это над навыком молитве Иисусовой. Мало в ней слов, но они совмещают все. Исстари признано, что, навикнув молиться этою молитвою, можешь заменить ею все молитвословия. И есть ли кто из ревнующих о спасении, кто не был бы знаком с этим деланием? Великая сила этой молитвы, по изображению св. Отцов; а между тем на деле видим, что не

все имеющие навык к ней, причастны этой силе, не все вкушают от плодов ее. Отчего это? От того, что сами хотят забрать в свое владение то, что принадлежит дарованию Божию и есть дело благодати Господней.

Начать повторять эту молитву утром, вечером, ходя, сидя и лежа, за делом и на досуге – есть наше дело, на это не требуется особой помощи Божией. Трудясь все в том же порядке, можно самому дойти до того, что язык и без нашего сознания все будет повторять эту молитву. Может последовать за этим и некое умирение помыслов, и даже своего рода сердечная теплота, но все это будет, как замечает в Добротолубии инок Никифор, дело и плод наших усилий. Остановиться на этом, значит тоже, что удовольствоваться умением попугая произносить известные слова, даже такие как «Господи помилуй». Плод от этого такой: будешь думать, что имеешь, тогда как ровно ничего не имеешь. Это и случается с теми, у кого во время навыковения этой молитве, поколику то зависит от нас, не раскрывается сознание того, в чем существо ее. Не сознавая же того, они довольствуются указанными естественными начатками действий ее и прекращают искание. Но у кого сознание то раскроется, тот не прекратит искания; а, видя, что сколько ни усиливается действовать по старческим указаниям, все ожидаемого плода не обнаруживается, пресекает всякое ожидание плода от одного своего усилия, и все упование возлагает на Бога. Когда это образуется, тогда открывается возможность и благодатному воздействию: приходит благодать в момент ей одной ведомый и прививает молитву ту к сердцу. Тогда, как говорят старцы, все тоже будет по внешнему порядку, но не тоже по внутренней силе.

Что сказано об этой молитве, то приложимо ко всякому проявлению жизни духовной. Возьмите сердитого и предположите, что он возревновал погасить гневливость и стяжать кротость. В подвижнических книгах есть указания на то, как должно править собою, чтоб этого достигнуть. Усвояет все это он и начинает действовать по вычитанным указаниям. Докуда же он дойдет своими усилиями? Не далее, как до молчания уст при серчании, с некоторым укрощением самого

серчания; а чтоб совсем погасить гнев и в сердце водворить кротость, до этого он сам никогда не дойдет. Это бывает уже тогда, когда приходит благодать и прививает кротость к сердцу.

Так в отношении и ко всему. Какого бы плода духовной жизни не взыскал ты, искать ищи всеусиленно, но не ожидай плода от твоего искания и твоих усилий, а возверзи печаль твою на Господа, без всякого отчисления чего-либо на свою долю, и Той сотворит (Пс.36:6).

Молись: «желаю, ищу, но живи меня Ты правдою Твоею». Господь определил: *«без Мене не можете творити ничесоже»* (Ин.15:5). И закон этот исполняется в духовной жизни с точностью, ни на волос не уклоняющееся от определенного. Когда спрашивают: что мне сделать, чтобы приобрести ту или другую добродетель? Можно всем отвечать: обратись ко Господу, и Он тебе даст; другого способа к получению искомого нет.

68. Буду писать вам теперь о способах, как возжечь постоянный огонек или теплоту в сердце. Припомните, как возбуждается теплота в физическом мире: трут дерево об дерево, и получают теплоту и даже огонь; держать вещь на солнце, и она согревается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается. Способ к зарождению духовной теплоты похож на это. Труды – трение подвижничества; держание на солнце – умная молитва к Богу...

Трудами подвижничества может загореться огонь и в сердце, но не скоро, если они оставляются одни: путь этот многопрепятствен. Потому то исстари ревнители спасения, опытные в духовной жизни, не отступая от этих трудов, по Божию внушению, открыли и предали к употреблению всех другой способ для согревания сердца, и притом простейший и легчайший на вид, но не менее трудный к исполнению, только скорее приводящий к цели: это целесообразное совершение умной молитвы к Господу Спасителю. Оно состоит в следующем: стань умом и вниманием в сердце, и, восставив убеждение, что Господь близ и внимает, взывай к Нему умиленно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного или грешную», – и делай это непрестанно, и в церкви,

и дома, и на пути, и за делом, и за столом, и в постели, словом – с той минуты, как откроешь глаза, до той, как закроешь их. Это будет точь-в-точь соответствовать держанию вещи на солнце, потому что тут есть держание себя пред лицом Господа, Который есть солнце умного мира. Ведать надлежит, что плод от этой молитвы начинается тогда, когда она привьется к сердцу и углубится в него; а для этого надобно потрудиться над навыком совершать ее; для этого надобно отделять исключительно на нее известную часть времени, утром и вечером.

Когда все это будешь проходить с усердием, неленостно и не опустительно, – милостив Господь, – затеплится огонек в сердце, который будет свидетельствовать о зарождении в средоточии естества нашего внутренней духовной жизни, или о воцарении Господа в нас...

Отличительная черта состояния, когда раскрывается царствие Божие внутрь, или, что тоже, когда затепливается неотходный духовный огонь в сердце из отношения к Богу, есть внутри пребывание. Сознание все сосредоточивается в сердце и стоит пред лицом Господа, изливая пред Ним свои чувства, более же всего болезненно припадая к Нему в смиренных чувствах покаяния, с соприущею готовностью весь живот свой посвящать на служение Ему единому. Такой строй устанавливается каждодневно, с минуты пробуждения от сна, держится весь день, при всех трудах и занятиях, и не отходит, пока сон не смежит очи. Вместе с образованием такого строя, прекращается все настроение, которое характеризовало внутри до этого момента, в период искания, в это переходное состояние томления, как называет его Сперанский... Неудержимое брожение мыслей прекращается; атмосфера души становится чистою и безоблачною: стоит одна мысль и память о Господе. Отсюда светлость во всем внутреннем. Все там ясно, всякое движение замечается и достойно оценивается, при умном свете, исходящем от лица Господа созерцаемого. Вследствие сего, всякий недобрый помысл и недоброе чувство, прирожающиеся к сердцу, в самом зародыше встречают сопротивление, и прогоняются... Если же против воли и проскользнет что-либо

противное, тотчас смиренно исповедуется Господу и очищается внутренним покаянием или внешним исповеданием, так что совесть всегда хранится чистою пред Господом. В награду за весь такой внутренний труд подается дерзновение к Богу в молитве, которая и теплится непрестанно в сердце. Теплота молитвы непрестанная есть дух этой жизни, так что, с прекращением сего тепления, прекращается и движение духовной жизни, как с прекращением дыхания прекращается жизнь телесная.

69. Не говорю, чтобы все было сделано, как только достигнешь этого состояния осязаемого общения. Этим полагается только начало новой степени, или нового периода христианской жизни. Отселе пойдет преобразование души и тела по духу жизни о Христе Иисусе, или их одухотворение. Возобладав над собою, человек начнет влагать в себя все истинное, святое и чистое, и изгонять все ложное, греховное и плотское. И доселе он трудился над тем же, но поминутно был окрадываем; от того, что успевал созидать он, то тотчас почти было разоряемо. Теперь не то. Человек стал твердою ногою и, не поддаваясь противностям, ведет целесообразно свое созидание. Воспринимается, по словам Варсонофия, огонь, который вовеки на землю пришел Господь, – и в этом огне начинают перегорать все силы естества человеческого. Если долгим трением возбудите вы огонь и вложите его в дрова, – дрова загорятся и, горя, будут издавать треск и дым, пока перегорят. Перегоревшие же являются проникнутыми огнем, издавая приятный свет, без дыма и треска. Точь-в-точь подобное же происходит и внутри. Огонь воспринят, начинается перегорание. Сколько при этом дыма и треска – знают испытавшие. Но когда все перегорит, – дым и треск прекращаются, и внутри качественно только свет. Состояние это есть состояние чистоты; до него долгий путь. Но Господь многомилостив и всесилен... Очевидно, что тому, кто воспринял огонь осязательного общения с Господом, предлежит не покой, а труд многий, но труд сладкий и плодотворный; доселе же он был и горек и малоплоден, если не совсем бесплоден.

70. По мере того, как станешь навекать молиться, как следует, по чужим молитвам, начнут у тебя возбуждаться и свои молитвенные к Богу обращения и воззвания. Никогда не пропускай без внимания этих, проявляющихся в душе твоей, восхождений к Богу; но всякий раз, как они возбуждятся, остановись и молись своею молитвою. Не думай, что, молясь так, делаешь ущерб молитве, – нет: тут-то ты и молишься, как следует, и эта молитва доходнее до Бога. Потому-то есть и правило, всеми преподаваемое: в церкви ли, дома ли, душа твоя сама захочет помолиться своим, а не чужим словом, – дай ей свободу, пусть молится, хоть всю службу сама промолится, а дома от правила молитвенного отстанет и не успеет совершить его.

Тот и другой образ молитвы, – по молитвенникам со вниманием и соответственными благоговейными мыслями и чувствами, или без них, своим словом, – приятны Богу. Ему неприятно только, когда кто читает молитвы дома, или в церкви стоит на службе без внимания: язык читает или ухо слушает, а мысли бродят не зная где. Тут совсем нет и молитвы. Но молитва не читательная, а своеобразная ближе к существу дела и многоплоднее. Посему советуется не всегда ждать, пока захочется самому помолиться, но заставлять себя принудительно так молиться, и не только во время церковной службы и домашнего молитвословия, но и во всякое время. Для навыка в этом самопринудительном молитвенном труде, опытные молитвенники избрали одну молитву к Господу Спасителю, и установили правила, как ее совершать, чтобы с помощью ее развить в себе своеобразную молитву. Дело это просто, стань умом в сердце пред Господом и молись Ему: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Так дома пред молитвословием, в промежутках молитвословия, и в конце, так и в церкви, так и весь день, чтобы все моменты дня наполнить молитвою.

Эта спасительная молитва сначала обыкновенно бывает трудовая, делательная. Но если не поленится кто потрудиться над нею, она станет и самодвижною, сама будет твориться, словно ручеек, журчащий в сердце. Это благо великое, и

потрудиться стоит, чтоб достигнуть его. Труженики, преуспевшие в молитве, указывают для этого небольшой труд, или немноготрудное упражнение молитвенное, именно: прежде или после молитвенного правила, утреннего или вечернего, а то и днем, определи несколько времени на совершение этой одной молитвы, и совершай ее так: сядь, а лучше стой молитвенно, сосредоточься вниманием в сердце пред Господом, воздвигнув убеждение, что Он тут и внимает тебе, и взывай к Нему: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», – и клади поклоны, если есть охота, поясные и земные. Так делай четверть часа, полчаса, больше или меньше, как тебе удобнее. Чем усерднее потрудишься, тем скорее молитва эта привьется к сердцу. Лучше взяться за дело поревностнее и не отступать, пока не достигнешь желаемого, или пока молитва эта не начнет сама двигаться в сердце; после того только поддерживай. Та теплота сердечная, или горение духа, о коих прежде было говорено, приходят именно этим путем. Чем более внедряется в сердце молитва Иисусова, тем более согревается сердце, и тем самодвижнее становится молитва, так что огонь жизни духовной в сердце возгорается, и горение ее становится непрерывным, вместе с тем, как молитва Иисусова займет все сердце и станет непрерывно движущеюся. Оттого получившие зарождение совершенной внутренней жизни почти исключительно молятся этою молитвою, определяя ею свое молитвенное правило.

71. Св. Григорий Синаит пишет: «принятое нами о Христе Иисусе во св. крещении не истребляется, а только зарывается, как некое сокровище в землю. И благоразумие и благодарность требуют позаботиться о том, чтобы открыть его и привести в явность. К этому ведут следующие способы: во-первых, дар этот открывается многотрудным исполнением заповедей, так что поколику исполняем заповеди, потоплику дар сей обнаруживает свою светлость и свой блеск; во-вторых, приходит он в явление и раскрывается непрерывным призыванием Господа Иисуса, или что тоже, непрерывною памятью о Боге. И первое средство могущественно, но второе могущественнее, так что и первое от него получает полную свою силу. Посему, если искренне хотим раскрыть сокрытое в нас семя

благодатное, то поспешим скорее навикнуть сердечному упражнению, и иметь всегда в сердце это одно дело молитвы, безвидно и не воображенно, пока оно согреет сердце наше и распалить его до неизреченной любви ко Господу».

72. Молитва сия названа Иисусовою потому, что обращается к Господу Иисусу, и есть по составу своему словесная, как и всякая другая краткая молитва. Умною же она бывает и называться должна, когда возносится не одним словом, но и умом и сердцем, с сознанием ее содержания и чувствованием, и особенно когда чрез долгое со вниманием употребление так сливается с движениями духа, что они одни и присущими видятся внутри, а слов как бы нет. – Всякая короткая молитовка может взойти на эту степень. Иисусовой же молитве принадлежит преимущество потому, что она с Господом Иисусом сочетавает душу, а Господь Иисус есть единственная дверь к богообщению, к снисканию которого и стремится молитва. Ибо Он Сам сказал: *«никтоже приидет ко Отцу токмо Мною»* (Ин.14:6). Почему стяжавший ее усвоит себе всю силу воплощенного домостроительства, в чем и есть наше спасение. Слыша сие, ты не удивишься, почему ревнители о спасении не жалели труда, стараясь навикнуть сей молитве и усвоить себе силу ее. Возьми с них пример себе и ты.

Навыкновение молитве Иисусовой внешне стоит в достижении того, чтоб она сама собой непрестанно вращалась на языке, внутренне же – в сосредоточении внимания ума в сердце и непрестанном в нем предстоянии пред Господом, с сопровождающею сие сердечною теплотой в разных степенях, и отрევанием всяких других помышлений, и наипаче с сокрушенным и смиренным припаданием к Господу Спасителю. Начало сему навыку полагается частым сколько можно повторением сей молитвы со вниманием в сердце. Частое повторение, установляясь, собирает ум воедино, в предстоянии Господу. Установлению такого строя внутри сопутствует согревание сердца и отгнание помыслов даже простых, а не только страстных. Когда в сердце начнет непрестанно теплиться огонь прилепления к Господу, тогда вместе с сим водворится внутри мирное устройство сердца с сокрушенным и смиренным,

мысленным, припаданием к Господу. Доселе доходит собственный наш труд с помощью благодати Божией. Что еще, высшее сего, может совершиться в деле молитвы, то будет даром единой благодати. У св. отцов поминается о сем для того только, чтобы кто, достигши показанного предела, не подумал, что ему нечего уже больше желать, и не возмечтал, что стоит на самом верху совершенства молитвенного, или духовного...

Не спеши гнать одну молитву за другою, а с мерною длительностью произноси их, как обыкновенно говорят пред большим лицом, когда просят его о чем. Однако ж не об одних словах заботься, а паче о том, чтобы ум был в сердце и предстоял Господу, яко присущему, с полным сознанием Его величия и благодати и правды...

Чтоб избежать неправильностей, имей советника – отца духовного, или собеседника – брата единомысленного, и поверяй им все случающееся при таком труде твоём. Сам же всегда действуй в наибольшей простоте, в великом смирении и неприисвоении себе успеха. Ведай, что настоящий успех происходит внутри, незаметно, не выдаваясь, как совершается рост тела. Потому, когда возгласится у тебя внутри: а, вот оно! – знай, что это возглас вражий, представляющий тебе нечто кажущееся вместо действительного. Тут начало самопрельщения. Заглушай сей глас сразу; иначе он как труба будет гудеть у тебя, питая самомнение.

73. Надобно знать, что верный признак подвига и вместе условие преуспевания чрез него есть приболезненность. Неболезненно шествующий не получит плода. Болезнь сердечная и телесный труд приводят в явление дар Духа Святаго, подаемый всякому верующему во св. крещении, который нашим нерадением об исполнении заповедей погребается в страстях, по неизреченной же милости Божией опять воскрешается в покаянии. Не отступай же от трудов из-за болезненности их, чтоб не быть тебе осуждену за бесплодие и не услышать: «возьмите от него талант». Всякий подвиг, телесный или душевный, не сопровождаемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: *«царствие Божие нудится, и нуждницы восхищают е»* (Мф.11:12). Многие много

лет неболезненно трудились и трудятся, но ради безболезненности этой были и суть чужды чистоты, и непричастны Духа Святаго, как отвергшие лютость болезней. В небрежении и расслаблении делающие трудятся будто и много, но никакого не пожинают плода, по причине безболезненности. Если, по пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши от постных трудов, и если мы не водрузим в сердце болезненных чувств сокрушения, и не возболезнуем, как рождающая, то не возможем родить дух спасения на земле сердца нашего.

Плоды молитвы

74. Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой, упражнение которою превышает псалмопение и прочего молитвословия. От внимания рождается умиление, а от умиления усугубляется внимание. Они усиливаются, рождая друг друга; они доставляют молитве глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляют ей чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание и умиление, суть дары Божии.

75. Ведайте, что из сердца никогда не должно выходить вниманием. Но дело в сердце иногда бывает только умное, – умом совершаемое, а иногда и сердечное, то есть, и начинаемое, и продолжаемое с теплым чувством. Се закон не одних отшельников, а всех, кои должны чисто Богу сердцем предстоять, и пред лицом Его работать, то есть всем христианам. Ум устаёт говорить слово молитвы. Молитесь тогда без слов, – так повергаясь пред Господом мысленно в сердце и Ему себя предавая... Это и будет собственно молитва, слово же есть только выражение ее... и оно всегда слабее самой молитвы пред Богом.

Сердечная молитва никогда не преждевременна. Она – начало дела. Утверждением ее в сердце дело Божие спешится. Развивать ее надобно, не жалея труда. Бог, видя труд, дает искомое. Настоящая молитва самодельно не бывает: она есть дар Божий. Ищите и обрящете! Что вы не употребляли художественного способа привития молитвы, – се не ущерб. Тот способ не неизбежен; и без него можно. Не положение тела – главное, а внутренний строй. Дело все: «стоять вниманием в сердце и к Богу взирать, или взывать». – Я не встречал еще никого, кто бы одобрял тот художественный прием. Преосвященный Игнатий и о. Макарий Оптинский тоже не одобряют его.

76. Художное делание молитвы Иисусовой... творение ее простое со вниманием в сердце или хождение в памяти Божией, суть наш труд, и сами по себе имеют свой естественный, – не благодатный плод. Плод сей есть: собрание мыслей, благоговение и страх Божий, память смертная, умирение помыслов и некоторая теплота сердечная. Все сие суть естественные плоды внутренней молитвы. Надо это хорошо затвердить, чтоб пред собою не трубить и пред другими и не выситься.

Пока в нас только естественные плоды, до тех пор мы гроша не стоим, и по существу дела, и по суду Божию. Цена нам, когда благодать придет. Ибо когда она придет, это и будет значить, что Бог воззрел на нас милостивым оком...

В чем именно обнаруживается это действие благодати, я не имею вам сказать; но то несомненно, что она не может придти прежде, чем покажутся все указанные выше плоды внутренней молитвы.

77. Плод молитвы – сосредоточение внимания в сердце и теплота. Это естественное действие. Достигать сего всякому можно. И молитву сию творить всякому, не монаху только, но и мирянину.

Это не есть какое-либо высокое дело, а простое. И молитва Иисусова, одна сама по себе, не чудотворная какая, а как всякая другая краткая молитва, словесная и, следовательно внешняя. Но она может перейти в умную и сердечную... все естественным путем. Что от благодати, того надо ждать, а взять того никаким таким способом нельзя.

Что вам писали, что надо прежде страсти очистить, то относится к высокой созерцательной молитве; а это простая молитва... могущая, однако ж, привести к высокой молитве.

Чтоб успешно шло сие занятие, надо всякий раз, приступая к нему, все оставить, чтоб сердце было свободно от всего решительно, чтоб во внимании не торчало: ни лицо, ни дело, ни вещь. Выгнать все надо на это время. Отбывши правило сие, не надо оставлять сей молитвы и во всякое время, а как только свобода, сейчас за нее.

Во время богослужения надо внимать службе... стоя вниманием там же, где и Иисусова молитва творится. А когда что не внятно читают и поют, тогда творить эту молитовку.

78. Не забывайте, что не должно ограничиваться одним механическим повторением слов молитвы Иисусовой. Это ни к чему не приведет, кроме механического навыка повторять сию молитву языком, даже не думая о том. И это конечно не худо. Но составляет самую дальнюю внешнюю окраину сего дела.

Суть дела – сознательное стояние в присутствии Господа со страхом, верою и любовью. Это настроение возможно и без слов. Его и надобно восстанавливать в сердце прежде всего. Слова же потом будут идти, чтоб удержать на этом одном внимание и углубить те чувства и расположения.

79. Иисусова ли, или другая какая краткая молитва, – дело хорошее, если навязнет на языке. Позаботьтесь только при этом, не в голове быть вниманием, а в сердце, и будьте там не во время только стоянья на молитве, но и во всякое время. Потрудитесь образовать в сердце будто болячку какую... Труд постоянный скоро сделает это. Тут ничего нет особенного. Это натуральное дело (то, что болячка – болезнование покажется). Но и от этого собранности более будет. А главное то, что Господь, видя труд, дарует помощь и Свою благодатную молитву. Тогда пойдут в сердце свои порядки.

80. Боитесь впасть в духовное сластолюбие? Как оно сюда попадет?! Ведь не для сласти творится молитва, а для того, что долг есть служить сим образом Богу; сласть же необходимая принадлежность истинного служения. К тому же, в молитве главное – умом в сердце предстояние Богу с благоговейством и страхом, отрезвляющим и прогоняющим всякую блажь и насаждающим в сердце болезнование пред Богом. Эти чувства: страх Божий и болезнование, или сердце сокрушенно и смиренно, суть главные черты настоящей внутренней молитвы и проба всякой молитвы, по коим надо судить, должным ли порядком идет наша молитва, или не должным. Когда они есть – молитва в порядке. Когда их нет, – не в порядке, и надобно вставлять ее в свой чин. С отсутствием их сласть и теплота могут породить самомнение, а это гордыня духовная... и се

будет прелесть пагубная. Тогда сласть и теплота отойдут; останется одна память о них., а душа все же будет думать, что имеет их. – Сего бойтесь, и больше возгревайте страх Божий, смирение и болезненное к Богу припадение, ходя всегда в присутствии Божиим. Се – главное!

81. Теплота сердечная, о коей вы пишете, хорошее состояние. И надо ее блюсти и поддерживать. Когда ослабее, возгревать так, как вы делаете: собираться посильнее внутрь и к Господу взывать. Чтоб не отходила, надо избегать рассеяния мыслей и впечатлений на чувства, не согласных с сим состоянием, избегать, чтоб сердце не прилегло к чему-либо видимому и никакая забота не поглощала всего внимания. Внимание же к Богу да будет неотходное и напряжение тела неослабное, в струнку, как солдат в строю. Главное же: Господа молить, да продлит сию милость.

Что касается до – это ли? то, однажды навсегда примите за правило, такие вопросы гнать без жалости, как только родятся. Это вражие порождение. Если остановитесь на вопросе сем, то враг тотчас же и решение даст: о, конечно это... Ты – ведь молодец! – Затем молодец подымет на ходули, начнет мечтать о себе, а других ни во что ставить. И благодать отойдет. Но враг все будет держать его на мысли, что она с ним. И сие есть: мнить себя имети, тогда как ничего нет. Свв. отцы написали: «не мерять себя». А взять и решить тот вопрос, значить приступить к измерению себя: насколько вырос. Так извольте от этого бегать, как от огня.

82. Теплота настоящая – дар Божий; но есть и натуральная теплота, плод собственных усилий и свободных настроений. Они отстоят друг от друга, как небо от земли. Какая у вас – это не видно. После откроется.

«Мысли утомили, не дают установиться пред Богом». Это знак, что ваша теплота не Божия, а своя. Первый плод Божией теплоты есть собрание мыслей воедино и устремление их к Богу неотходное. Тут бывает тоже, что с кровоточивою. У той: ста ток крове... а тут останавливается ток помыслов. Что же нужно? Держа свою натуральную теплоту, ни во что ее вменять, а только приготовлением неким к Божией теплоте почитать;

затем болезновать о скудости Божиего действия в сердце и в болезни молить Господа непрестанно: «Милостив буди! Не отврати Лица Твоего!.. Просвети Лице Твое!..» К этому усугубить лишения телесные... в пище, сне, труде и подобное. Все же дело предать в руки Божии.

83. С первого пробуждения утром озаботьтесь собраться внутрь и возгреть теплоту. Это считайте нормальным вашим состоянием. Коль скоро нет сего, знайте, что у вас внутри неисправно. Поставив себя утром в такое собранное и согретое состояние, затем, – все обязательное надо исправлять так, чтоб тем не разорять своего внутреннего настроения, а из произвольного – то, что поддерживает сие состояние, делать; что же расстраивает его, того ни под каким видом не делать: ибо это значило бы враждовать против себя... Поставьте только законом хранить собранность и теплоту, умом стоя в пред Господом. Тогда это само укажет, что как должно делать, или что должно позволять себе, и чего не должно.

Всесильное пособие к сему есть молитва Иисусова. Надобно навикнуть ей так, чтоб она непрестанно читалась там, где место сердца. А чтоб навикнуть, надобно потрудиться. Теперь же возьмитесь за сие дело. Или вы уже знакомы с ним? – Мне показалось, что вы творите сию молитву только на правиле. На правиле своим чередом, а то непременно надо творить ее, сидя, ходя, вкушая пищу, работая. Если она не держится крепко в сердце, можно оставя все, ею одною заняться, пока внедрится. Это дело просто. Стать пред иконами в молитвенное положение (можно сесть), и низшедши вниманием туда, где место сердца, творить там неспешно Иисусову молитву, при памятовании присутствия Божия. Так полчаса, час, или больше. Сначала трудновато, а когда навык приобретется, это будет совершаться будто натурально, как совершается дыхание.

При таком устройстве вашего внутреннего начнется в вас умная жизнь, или, как говорят, умные делания. Первое тут есть требование чистоты совести, ее безукоризненности не пред Богом только, но и пред людьми и собою, даже пред вещами. Почему, мало-мало проскользнет что в мысли или слове,

смущающее совесть, сейчас надо каяться внутренне пред Господом, Который все видит и умиротворит совесть...

Остается одна борьба с помыслами, которые то и дело будут жужжать, как комары безотвязные. Учитесь сами, как с ними управляться. Опыт – наука. Одно скажу. Обычно помыслы кружатся в голове. Это пустые. Но вы смотрите за теми, которые как стрелой пронизывают сердце и оставляют там след, как царапину. Тотчас возьмитесь и изгладьте след сей молитвою, восстановив на место его противоположное чувство. Когда хранится теплота, эти случаи редки и слабы.

84. На языке пусть будет молитва Иисусова, в уме – предзрение Господа пред собою, в сердце жажда Бога или общения с Господом. Когда все сие будет и будет постоянно, тогда Господь, видя, как нудите себя, подает просимое.

85. Молитва из сердца всякая должна исходить, – и другая какая молитва – не молитва. И молитвы по молитвеннику, и молитвы свои, и коротенькие молитовки – должны идти из сердца к Господу предзримому пред собою. Тем паче такую должна быть молитва Иисусова.

86. Вы предлагаете мне разъяснить дело молитвы... Но тут и разъяснять нечего. Стань умом в сердце пред лицом Господа и взывай к Нему: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! – Это будет труд молитвенный. Смотря по тому, как кто усердно будет трудиться, Господь, видя труд, даст ему молитву духовную, которая бывает плодом благодати Св. Духа. Вот и все, что следует говорить и разуметь о молитве Иисусовой. Все же прочее придумываемое к делу не идет. – Это враг отвлекает от настоящей молитвы.

87. Надобно установиться вниманием в сердце и стоять там неисходно пред Господом. Я об этом не раз уже писал вам. Тогда всякую порошинку будете замечать. Молитесь, даст Бог!

88. Пока есть ревность, присуца и благодать Св. Духа. Она – огонь. Огонь поддерживается дровами. Дрова духовные – молитва... Как благодать коснется сердца, тотчас порождается обращение ума и сердца к Богу – семя молитвы. Затем идет богомыслие.

Благодать Божия внимание ума и сердца к Богу обращает и на Нем держит. Как ум без действия не стоит, то, будучи к Богу обращаем, о Боге и думает. Отсюда память Божия – присная спутница благодатного состояния... Память Божия праздной не бывает, но непременно вводит в созерцание совершенств Божиих и Божиих дел: благодати, правды, творения, промысления, искупления, суда и воздаяния. Все сие в совокупности есть мир Божий или область духовная. Ревнующий неисходно пребывает в сей области. Таково уж свойство ревности. Отсюда обратно: пребывание в сей области поддерживает и живит ревность. Желаете соблюсти ревность? держите все прописанное настроение... По частям – это дрова духовные... Имейте всегда под руками такие дрова и как только заметите, что огонь ревности слабеет, берите какое-либо полено из своих духовных дров и подновляйте огонь духовный. И все добре пойдет. Из совокупности таких духовных движений исходит страх Божий, благоговейное стояние пред Богом в сердце. Се страж и охрана благодатного состояния... Вникните в сие, хорошенько обдумайте, вселите в сознание и сердце... и непрестанно оживляйте в себе... и живы будете.

Ваша вышка точь-в-точь пустынная келья. Можно ничего не видеть и не слышать... Кое почитать да подумать, кое помолиться, да опять тоже подумать... Вот и все тут. Когда бы Бог подал теплоту в сердце, и она не отходила! Чистая совесть да обращение к Богу молитвенное непрестанное должны бы именно это производить. Но все от руки Божией.

89. Усердно исполняя правило, трезвость ума и теплоту сердца храните. Последнюю, когда начнет умяляться, возгревать спешите, твердо ведая, что, коль скоро, ее не станет, это значит, что большая половина пути к отступлению от Бога пройдена. Страх Божий есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты. Но и смирение нужно, и терпение, и верность правилам, и паче всего трезвение. Внимайте себе, Господа ради. Тревожьте себя всячески, чтоб не заснуть, или задремавши, пробудиться.

Тайное поучение

90. Говорит преподобный авва Исаия Отшельник о поучении: «Благоразумный богач скрывает внутри дома сокровища свои; сокровище, выставленное наружу, подвергается хищничеству воров и наветуется сильными земли: так и монах смиренномудренный и добродетельный таит свои добродетели, как богач сокровища, не исполняет пожеланий падшего естества. Он укоряет себя ежечасно, и упражняется в тайном поучении, по сказанному в Писании: согрелся во мне сердце мое, и в поучении моем разгорится огонь. О каком огне говорит здесь Писание? О Боге: Бог наш есть огонь поядаяй. Огнем растопляется воск, и иссушается тина скверных нечистот; так и тайным поучением иссушаются скверные помыслы, истребляются из души страсти; просвещается ум, уясняется и утончивается мысль, изливается радость в сердце. Тайное поучение уязвляет бесов, отгоняет злые помыслы; им оживотворяется внутренний человек. Вооружающегося тайным поучением укрепляет Бог; Ангелы преподают ему силу; человеки прославляют его. Тайное поучение и чтение соделывают душу домом, отовсюду затворенным и заключенным, столпом неподвижным, пристанищем тихим и безмятежным. Оно спасает душу, охраняя ее от колебания. Очень смущаются и молвят бесы, когда инок вооружает себя тайным поучением, которое заключается в молитве Иисусовой: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, – чтением в уединении споспешествует упражнению в поучении. Тайное поучение есть зеркало для ума, светильник для совести. Тайное поучение иссушает блуд, укрощает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние. Тайное поучение просвещает ум, отгоняет леность. От тайного поучения рождается умиление, вселяется в тебя страх Божий: оно приносит слезы. Тайным поучением доставляется монаху смиренномудрие неслестное, бдение благоумилненное, молитва несмущенная. Тайное поучение есть сокровище молитвенное: оно отгоняет помыслы, уязвляет бесов, очищает тело. Тайное

поучение научает долготерпению, воздержанию; причастнику своему возвещает о геене. Тайное поучение соблюдает ум немечтательным и приносит ему размышление о смерти. Тайное поучение исполнено всех благих дел, украшено всякою добродетелью, всякого скверного дела непричастно и чуждо».

91. Соберись в сердце, и твори тайное поучение. Этим средством, при помощи благодати Господней, дух ревности, в истинном его строении, будет поддерживаться – и то теплиться, то пламенеть. И это – внутренним путем. Надобно знать, что это есть самый прямой путь к устройению спасительному. Можно все оставить и заняться только этим деланием – и все будет идти успешно. Напротив того, хоть и все будем делать, но без внимания к сему, не будем видеть плода.

Тот, кто обращается не внутрь и не к сему духовному деланию, только проволакивает дело. Правда, делание это чрезвычайно трудно, особенно в начале, но за то прямо и плодно. Потому, священнику руководствующему, надлежит как можно скорее вводить своих питомцев в это делание и утверждать в нем. Можно даже вводить в него прежде всего внешнего, но всячески совместно с ним, – и не можно только, но и должно. Это потому, что семя этому деланию положено в обращении, в коем все оно проходит. Следует только разъяснить его, натолковать, как важно, и руководствовать. Тогда и внешнее все пойдет охотно, спешно и зрело. Напротив, без сего оно одно, как гнилые нитки, все будет рваться. Заметь то правило, что надо не вдруг, а исподволь; оно должно иметь великие ограничения; ибо оно вести может не к сему внутреннему деланию, в коем существо дела, а ко внешним правилам. Потому, не смотря даже на то, что есть люди и такие, кои восходят отвне внутрь, должно остаться неизменным правилом – входить скорее внутрь и здесь разогревать дух ревности.

Кажется, простая вещь; но, не узнав о ней, можно долго пропотеть – и все малоплодно. И это по свойству телесной делательности. Она легче, потому и привлекает; внутренняя же трудна, потому и отталкивает. Но привязавшийся к первому, как вещественному, и сам в духе постепенно овеществляется,

потому хладеет, становится неподвижнее и, следовательно, все более и более удаляется от внутреннего. И выходит, что сначала оставит иной внутреннее, будто до времени созрения, – придет-де срок, – но после, оглянувшись, находит, что срок пропущен и, вместо приготовления, он вовсе стал к нему неспособным. Опять и внешнее не должно оставлять: оно – опора внутреннего, а то и другое должно идти совместно... Очевидно только, что преимущество – за первым, ибо служить Богу должно духом и кланяться Ему в духе и истине достоин. То и другое должно быть во взаимном подчинении, по достоинству их удельному, без насилия друг другу и насильственного разделения.

92. Главное, чего они (св. отцы) искали и что советовали, это понять духовное строение и уметь держать его. Кто достигнет сего, тому остается одно правило: будь внутри, имей тайное поучение в сердце. Поучайся в памяти Божией, в памяти смертной, в памяти грехов, самоукорении, то есть сознай сей предмет и говори о нем внутри беспрестанно, – например: камо пойду, или: червь, а не человек. Это и подобное, во внимании и чувстве творимое, есть тайное поучение.

93. Отсюда следует, что сокращенно все способы или приемы к возгреванию и содержанию духа ревности можно сократить так: вслед за пробуждением, войди в себя, стань в место свое у сердца, пройди всю жизненную деятельность духовную и, остановившись на одном чем-нибудь, будь в нем неисходно. Или еще короче: соберись и твори в сердце тайное поучение.

94. Когда сердце ваше затеплится теплотою Божиею, с того времени начнется собственно внутренняя ваша переделка. Огонек тот все в вас пережжет и переплавит, иначе сказать, – все одухотворять начнет, пока совсем одухотворит. Пока не придет тот огонек, одухотворения не будет, как ни напрягайтесь на духовное. Стало быть, теперь все дело – достать огонька. И извольте на сие направить весь труд.

Но сие ведайте, – что огонек не покажется, пока страсти в силе, хоть им и не поблажают. Страсти тоже, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принести сухих

дровишек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость и, по мере просушивания, зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, обьет пламенем и все дрова положенные.

Дрова наши суть все силы души нашей и все отправления тела. Все они, пока не внимает человек себе, пропитаны сыростью – страстями, и пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному... Они проходят и в душу и в тело, забирают и самый дух – сознание и свободу – в свою власть и, таким образом, господствуют над всем человеком. Как они в стачке с бесами, то чрез них и бесы господствуют над человеком, мечтающим однако ж, что он сам себе господин.

Вырывается из сих уз прежде всего дух. Благодать Божия исторгает. Дух, преисполняясь, под действием благодати, страхом Божиим, разрывает всякую связь со страстями и, раскаявшись в прошедшем, полагает твердое намерение угождать прочее Единому Богу и для Него Единого жить, ходя в заповедях Его. Стоя в этой решимости, дух, с помощью благодати Божией, изгоняет потом страсти из души и тела и все в себе одухотворяет. Вот и в вас дух исторгся из державших его уз. Сознанием и произволением вы стоите на стороне Божией. Богу хотите принадлежать и Ему Единому угождать. Это – точка опоры для вашей деятельности в духе. Но тогда как дух ваш восстановлен в своих правах, душа и тело остаются еще под действием страстей и терпят от них насилие. Вам остается теперь вооружиться против страстей и победить их – изгнать из души и тела. Борьба со страстями неизбежна. Они не уступят сами собою своих владений, хотя незаконных.

Память Божия – жизнь духа. Она и ревность к Богоугождению поджигает и вашу решимость быть Божиею делает непоколебимою. Се, – повторяю опять, точка опоры для жизни в духе, – и, прибавлю, базис стратегических операций ваших против страстей.

95. Как возгревали в себе дух молитвенный и утверждались в молитве подвижники, отцы и учителя наши? Главное, чего они искали, состояло в том, дабы сердце горело к единому Господу беспрестанно. Бог требует сердца, потому что в нем исхождение

жизни. Где сердце, там сознание, внимание и ум, там вся душа. Когда сердце в Боге, тогда и вся душа в Боге, и предстоит человек в непрестанном поклонении Ему духом и истиною.

Это главное иными доставалось скоро и легко. Милость Божия! Как глубоко потрясал их страх Божий, как скоро оживала совесть во всей своей силе, как стремительно возжигалась ревность – держать себя пред Господом чисто и непорочно, как скоро труд богоугождения раздувал этот огонек и превращал его в пламень! Это серафимские души, пламенные, быстродвижные, многодеятельные.

Но у других все идет вяло. Строй ли их естественный такой, или другие о них намерения Божии, только сердце их не скоро согревается. Казалось бы, они уж навыкли всем делам благочестия, и жизнь у них идет праведно; а нет, – на сердце все не то, чему бы следовало быть. Так бывает не только с мирянами, но и с живущими в обителях, и даже с отшельниками.

Бог вразумил и труженики трезвения установили особый способ привития к сердцу неисходной молитвы ко Господу, согревающей сердце. Мы об этом поминали не раз. Опыт оправдал этот прием успехом, и он стал почти повсюден, и все, которые проходят его как следует, успевают.

96. Из опытов в духовной жизни можно вывести весьма верное заключение, что у кого есть усердие молиться, того нечего учить, как усовершенствоваться в молитве. Самый труд молитвенный, с терпением продолжаемый, доведет его и до высших степеней молитвы.

Но что делать немощным, вялым и особенно тем, которые прежде чем дошли до разумения, какова должна быть молитва, успели затвердеть во внешней формальности и охладели в навыковении порядкам уставного молитвословия? Им остается еще прибежище – художественное делание умной молитвы ко Господу. И не для них ли преимущественно и изобретено это художественное делание, или, иначе, искусственное привитие к сердцу умной молитвы Иисусовой?

97. «Кроме деятельной умной молитвы, никто не может избежать действия страстей и сложения лукавых помыслов, за

которые будут истязаны в час смерти и дадут ответ на страшном суде».

98. Молитва Иисусова стоит в числе средств к успеху в навыке ходить пред Богом... Главное тут: стать вниманием в сердце и взывать к Господу, везде сущему...

Корень доброго внутреннего строя есть страх Божий. Его надо сделать неотходным... Он будет все держать в напряжении и не даст распускаться ни членам, ни мыслям, созидавая бодренное сердце и трезвенную мысль.

Но всегда помнить надо и чувствовать, что успех в духовной жизни и во всех ее проявлениях есть плод благодати Божией. Духовная жизнь вся от Пресвятого Духа Божия. У нас и свой есть дух, но бессильный. В силу вступает он, когда осенит его благодать.

99. Ищите, и обрящете!.. Чего искать должно? Живого осязаемого общения с Господом. Дает сие благодать Божия, но нам необходимо и самим трудиться о том. Куда же обращать труд? На то, чтоб всегда памятовать о Господе, яко близ и даже в сердце сущем. Чтобы в сем успеть, советуется навикнуть молитве Иисусовой: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, повторяя ее непрестанно с мыслью о Господе, яко сущем в сердце или близ сердца. Стань вниманием в сердце пред лицом Господа и говори: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного. – Все дело в этом и есть, и по существу дела больше ничего не требуется... Дело стать умом в сердце пред лицом Господа и говорить Ему молитву. При сем ведай, что умная молитва есть стояние умом пред Господом с воздыханием к Нему, а молитва Иисусова: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя ... есть словесная, внешняя молитва.

Сим способом память Божия утвердится в уме, и лик Божий будет в душе, как солнце. Положи холодную вещь на солнце, она согреется. Так согреется и душа от памяти о Господе, Который есть умное солнце. А что потом будет, после увидишь.

Первый труд – навик повторять непрестанно молитву Иисусову... И начинайте, все твердите и твердите, но все и с мыслью о Господе. И все тут...

100. Спрашиваете, что нужно для молитвы Иисусовой... Как вы творите ее, так хорошо. Припоминайте и так делайте. Одно напомним, что вниманием надо сойти в сердце и стать там пред лицом Господа, вездесущего – и в вас, и всевидящего – и в вас... Прочность начнется, когда огонек в сердце образуется.

Трудитесь не прерывать ее, – и она так утвердится, что сама будет повторяться, – и будет у вас ручеек журчать, как выражался старец Парфений Киевопечерский. А из древних некто сказал: как когда воры, подошедши к дому, чтобы прокрасться в него для кражи, услышат, что там внутри говорит кто-нибудь, не решаются пролезть в него, так, когда враги наши подкрадываются к душе, чтобы обокрасть ее и слышат, что там журчит маленькая молитовка, то ходят около, а в середку боятся идти.

101. То, чего должно искать молитвою, это есть водружение в сердце тихого, но теплого чувства к Богу неотходного; восторгов же и особенных движений не домогаться; а когда Бог пошлет особенные молитвенные чувства, благодарить за них, а не присваивать себе и не жалеть, когда отойдут, как бы о потере какой великой, а всегда от них смиренно нисходит к тихому чувству к Господу.

О памяти Божией

102. Часто я напоминал тебе, добрая сестра моя, о памяти Божией, и ныне опять говорю тебе, что если не трудишься и не попотеешь, чтобы напечатлелось в сердце и в уме твоём сие страшное имя, все ты безмолвствуешь, все поешь, все постишься, все бдишь. Одним словом: весь труд монаха будет ни во что без такого делания, без памяти о Боге. Это есть начало безмолвия ради Господа, это и конец. Сие многовожденное имя есть душа безмолвия и молчания. В памяти о нем – радость и веселие, оставление грехов и богатство добродетелей. Сие преславное имя едва немногие могли обрести в одном безмолвии и молчании. Иначе же человек и не может улучшить его, хотя много будет нудить себя. Потому, зная силу слова сего, я всегда убеждаю твою во Христе любовь, безмолвствовать и молчать, ибо посредством сих добродетелей богатеет в нас память о Боге.

103. Бог везде есть и всегда с нами, при нас и в нас есть. Но мы не всегда с Ним бываем, ибо не помним о Нем и, потому что не помним, позволяем себе много такого, чего не позволили бы, если бы помнили. Возьмите на себя труд навекать в этой памяти!

Поставьте себе законом: с Господом всегда быть умом в сердце, и блуждать мыслями не позволять, а как только уйдут, опять ворочать их назад и заставлять сидеть дома, в клети сердца и беседовать с сладчайшим Господом.

Посылаю вам на сей предмет книжку: «Письма о духовной жизни», которая вся направлена к тому, чтобы способствовать утверждению ума в сердце вниманием к Господу и молитвенным расположением.

104. Чем более будете утверждаться в памяти Божией, или в умном предстоянии Богу в сердце, тем все более и более будут улегаться и мысли, и менее блуждать. Внутреннее упорядочение и успех в молитве идут вместе.

Припомните, что с самого начала писем говорено о духе нашем. Вот это и есть восстановление его в его правах. Когда

восстановится сие, тогда начнется деятельная – жизненная переработка души и тела, и внешних отношений, на отчистку. – И станете вы настоящий человек.

105. Когда утвердитесь во внутреннем человеке памятию Божию, тогда и Христос Господь вселится в вас. То и другое идет вместе.

И се вам знамение, по коему можете удостовериться, что предивное дело сие начало совершаться в вас, именно – теплое некое чувство к Господу. Если будете исполнять все прописанное, то чувство такое скоро начнет появляться, и все чаще и чаще, а потом сделается и непрерывным. Чувство сие сладостно и блаженно, и с первого появления своего возбуждает желание и искание его, чтобы оно не отходило от сердца, ибо в нем рай. Хотите ли поскорее вступить в сей рай? Вот что делайте: когда молитесь, не отходите от молитвы, не возбуждая в сердце какого-либо чувства к Богу, или благоговения, или преданности, или благодарения, или возвеличения, или смирения и сокрушения, или благонадежия и упования; также, когда, по молитве, читать станете, не отходите от чтения, не доведши до чувства вычитанной истины. Сии два чувства, подогревая себя взаимно, могут, если будете внимать себе, и весь день продержат вас под своим влиянием. Потрудитесь в точности исполнять сии два приема, и сами увидите, что будет.

106. Память о Боге Бог Сам прививает к душе. Но для этого душа сама себя должна потомить и потрудить. Трудитесь, всеусильно нудя себя на непрестанное памятование Бога. И Бог, видя, как усердно вы желаете сего, даст вам память о Себе.

107. Во все время, от пробуждения до заснутия, ходите в памяти о Божием вездеприсутствии, в том помышлении, что Господь видит вас и исчисляет все движения мысли и сердца вашего. Сего ради непрестанно молитесь молитвою Иисусовою, и, почасту приходя к иконам, творите несколько поклонов, по движению и требованию сердца вашего, так чтоб все время дневное у вас было почасту прерываемо немногими поклонами, и проходило в непрестанном богомыслии и творении молитвы Иисусовой, при всякого рода занятиях.

108. Все дело в том, чтоб навикнуть внимание держать всегда на Господе вездесущем и все видящем, и всем спастися желающем, и готовом способствовать к тому.

Этот навик не даст скорбеть, – внутренняя ли или внешняя скорбь беспокоит: ибо он доставляет душе полное удовлетворение, которое, насыщая душу, не даст места никакому чувству скудости и недостаточества, повергая себя и все свое в руки Господа, и порождая чувство Его непрестанного заступления и помощи.

109. Молитва не то одно, чтоб стоять на молитве. Держать ум и сердце обращенными к Богу и устремленными – есть уже молитва, в каком бы положении кто ни был. Правило молитвенное – своим чередом, а это молитвенное состояние – своим. Путь к нему – навикновение всегда памятовать о Боге и о последнем часе, с судом вслед за ним. Вот наладьтесь так, и все пойдет добре. Это будет: внутри всякий шаг Богу посвящать ...А шаги по заповедям направлять надо. Заповеди же весте. Вот и все!.. Каждый случай можно подвести под заповедь и внутренне посвятить Богу свое в Нем действовање. Так будет вся жизнь посвящаться Богу. Еще же что требуется? – Ничего. Видите, как просто. Ревность о спасении у вас есть... Когда есть ревнование, оно свидетельствуется заботою о спасении жаркою. Надо бегать всячески охлаждения. Охлаждение бывает вот как: начинается забвением... Забываются благодеяния Божии, и Сам Бог, и свое в Нем спасение, опасность быть без Бога, и память смертная отходит, – словом закрывается вся духовная область. Это и от врага бывает, и от рассеяния мыслей делами, заботами, многим обращением с людьми. Когда все это забыто бывает, охлаждается сердце и сочувствие его к духовному пресекается... вот и нечувствие. А когда оно бывает, вместе с ним происходят и движение нерадения и беспечности... Вследствие сего духовные занятия отлагаются на время, а там и совсем оставляются. И пошла старая – и беспечная, и нерадивая жизнь, в богозабвении, в собственное лишь угождение. Хотя при этом безалаберного и ничего не будет, но и Божиего не ищи. Пустая жизнь!

Если не хотите в сию попасть пропасть, то берегитесь первого шага – забвения. Потому ходите всегда в памятях Божиих, то есть, о Боге и Божиих вещах. Это будет поддерживать сочувствие к ним, а от того и другого постоянно будет теплиться ревнование. И се жизнь!

110. Относительно умной молитвы держите одну предосторожность, чтоб при непрестанном памятовании о Боге не забывать возгревать и благоговейный страх, и позыв падать в прах пред лицом Бога, милостивейшего Отца, но и грозного Судии. Частое памятование о Боге без благоговейства притупляет чувство страха Божия, и чрез то лишает его того спасительного действия, которое ему принадлежит в кругу духовных движений, и которого, кроме его, ничто произвести не может.

111. Спрашиваете о молитве. Встречаю у отцов, что молясь надо изгонять все образы из головы. Я так и стараюсь делать, напрягаясь стоять в том убеждении, что Бог везде есть... есть и тут, где моя мысль и мое чувство. – Совсем от образов освободиться не имею успеха., но они все более и более испаряются. Верно есть термин, когда они совсем исчезнут.

III. Существо христианской жизни

112. Обращают внимание на христианское воспитание, но не доводят его до конца, или оставляют без внимания существеннейшие и труднейшие стороны христианской жизни, останавливаясь на легчайших, видимых, внешних. Это недоконченное, или не как следует направленное воспитание дает лиц, которые тщательно соблюдают все установившиеся порядки благочестивой жизни, но мало обращают, или и совсем не обращают внимания на внутренние движения сердца и на истинное преспеяние внутренней духовной жизни... Они чужды смертных грехов, но за движениями помыслов сердечных не смотрят. От того иногда и посудят, и потщеславятся, и погордятся, и посерчают в чувстве правоты своего дела, увлекутся иногда красотой и утехами, иногда даже обидят в порывах неудовольствия, поленятся молиться, и в молитве расхищаются в помышлениях суетных, и прочее подобное – и ничего им. Движения эти малозначительны для них. Сходили в церковь, или дома помолились, по заведенному порядку, исправили свои обычные дела, – и совершенно довольны и покойны. А что при этом происходит в сердце, им мало заботы; между тем, оно может ковать злая, и тем отнимать всю цену у их исправной благочестивой жизни...

Берите теперь этот случай: совершавший дело спасения неполно, пришел в чувство этой неполноты, увидел неверность своего пути и ненадежность своего труда.

Таким образом, кто-нибудь обращается от внешнего благочестия к внутреннему. Наводят его на это или чтение книг о духовной жизни, или беседа с знающими – в чем существо христианской жизни, или недовольство своими трудами, чутье, что чего-то не достает, и все будто не так идет. При всей исправности, он не имеет покоя внутреннего; нет в нем того, что обетовано истинным христианам – мира и радости о Дусе Святе (Рим.14:17). Когда зародится в нем это беспокойное помышление, тогда беседа с знающими или книга растолковывают ему, в чем дело, и указывают существенный

недостаток в строе его жизни, недостаток внимания к внутренним движениям и самоуправлению. Уразумевает он, что существо жизни христианской состоит в том, чтобы стать умом в сердце пред Богом в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа, и оттуда управляя всеми движениями внутренними и всеми действиями внешними, все в себе, и малое и великое, обращать в служение Богу Триипостасному, пожершись Ему всецело сознанием и свободой.

113. Сознав, в чем существо жизни христианской, и не находя ее в себе, ум начинает работать, чтоб добиться до того, читает, размышляет, беседует. При этом, та истина, что жизнь зависит от сочетания с Господом, преставляется в разных видах и обсуждается, но все еще остается далекою от сердца, еще не ощущается; от того и плода не приносит.

114. Обращается внутрь ревнитель, и что, думаете вы, здесь находит? – Непрестанное брожение мыслей, непрестанные страстные приращения, дебелость и холодность сердца, упорство и неподвижность на послушание, желание делать все по своему, словом – находит у себя внутри снова все в очень дурном состоянии. Опять разгорается ревность, и труды обращаются уже на свою внутреннюю жизнь, на мысли и расположения сердца. В руководствах к внутренней духовной жизни он найдет, что надобно внимать себе, надобно наблюдать за движениями сердца, дабы не допустить ничего недоброго, надо Бога помнить и проч. Начинаются труд и усилия в этом направлении. Но мыслей не удержишь, как подвижного воздуха, дурных чувств и движений не можешь пропустить, как дурного запаха от трупа гниющего, и к памятованию о Боге не поднимается ум, как намокшая и подмерзшая птица. Что же делать? Говорят: терпи и трудись. Идет терпение и труд, – а внутри все одно и то же. Попадаете, наконец, кто-нибудь из знающих дело и растолковывает: от того у тебя все нестройно внутри, что там качествует разложение сил: ум идет своим чередом, а сердце своим. Надобно ум соединить с сердцем; тогда брожение мыслей прекратится, и ты получишь руль для управления кораблем души, – рычаг, которым начнешь приводить в движение весь твой внутренний мир. Как же это?

Навыкни умом в сердце молиться: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» И эта молитва, когда научишься совершать ее как следует, или лучше, когда она привьется к сердцу, приведет тебя к желаемому концу: она сочетает ум твой с сердцем, она уложит брожение мыслей и даст тебе силу править движениями твоей души.

115. При благоприятном обороте дела, подумавши, решается человек не вдаваться более в развлечения, а жить себе по внушениям страха Божия и совести с самоотвержением. За это решение благодать Божия, действовавшая доселе со вне, входит внутрь чрез таинства, и дух человека, немощный – соделывается мощным. На эту сторону совсем уже переходит сознание и свобода; и у человека начинается внутренняя жизнь пред Богом, жизнь истинно свободная, разумно-самодетельная. Потребности душевнотелесные и требования внешних случайностей уже не развлекают его, напротив, он начинает заправлять ими, якоже Дух дает. Как самодержец, восседит он на престоле сердца и оттуда дает повеления, как чему быть и как что делать.

Такое самодержавие начинается с первой минуты внутреннего переворота и вселения благодати; но в совершенстве является не вдруг. Почасту прорываются прежние владыки и не только тревогу производят во внутреннем граде, но нередко и самого владыку града уводят в плен. Такие случайности в начале бывают часто; но сила напряженной ревности, постоянство внимания к себе и делу своему и благоразумное терпение в трудах по нему при помощи благодати Божией все более и более делают их редкими. Наконец, дух столько становится крепким, что приращения прежних воздействователей на него бывают для него то же, что пылинки для гранитной стены. Дух пребывает в себе неисходно, стоя пред Богом и самодержавствует силою Божиею невозмутимо крепко.

116. Ищущий внутреннего царствия Божия, или живого богообщения, естественно думает все о Боге, с усилием обращая ум свой к Нему, о Нем только и читать ему хочется, о Нем и беседовать. Но эти одни занятия, без других, о которых

скажу после, не доведут до искомого. У мистиков это занятие одно выставляется на вид, потому что они теоретики, а не практики. Есть несколько излишеств на этот предмет и в католических руководствах к духовной жизни, а это не безопасно. Оно приучает к легкоте: ибо легче умствовать, чем, например, молиться или внимать себе; располагает к самомнению, как работа ума, которому так сродно кичиться, и может совсем охладить к практике, и, следовательно, остановить прочный успех, льстя успешностью в этом умовом деле. Посему-то здравые учителя остерегают от этого, и советуют не вдаваться слишком в это занятие, с ущербом для других.

117. Понятнее будет, если скажем о том, что бывает с душою, и как нам надобно держать себя, когда крепко захочется помолиться или когда потянет на молитву. Это испытывают все в большей или меньшей степени, и на переходе от самотрудного искания к живому богообщению и по достижении его. Состояние это похоже на то, в каком бывает человек, когда о чем-либо задумывается. Задумавшийся уходит внутрь себя и сосредоточивается в своей душе, не обращая внимания на свою внешнюю обстановку, на лица, вещи и события. Тоже и здесь; только там – дело ума, а здесь – дело сердца. Находит влечение к Богу, душа собирается в себя и становится пред лицо Бога, и, или изливает пред Ним свои надежды и болезни сердечные, как Анна, мать Самуилова, или славословит Его, как пресвятая Дева Мария, или стоит пред Ним в изумлении, как часто стоял св. апостол Павел. Тут все своеобразные действия – мысли, намерения прекращаются, и все внешнее отходит от внимания. Душе самой не хочется заниматься ничем посторонним. Бывает это и в церкви, и даже на молитвенном правиле, или при чтении и размышлении, может быть, даже во время каких-либо внешних занятий, и среди общества. Но во всех случаях оно не зависит от произвола. Однажды испытавший это влечение может помнить о нем, желать повторения его, напрягаться к нему, но сам своим усилием не привлечет его: оно находит. Произволу остается одно: когда найдет, не позволяй себе расстраивать его, а

попекись, сколько сил есть, дать ему простор побольше побыть в тебе.

118. Наконец, проходит период томительного искания; счастливый искатель получает искомое: находит сердце и устанавливается в нем умом своим пред Господом, и стоит пред Ним неотходно, как верноподданный пред Царем, и от Него получает власть и силу править всем своим, и внутренним и внешним, благоугодно Ему. Это момент, когда Царствие Божие приходит внутрь и начинает проявляться в свойственной ему силе.

119. Начинается труд навывковения умной молитве ко Господу, – этому спасительному деланию. Начатки плодов оживляют веру, вера усиливает труд и умножает плоды; дело спешится. В продолжении именно этого труда навывковения умной молитве ко Господу, учащаются, по милости Божией, те влечения внутрь пред Бога, о которых была уже речь. А потом приходит и то, что это вовлечение внутрь укрепляется навсегда, и внутрь пребывание пред Богом становится непрекращаемым. Вот это и есть водворение царствия Божия внутрь нас. Но, прибавим, это есть вместе с тем и начало для нового круга изменений во внутренней жизни, который прилично назвать одухотворением души и тела...

С психической же точки зрения о царствии Божиим должно сказать следующее: царствие Божие в нас зарождается, когда ум сочетается с сердцем, сам срастворившись с памятью о Боге. Человек тогда предает Господу, как жертву приятную Ему, свое сознание и свободу, а от Него получает власть над собою, и силою, от Него получаемую, правит всем своим, внутренним и внешним, как бы от Его лица.

120. Что более всего озабочивает ищущего, так это внутреннее нестроение в мыслях и желаниях; вся его ревность обращена на то, как бы устранить это нестроение. К этому другого способа нет, как добыть это духовное чувство или эту теплоту сердечную, при памяти о Боге. Как только зародится эта теплота, – мысли улягутся, внутренняя атмосфера станет ясна, станут видимы все зарождения добрых и недобрых движений души, и получится власть на отгнание последних. И

на внешнее расходится этот внутренний свет, и там дает он возможность отличать должное от недолжного, сообщая и крепость установиться в первом, не смотря ни на какие препятствия; словом, тогда начинается истинная, действенная, духовная жизнь, которая доселе была только в искании, а если и проявлялась, то урывками. И при тех влечениях, о которых была речь, бывает теплота, но она прекращается с прекращением влечения. Здесь же теплота, зародившись в сердце, остается неисходною, и неотходным держит при себе внимание ума. Когда ум в сердце, – это и есть сочетание ума с сердцем, представляющее целость нашего духовного организма.

121. Господь придет излить свет Свой на ваш разум, очищать чувство ваше, руководить вашими действиями. Вы ощутите в себе силы, до сих пор вам неизвестные. – Явится и придет не чувственно и видимо, а невидимо и духовно, но тем не менее действительно. Признаком того служит зарождение уже непрекращаемого горения сердца, причем ум, стоя в сердце, срастворяется с памятью о Господе, утверждается внутри-пребывание и, вследствие того, замечается все там происходящее, и – угодное Богу принимается, а все греховное и дела все ведутся по точному сознанию на них воли Божией; подается сила править всем течением своей жизни, и внутренней и внешней, подается господство над собою. Человек обыкновенно есть более деемый, нежели действующий. Свободу действий получает он с ощутимым в сердце пришествием Господа. Тогда исполняется обетование: *«Аще Сын вы свободит, воистину свободни будете»* (Ин.8:36). Вот что приносит Господь, а не что-либо необыкновенное!

122. Может казаться странным, что общения с Богом достигать еще должно, когда уже оно есть, или дается в таинстве крещения или покаяния, ибо говорится: *«елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся»* (Гал.3:27); или: *«умросте, и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге»* (Кол.3:3). Да по простому понятию Бог везде есть, не далече от коегождо нас, да поне осяжем Его (Деян.17:27), и готов вселиться во всякого, готового принять Его. Только одно

нехотение, небрежение, грешность отделяют нас от Него. Теперь, когда покаявшийся отверг все и себя предает Богу, – что препятствует вселению Бога в него?

В устранение такого недоумения, надобно отличать разные виды Богообщения. Оно начинается с минуты возбуждения и обнаруживается, со стороны человека, исканием, стремлением к Богу, со стороны же Бога – благоволением, содействием, покровом. Но Бог еще вне человека и человек вне Бога, не сопроникаются, не взаимно-входны. В таинстве крещения или покаяния Господь благодатию Своею входит внутрь человека, живо общается с ним и дает ему вкусить всю сладость Божества так обильно и ощутительно, как свойственно совершенным, но потом опять сокрывает сие явление Своего общения, только по временам возобновляя его – и то легко, как в отражении только, а не в подлиннике, оставляя человека в неведении о Себе и Своем в нем пребывании до определенной меры возраста, или воспитания по мудрому Своему руководству. После же сего Господь осязательно являет Свое вселение в дух человека, который тогда становится храмом преисполняющего его Триипостасного Божества.

Итак, есть три вида Богообщения: одно – мысленное, бывающее в период обращения, а другие два – действительные; но одно из них – сокрытое, невидимое для других и неизвестное самим, другое же – и для себя, и для других явное...

Вся жизнь духовная состоит в переходе от мысленного Богообщения к действительному, живому, ощущаемому, являемому.

123. Пришедшая Божия благодать – сначала чрез возбуждение, а потом чрез весь период обращения – рассекает человека на человека, вводит его в сознание сей двойственности, в видение неестественного и того, что должно быть естественно, и доводит до решимости отринуть или отчистить все неестественное, чтоб явилось в полном свете естество Богоподобное. Но очевидно, что такая решимость есть только начало дела. В ней человек только еще сознанием и произволением вышел из области пришлой, качествующей в

нем неестественности, отказался от нее и приложился к естественности ожидаемой и желаемой; но на самом деле, во всем своем составе, остается еще таким, каким был, то есть пропитанным грехом, и в душе по всем силам, и в теле по всем отправлениям качествует страстность, как и прежде, с тем только различием, что прежде все это желалось, избиралось и действовалось от лица человека, с желанием и услаждением, теперь же оно не желается, не избирается, а ненавидится, попирается, гонится. Человек, при этом, вышел из себя, как бы из смердящего трупа, и зрит, какую какая часть его источает страстную вонь, и против воли обоняет иногда, до омрачения ума, весь смрад, издаваемый собою.

Таким образом, истинная благодатная жизнь в человеке вначале есть только семя, искра; но семя – всеянное среди терния, искра – отовсюду закрываемая пеплом... Это свеча еще слабая, светящая в самом густом тумане. Сознанием и произволением человек прилепился к Богу, и Бог восприял его, соединился с ним в сей самосознающей и произволяющей силе, или уме и духе, как говорится об этом у св. Антония и Макария Великого. И доброго, спасенного, Богоугодного в человеке только и есть. Все другие части находятся еще в плену и не хотят и не могут еще покорствоваться требованиям новой жизни: ум не умеет мыслить по-новому, а мыслит по-старому; воля не умеет хотеть по-новому, а хочет по-старому; сердце не умеет чувствовать по-новому, а чувствует по-старому. То же и в теле, во всех его отправлениях. Следовательно, он весь еще нечист, кроме единой точки, которую составляет сознающая и свободная сила – ум или дух. Бог чистейший и соединяется с сею единою частью, все же другие части, как нечистые, остаются вне Его, чужды Его, Хотя Он готов преисполнить всего человека, но не делает сего потому, что человек нечист... Затем, коль скоро он очистится, Бог тотчас являет полное Свое вселение.

124. Итак, что Господь, пришедши в союз с духом человека, не вдруг вполне преисполняет или вселяется в него, это зависит не от Него, готового все преисполнить, а от нас, именно от страстей, растворившихся с силами нашей природы, еще не

отторженных от них и не замененных противоположными добродетелями... Но, действуя со всем рвением против страстей, очи ума между тем нужно иметь обращенными к Богу, – в этом состоит исходное начало, которого должно держаться в построении всего порядка Богоугодной жизни, которым должно измерять прямоту и кривость изобретаемых правил и предпринимаемых подвигов. В этом должно убедиться, как можно полнее, потому что все, кажется, заблуждения деятельные происходят от незнания сего начала. Не разумея всей силы сего, иные останавливаются на одной внешности упражнения и подвижания, другие – на одних делах добрых и навыке в них, не простираясь выше, а третьи прямо идут в созерцание. Все сие нужно, но всему своя черед. Сначала все – в семени, потом развивается не исключительно, но преимущественно в той или другой части, однако ж неизбежна постепенность – восход от внешних подвигов к внутренним, а от тех и других – к созерцанию, а не наоборот.

125. Первое семя новой жизни состоит из сочетания свободы и благодати, и спеянием ее будет развитие сих же одних элементов. Как там, полагая обет жить по воле Бога, во славу Его, говорил кающийся: «только Ты укрепи и утверди», – так и во все последующее время он поминутно должен полагать, так сказать, себя в руку Божию с молитвою: «Ты Сам соверши, что воле Твоей угодно», – чтобы таким образом, как в сознании и произволении, так и на самом деле Бог был действующий в нас, и еже хотети, и еже деяти о благоволении. Минута, в которую человек сам чает что-нибудь произвести над собою и в себе самом, есть минута погашения жизни истинной, духовной, благодатной. В сем состоянии, не смотря на непомерные труды, истинного плода не бывает.

126. Существенное настроение покаянника: – «имиже веси судьбами, спаси мя, Господи, а я буду трудиться и нелицемерно, без уклонений, перетолков, по чистой совести творить все, что уразумею и смогу!» Кто так настроит себя внутри, того действительно воспринимает Господь и действует в нем, как царь. У него учитель – Бог, молитвенник – Бог, хотетель

и деятель – Бог, плодоносец – Бог, властитель – Бог. Это – семя и сердце небесного в нем древа жизни.

127. Грех изгнан теперь из своих укреплений, занятых добром, разрознен, рассеян в своих силах.

«Благодать и грех не вместе сокрываются в уме, говорит св. Диадокх, но до крещения (или до таинства покаяния) благодать извне возбуждает душу к благому, сатана гнездится в глубине ее, стараясь заградить все правые исходы ума; с того же самого часа, в который возрождаемся, демон бывает вне, а благодать внутри.

128. Указание упражнений, способствующих к утверждению в добре душевных и телесных сил человека.

Таким образом, благодатная внутри, в духе, жизнь будет гореть и разгораться. Ради ревности и усердия человека, предающего себя Богу, благодать будет наитствовать его и проникать своею освящающею силою все более и более, или усвоять себе. Впрочем, на этом не можно и не должно останавливаться. Это еще семя, точка опоры. Надлежит сделать, чтобы сей свет жизни проходил далее и, проникая собою естество души и тела и, таким образом, освящая их, присвоя себе, отрывал прившедшую неестественную страстность и возводил их в чистый и естественный их вид, – не оставался в себе, а разливался по всему нашему существу, по всем силам. Но поелику силы эти все пропитаны неестественным, то дух благодати, чистейший, пришедший в сердце, не может прямо и непосредственно входить в них, будучи преграждаем их нечистотою. Посему надлежит утвердить некоторые посредства между духом благодати, живущим в нас, и силами, чрез кои он переливался бы в них и целил их чрез них, как чрез приложенные к больным местам пластыри. Очевидно, что все эти посредства, с одной стороны, должны носить характер и свойства Божественного или небесного происхождения, а с другой – стоять в совершенном согласии с нашими силами в их естественном устройении и назначении, иначе благодать не пройдет чрез них и силы не извлекут себе целительности из них. Таковы посредства должны быть по своему происхождению и внутреннему свойству. Сами же в себе

они не могут быть иным чем, разве действиями, упражнениями, трудами, поелику прилагаются к силам, коих отличительное свойство – действовать... Дела и упражнения, как средства к уврачеванию сил наших и возвращению им потерянной чистоты и целости, суть: пост, труд, бдение, уединение, удаление от мира, хранение чувств, чтение Писания и св. отцов, хождение в церковь, частая исповедь и причащение.

129. Имея целью очистить и исправить человека, Божественная благодать прежде всего вручает исходище всей его деятельности, именно: обращает сознание и свободу к Богу, чтоб отсюда потом проводить целение и по всем силам, чрез их деятельность собственную, назначаемую им, или возбуждаемую в них из исходища уже исцеленного и освященного. Как уврачевывается и как хранится это исходище, мы видели перед сим. Теперь надлежит определить, какие должны исходить из него действия, с целительною силою, в том значении, какое указано пред сим... Все сии упражнения должны быть направляемы так, чтобы не погашали, а возгревали более дух ревности, со всем внутренним устройением.

130. Отделись дух (наш) от Бога, и сила, данная человеку от Бога, взята будет от него. Тогда он не может уже управиться ни с стремлениями души, ни с потребностями тела, ни с внешними соприкосновенностями. Он предан бывает на разволоку душевно-телесной желательности и внешней житейской суетности, хоть все в видах самоуслаждения. Сличите эти два строя жизни, и увидите, что первый – весь внутри себя живет пред Богом, а второй – весь во вне с богозабвением. Этот последний строй жизни крайне ухудшается тем, что в него привходят страсти, кои, коренясь в самости, проникают всю душевно-телесность и всему здесь дают злое, противное духу или страху Божию и совести, направление, не созидающее, а разрушающее; и тем еще более внешним делают человека.

131. С другой стороны и то неверно, если б кто стал думать, что когда Богообщение поставляется последнею целью человека, то человек сподобится его после, в конце, например, всех трудов своих. Нет, оно должно быть всегдашним,

непрерывным состоянием человека, так что коль скоро нет общения с Богом, коль скоро оно не ощущается, человек должен сознаться, что стоит вне своей цели и своего назначения.

132. Таинственного общения с Господом нашим, Иисусом Христом, сподобляются верующие во святом таинстве крещения.

В крещении и (миропомазании) благодать входит внутрь – в сердце христианина, и потом постоянно пребывает в нем, вспомогущая ему жить по христиански и восходить от силы в силу в духовной жизни.

133. Жизнь есть сила действовать. Жизнь духовная есть сила действовать духовно, или по воле Божией. Такая сила потеряна человеком; посему, пока снова не дастся ему, он не может жить духовно, сколько бы ни полагал намерения. Вот почему излияние благодатной силы в душу верующего существенно необходимо для жизни истинно-христианской. Истинно-христианская жизнь есть жизнь благодатная. Возводится человек до святой решимости; но, чтоб он мог и действовать по ней, необходимо, чтоб с его духом сочеталась благодать. При сем сочетании нравственная сила, знаменуемая только первым воодушевлением, запечатлевается в духе и остается при нем навсегда. В сем-то восстановлении нравственной силы духа и состоит действие возрождения, совершаемого в крещении, где ниспосылается человеку как оправдание, так и сила действовать *«по Богу в правде и преподобии истины»* (Еф.4:24).

134. Царствие Божие в нас есть, когда Бог царствует в нас, когда душа во глубине своей исповедует Бога своим Владыкою и покорствуется Ему всеми силами, и Бог властно действует в ней и еже хотети и еже деяти о благоволении (Флп.2:13). Начало сему царствию полагается в момент решимости работать Богу в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа. Тогда человек-христианин свое сознание и свободу, в которых состоит собственно существо человеческой жизни, предает Богу, а Бог принимает эту жертву и, таким образом, происходит союз человека с Богом и Бога с человеком, восстанавливается завет с

Богом, прерванный падением и прерываемый произвольными грехами. Этот внутренний союз запечатлевается, утверждается и делается сильным к стоянию и самосохранению благодатною силою в Божественных таинствах крещения, а для падавших по крещении – в таинстве покаяния, и потом постоянно подкрепляется в св. причащении. Так живут все христиане, и все, следовательно, носят в себе царствие Божие, то есть, покорствуют Богу, как Царю, и властвуют Богом, как Царем. Говоря о царствии Божиим в нас, всегда надобно прибавлять: в Господе Иисусе Христе, благодатию Святого Духа. В этом – печать христианского в нас царствия Божия. Бог над всеми Царь, как Творец и Промыслитель, но истинно в душах царствует Он, и в душах истинно исповедуется Царем только по восстановлении прерванного падением союза с Ним душ; а это совершается Духом Святым, в Господе Иисусе Христе, Спасителе нашем.

135. Припомните теперь притчу Господню о квасе, скрытом в трех сатях муки. Квас не вдруг делается заметным, но несколько времени остается скрытым, потом уже являет заметные действия и, наконец, проникает все тесто. Так и царствие в нас сначала сокровенно держится, потом обнаруживается, наконец раскрывается или является в силе. Обнаруживается оно показанными невольными влечениями внутрь пред Бога. Тут душа не самовластна, а подлежит стороннему воздействию. Кто-то берет ее и вводит внутрь. Это Бог, благодать Духа Святого, Господь и Спаситель: как ни скажи, сила слова – одна. Бог показывает этим, что принимает душу и хочет властвовать ею, и вместе приучает ее к своему властвованию, показывая – каково оно. Пока эти влечения не покажутся, – а они показываются не вдруг – человек, по-видимому, действует более сам, при скрытой помощи благодатной. Он напрягается вниманием и благонамерениями быть в себе, Бога помнить, отгонять пустомыслие и худомыслие, и всякое дело богоугодно совершать, напрягается и трудится до утомления, но успеть в этом ему никак не удастся: и мысли его расхищаются, и страстные движения одолевают его, и в делах оказываются нестроения и ошибки; все это от того, что Бог еще

не являет своего властвования над душою. А как только покажется это, (а показывается оно при сказанных влечениях), тотчас все внутри приходит в строй, – знак, что Царь тут.

136. «Что же будет, спросишь ты, если Христос в нас? – «Плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради». Видишь, сколько зол не иметь в себе Духа Святого: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Ему, покоряясь Его законам, быть Христовым и иметь Его в себе обитающим! Смотри также, сколько благ иметь в себе Духа: действительно быть Христовым, иметь в себе самого Христа, состязаться с Ангелами! Ибо возиметь плоть мертвою для греха, значит начать жить вечною жизнью, еще здесь на земле носить в себе залог воскресения и удобность идти стезею добродетели. – Апостол сказал не просто: плоть мертва, но присовокупил: греха ради, для греха, дабы разумел ты, что умерщвляется порок, а не естество тела. Не о сем говорит Апостол; напротив, хочет, чтобы тело было мертво, оставаясь живым. Когда тела наши для плотских воздействий ничем не разнятся от лежащих в могиле, это есть признак, что имеем в себе Сына, что в нас пребывает Дух» (Св. Златоуст).

Как пред светом не может устоять тьма, так пред Христом Господом и Духом Его – плотское, страстное, греховное. Но как бытие солнца не отнимает бытия тьмы, так и присутствие в нас Сына и Духа не отнимает бытия в нас чего-либо греховного и страстного, а только отнимает силу его. Страстное и греховное, как только случай, тотчас выступает и предлагает себя сознанию и произволению. Если сознание обратит на то внимание и займется тем, то туда же может уклониться и произволение. Но если сознание и произволение в этот момент перейдут на сторону духа и обратятся ко Христу Господу и Духу Его, то все плотское и страстное тотчас исчезает, как дым от дуновения ветра. Это и значит – плоть мертва, бессильна. – Таков всеобщий закон жизни истинных христиан. Но есть степени. Когда кто неисходно пребывает сознанием и произволением на стороне духа в живом осязаемом общении со Христом Господом в Духе Его, то в ту пору плотское и страстное и показаться не может, как пред солнцем – тьма и пред

пламенем – холод. Тут плоть совсем мертва – недвижима. Эту степень и разумеет в настоящем месте св. Павел. Св. Макарий Египетский нередко живописует сию степень. А общий порядок духовной жизни лучше всех описан у преподобного Исихия. Сущность его наставлений в следующем: когда восстает плоть и страсть, отворотись от них невниманием, презрением, неприязнью, и обратись молитвенно ко Христу Господу, в тебе сущему, – и плотское и страстное тотчас отойдет.

137. Трудитесь в навыковении молитве Иисусовой. Благослови Господи! Веровать надобно, что Господь Иисус Христос внутри нас есть, – в силу крещения и причащения, по обетованиям самого Его, соединенным с сими таинствами. Ибо крещенные облачаются во Христа, а причащающиеся приемлют Господа. *«Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем»* (Ин.6:56), говорит Господь. Только смертные грехи лишают нас сей великой к нам милости. Но кающиеся и по исповеди причащающиеся, опять возвращают ее себе. Так веруйте. Если недостает веры, молитесь, чтоб Господь приложил ее вам и утвердил в вас крепко и непоколебимо.

138. Кто внутри себя, тому и мир духовный открыт. Отсюда видно, что как внутри-пребывание, с зрением иного мира, есть условие к возгреванию духовных чувств, так и обратно – последние предполагают первые и своим рождением вызывают их. Совокупным же взаимодействием тех и других спеется духовная жизнь. Кто в чувстве, того дух связан и привязан, а у кого нет его, тот парит. Потому, чтоб успешнее пребывать внутри, спешите до чувства, хотя тоже чрез напряженное самовнедрение. Оттого, кто хочет остаться с одним собиранием умовым, тот трудится напрасно: одна минута – и все разлетается. Не дивно после сего, что ученые, при всем образовании, непрестанно мечтают: это – оттого, что работают одною головою.

139. Вот делания для сил души, с приспособлением их вместе и к движениям духа. Здесь видим, как каждое из них приспособлено к жизни духа или чувствам духовным. Но они же ведут и к укреплению начальных условий внутри пребывания, а

именно: делания умовые – к собранию внимания, делания воли – к бодренности, а делания сердца – к трезвению. Молитвованье же или молитва покрывает все их и все совмещает; даже в производстве своем она есть ни что иное, как внутренняя, прежде изъясненная деятельность... Эти делания, проникнутые духовными стихиями, сродняют душу с духом и срастворяют. Отсюда очевидно, как существенно они необходимы и как худо делают увольняющие себя от них. Они сами причиною того, что у них труд идет без плода, потеют, но не видят плода, затем скоро остывают и всему конец.

140. Пока не сядет душа умом своим в сердце, до тех пор не видит себя и не сознает как следует.

141. «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21), говорит Господь, и потом для одного духовного делания заповедал: «*вниди в клеть твою и затвори двери*» (Мф. 6:6). Это – клеть сердца, по разумению всех св. отцов. По сей-то причине, человек духовный, спасающийся, подвижающийся и называется внутренним.

142. В первый удар благодати зовущей, вместе с вступлением внутрь, открывается и сей мир – зрение иного мира, независимо от человека, хочет ли он того или не хочет... После же зрение его, равно как и внутри-пребывание, предается свободе человека и должно быть делаемо.

143. Когда образуется неисходное внутри-пребывание, тогда образуется и стояние в мире Божием; и обратно: тогда только и благонадежно внутри-пребывание, когда укрепится стояние в ином мире.

144. Итак, вошедши внутрь, утвердись в зрении духовного мира и начинай возгревать деятельность жизни духовной, или переходи сначала к помышлению, чтобы потом возыметь и в чувстве показанные состояния, – все это есть спасенное устройство ума и сердца. Существенное и неизбежное приготовление к сему суть внутри-пребывание и зрение духовного мира. Первое вводит, а последнее поставляет человека в некоторой духовной атмосфере, благоприятствующей горению жизни. Потому, можно сказать, только производи эти два приготовительные делания – и

последнее пойдет само собою. Жалуются часто: ожестело сердце... Не дивно. Не собирается внутрь и не навык тому, не устанавливается, где должно, и не знает сердечного места, – как же быть исправной жизнедеятельности? Это – то же, что сдвинуть сердце с места и требовать жизни.

145. Быть в каком-нибудь чувстве очень многозначительно в духовной жизни. В ком есть оно, тот уже – внутрь себя и сердца, ибо мы всегда вниманием в действующей части, и если это сердце, то – в сердце.

146. Дух благодати обитает в христианах со времени крещения и миропомазания. А приступание к таинствам покаяния и причащения не есть ли приятие обильнейших притоков благодати? – Тем, которые имеют уже Духа, пристойно сказать: «Духа не угашайте» (1Сол.5:19). Но как им же сказать: «исполняйтесь Духом?» Благодать Св. Духа подается христианам, потому что такова сила веры христианской. Но живущий в христианах Дух содевает спасение их не один, а вместе с свободными действиями и самого христианина. – В сем отношении христианин может и оскорбить и погасить Духа, – и может способствовать к тому, чтобы Он ощутительно проявлял в нем Свои воздействия. Когда сие бывает, тогда христианин сознает себя в необыкновенном состоянии, выражающемся тихою, глубокою, сладостною радостью, восходящею иногда до взыграния духа. Вот и упоение духовное! – Противопологая его упоению вином, Апостол говорит: не того, а вот этого упоения ищите, назвав его исполнением от Духа. Так повеление – исполняться Духом есть не что иное, как предписание – так себя держать или такие употреблять с своей стороны действия, которые способствовали бы или дали бы возможность и простор Св. Духу – ощутительно проявиться, осязательно воздействовав на сердце.

В писаниях мужей Божиих, удостоившихся такой благодати и даже постоянно пребывавших под осенением ее, находим указание на два особенно дела, требующиеся для того от человека – очищение сердца от страстей и молитвенное к Богу обращение. Эти же средства и Апостол Павел указал. Впереди учил он, как очищать душу от страстей похоти и гнева, а здесь –

вслед за словом: исполняйтесь Духом, указывает и на молитву. Св. Златоуст ввел сии два способа и в толкование. Что молитва открывает Духу Божию свободу воздействовать на сердце, об этом он сказал, говоря: «поющие псалмы исполняются Духа». А что к тому же ведет и чистота от страстей, об этом он говорит вслед за тем: «В нашей ли власти исполняться Духом? – Да, в нашей. Когда будем очищать душу свою от лжи, жестокости, блуда, нечистоты и любопытания, когда сделаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себе, когда не будет в нас кощунства – смехотворства, – когда мы сделаемся достойными того, то что воспретит Святому Духу приблизиться и прилететь к нам? И Он не просто приблизится, но исполнит сердце наше».

147. Сердцем распоряжаться никто не властен. Оно живет особою жизнью. Само по себе радуется, само по себе печалится. И тут с ним ничего не поделаешь. Только Владыка всяческих, все содержащий в деснице Своей, властен входить в него и влагать в него чувства, не соображаясь с натуральными течениями его изменений.

148. Читая в Отцах о сердечном месте, которое обретает ум молитвою, надо понимать словесную силу сердца, помещенную Творцом в верхней части сердца, силу, которою сердце человеческое отличается от сердца скотов, имеющих силу воли или желания и силу ревности или ярости, наравне с человеками. Сила словесства выражается в совести или в сознании нашего духа, без участия разума, в страхе Божиим, в духовной любви к Богу и ближнему, в ощущении покаяния, смирения, кротости, в сокрушении духа или глубокой печали о грехах, и в других духовных ощущениях, чуждых животным. Сила души – ум, хотя и духовна, но имеет местом своего пребывания головной мозг; так и сила словесства, или дух человека, хотя и духовна, но имеет местом своего пребывания верхнюю часть сердца, находящуюся под левым сосцом груди, около сосца и несколько выше его. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца.

149. Сердце – внутреннейший человек, или дух, где самосознание, совесть, идея о Боге с чувством зависимости от

Него всесторонней, вся духовная жизнь вечно-ценная.

150. Дух премудрости и откровения и сердце очищенное – разные: тот свыше от Бога, это – от нас. Но в акте образования христианского ведения они нераздельно сочетаются, и только совместно дают ведение. Сердце, как ни очищай (если можешь без благодати), не даст мудрости, а дух премудрости – не придет, если не уготовано ему в жилище чистое сердце. Сердце – здесь не в обычном смысле, а в смысле внутреннего человека. Есть в нас внутренний человек, по Апостолу Павлу, или потаенный сердца человек, по Апостолу Петру. Это Богоподобный дух, вдунутый в первозданного. Он не сокрушимым пребывает и по падении. Отправления его суть страх Божий, в основе коего лежит уверенность в бытии Бога с сознанием полной от Него зависимости, совесть и недовольство ничем тварным.

151. Рычаг, действующий деятельностью, – сердце: там слагаются убеждения и сочувствия, определяющие волю, и крепость ей дающие.

152. Назначение духа, как дают разуметь отправления его, есть держать человека в соотношении с Богом и Божественным порядком вещей, помимо всего окружающего его и текущего окрест его. Чтоб исполнить, как должно, такое назначение, ему естественно должно принадлежать ведение Бога и того Божественного порядка, и того лучшего бытия, чутье которого свидетельствуется недовольством всем тварным. – Оно, надобно полагать, и было в первозданном до падения. Дух его ясно зрел Бога и все Божеское, – так ясно, как ясно видит кто здоровыми очами вещь пред собою. Но с падением очи духа закрылись, и он уже не видит, что видеть было ему естественно. Сам дух остался, и очи в нем есть, – но закрыты. Он в таком положении, в каком тот, у кого бы веки срослись. Глаз цел, жаждет света, ищет, как бы увидеть его, чуя, что он есть; но сросшиеся веки мешают ему открыту быть и прямо войти в общение со светом. Что дух в таком положении в падшем, это до осязательности очевидно. – Зрение духа человек хотел заменить умозрением, отвлеченнейшими построениями ума,

идеальничанием; но из этого ничего никогда не выходило. Свидетельство тому – все философские метафизики.

153. Когда сознание и свобода на стороне духа, человек духовен; когда – на стороне души, он душевен; когда на стороне плоти, он плотян.

154. Все письмо ваше свидетельствует об обрадованном состоянии души вашей. Радуетесь милости Божией к вам, но вместе и страшитесь. Выходит, вы опытом изучили ту истину, что работать Господу подобает со страхом и радоваться Ему с трепетом. То и другое надо держать, и неразлучно, чтоб как радости не допустить до спуща рукава, так и страха – до подавления всякой отрады. Следует держать себя в крайнем благоговеинстве пред Богом, яко Отцом многомилостивым и многопопечительным о нас, но вместе и строгим без малейшей поправки.

Страх, не ушло бы опять все, теперь у вас в порядке вещей. По его действию изъявляете желание и готовность на средства, как бы уберечь. – Но не думаете ли вы сами – одни в этом успеть? За одно это думание может быть опять взято все. Напрягайтесь всячески уберечь; но самое убережение предайте в руки Господу. Не будете трудиться, – Господь не станет за вас беречь. Обопретесь надеждою на свои усилия и труды, – Господь отступит, как сочтенный вами ненужным, – и опять вас встретит та же беда. Трудитесь до упада, напрягайте силы до последней степени, но самого дела убережения все-таки ожидайте от одного Господа. Ни того, ни другого не должно ослаблять, ни труда и усилия, ни упования на единого Господа. Одно другое пусть подкрепляет, – и из обоих сладится крепкая ограда.

Господь всегда хочет нам всего самого спасительного, и готов даровать его нам во всякое время, ожидает только нашей готовности или способности – принять. Почему вопрос как умудриться, чтоб сохранить, обращается в другой: как умудриться, чтоб содержать себя в готовности всегда принимать готовую внити в нас охранительную силу от Господа? А это как? Сознать себя пустою, ничего не содержащею, пустым сосудом; к сему присоединить сознание бессилия самой наполнить пустоту

сию, увенчать сие уверенностью, что сделать сие может только Господь, и не только может, но и хочет, и знает как; и затем, стоя умом в сердце, вопиять: имиже веси судьбами благоустрой меня, Господи, – с непоколебимым упованием, что и благоустроит, не даст в смятение ног ваших.

Вы в восхищении от возвратившегося утешительного благонастроения. Этому естественно быть. Но поостерегитесь при этом пускаться в мечтательные гадания. «А! так вот оно! вот оно в чем и как, а я не знала». – Это вражеский помысл, оставляющий за собою пустоту, или вводящий в нее. Все надо одно твердить: Слава Тебе, Господи, прибавляя: Боже, милостив буди! – Если остановитесь на таком помысле, то к нему тотчас приплетутся воспоминания, как трудились и бились, что делали и чего удалялись, при каких ваших положениях благонастроение показывалось и отходило, при каких осталось и установилось. И затем последует решение: так – я всегда так буду делать. И впадете вы в мечтательное самомнение, что, наконец, секрет духовного благонастроения открыт, – и в ваших руках. – В следующую же молитву обличится вся лживость подобных мечтаний, – молитва будет пуста, не тверда и малоутешительна. Утешение будет только от воспоминания о предыдущем добром настроении, а не от обладания им. И придется вздохнуть и осудить себя. – А если не умудрится на это душа, то лживое настроение продлится, – и благодать опять отстранится. Ибо такое мечтательное настроение показывает, что душа опять оперлась на свои труды, а не на милость Божию. Благодать – всегда благодать, и ни к какому труду не привязана. Кто привязывает ее к труду, тот за это самое может лишиться ее. – Затвердите это хорошенько. Научительные отступления благодати направлены именно к тому, чтоб пособить затвердить сей спасительный урок.

155. Великой милости сподобились вы от Господа! Это вам одобрение прежних трудов и поощрение на большие. А может быть еще и вот что: не подходят ли спереди искушения внутренние, или скорби и тяготы внешние? Такова мысль св. Исаака. Ощутишь, говорит, особое действие благодати. Смотри строго на все стороны, не отяготила бы какая напасть. Но ближе

скорбных напастей, припадки самовосхваления... Собирайте тогда все из прежней жизни, чего по совести похвалить не можете и завалите этим восстающие помыслы, как иной раз вспышку огня заваливают землю, чтобы не породился от малого большой пожар. За самовосхвалением и самооценкой следуют греховные помыслы и движения и другое не малое. От всего этого спаси вас Господи!

Господь одобряет ваше желание уединения, но времени не указывает. Надо ждать определенных указаний, а до того блюсти внутреннее безмолвие и продолжать усердно дела по благоустройству обители.

Как блюсти внутреннюю неразвлеченность при хлопотах? Делать дела усердно, внимательно, постоянно и без попыхов. Всякое дело, какое предлежит вам делать, принимайте как самим Богом порученное, и делайте его, как Божию... Мысль и будет с Господом. Этому можно привыкнуть с помощью Божией.

156. Пребывать в мире с Богом нельзя без непрерывного покаяния. Условие к миру с Богом Апостол Иоанн ставит такое: *«аще сердце наше не зазрит нам»* (1Ин.3:21). Если нет ничего на совести, можно иметь дерзновение и доступ к Богу в чувстве мира, а если есть, то мир нарушается. Бывает что на совести – от сознания греха. Но по тому же Апостолу, мы никогда не бываем без греха, и это так решительно, что тот уже лжец, кто иначе думает и чувствует (1Ин.1:8). Следовательно, нет минуты, когда бы кто не имел чего на совести – вольного или невольного, а потому нет минуты, когда бы не возмущался его мир с Богом. Отсюда следует, что все необходимо очищать свою совесть, чтоб быть в мире с Богом. Очищается же совесть покаянием; следовательно, непрерывно должно каяться. Ибо покаяние смывает всякую скверну с души и делает ее чистою (1Ин.1:9). Покаяние сие состоит не в словах только: прости Господи, помилуй Господи, но при нем неизбежны все действия, условливающие отпущение грехов, то есть: сознание определенной нечистоты помысла, взгляда, слова, соблазна или другого чего-нибудь, сознание своей в том виновности и безответственности без самооправдания, молитва об оставлении ради Господа до умирения духа. Что касается до

великих грехов, то те тотчас должно исповедать духовному отцу и принять разрешение, ибо в тех не успокоишь духа одним повседневным покаянием. Таким образом, обязанность непрерывного покаяния есть тоже, что обязанность содержать совесть в чистоте и безукоризненности.

Горение духа

157. «Духа не угашайте...» (1Сол. 5:19) . Обычно живет человек в беспечности и нерадении о Богослужении и спасении. Зовущая ко спасению благодать пробуждает спящего грешника; он, внявши сему зову с чувством покаяния, восходит до решимости посвятить прочую жизнь свою на дела Богоугодные и тем содевать свое спасение; это решение обнаруживается ревностью, которая становится мощною, когда сочетается с нею Божественная благодать, посредством Божественных таинств. С сей минуты христианин начинает духом гореть, то есть неослабно ревновать об исполнении всего, на что совесть указывает ему, как на волю Божию. Сие горение духа можно поддерживать и усиливать, можно и погасить. Возгревается он паче всего делами любви к Богу и ближним, составляющей существо сего духа, верностью вообще всем заповедям Божиим с покоем совести, безжалостными к себе подвигами душевно-телесными, молитвою и Богомыслием. Погашается отклонением внимания от Бога и дел Божиих, неумеренным озабочением себя делами житейскими, побряжками чувственным удовольствиям, плотоугодием в похоти, пристрастиями. Погасни сей дух, погаснет и жизнь христианская ... Св. Златоуст пространно рассуждает о сем горении духа. Приводим кратко его слова: «Какая-то густая мгла, и мрак, и облак разлиты над всею землею. Указывая на это, Апостол говорил: *«бесте иногда тьма»* (Еф. 3:8). Нас окружает ночь, так сказать, безлунная и мы среди этой ночи ходим. Бог же дал нам ясную лампаду, возжегши в душах наших благодать Св. Духа. Но приняв сей свет, одни сделали его более ярким и ясным, как например Павел, как Петр, как все святые; а другие погасили, как пять дев, как те, которые потерпели кораблекрушение в вере, как Коринфский блудник, как отпавшие Галаты. Посему Павел говорит теперь: Духа не угашайте, т.е. дара, потому что так обыкновенно называет он дар Святого Духа. Погашает же его нечистая жизнь. Ибо подобно тому, как, когда кто-либо нальет воды, или бросит землю на свет в светильник, или даже

ничего такого не делая, когда только выльет из него масло, – потухает свет, так потухает и дар благодати. Если ты привнес земное, если ты предался заботам о текущих делах, то ты уже погасил дух. – Погасает пламень и тогда, когда недостает елея, именно когда не творим милостыни. Так как он сам пришел к тебе по милости Божией, то, когда не находит в тебе сего плода, отлетает от тебя. Ибо он не пребывает в душе немилостивой. – Итак, не будем угашать его. Всякое злое дело погашает сей свет: и злоречие, и обиды, и все подобное. Как бывает с огнем, – что все чуждое ему уничтожает его и все сродное с ним усиливается, так бывает и с этим светом». Так обнаруживается общехристианский благодатный дух, за покаяние и веру нисходящий в душу каждого в таинстве крещения или возвращаемый в таинстве покаяния. Огонь ревности составляет существо его. Но направления он может принимать разные, смотря по лицам. У иного он весь обращается на самоисправление в строгих подвигах, у иного преимущественно на дела любви, у иного – на благоустройство христианского общества, у иного на распространение Евангельского учения проповедью, как например, в Аполлосе, который, горя духом, глаголаше и учаше известно яже о Господе (Деяния 18:25). Во всех сих направлениях не угашать духа, значит не подавлять его требований, внушений и устремлений, а благоразумно удовлетворять им, обращая все во славу Божию, во спасение свое и братий о Господе.

158. Ст. 12. *«Упованием радуящегося, скорби терпящего, в молитвах пребывающего»* (Рим. 12:12–14) .

Вот признаки горения духа! «Кто горит духом, тот усердно работает Владыке, ожидает наслаждения уповаемыми благами и преодолевает встречающиеся искушения, приражениям их противопоставляя терпение, и непрестанно призывая на помощь Божественную благодать» (Бл. Феод.) «Все сие служит к поддержанию одного огня (т.е. горения духа)» (Св. Злат.).

«Упованием радуящегося». С первой минуты пробуждения духа благодатию, сознание и стремление человека переходят от твари к Богу, от земного к небесному, от временного к вечному. Там, в той области, сокровище его, там и сердце его. Здесь

ничего он не ждет, все надежды его об-ону сторону. Отпадает сердце его от здешнего, ничто из сего не влечет его, ничего здесь не ждет он, ничем не радуется. Радуетя будущим благам, которыми несомненно чае обладать. Сие преселение благ и надежд сердца есть существенная черта пробужденного и горящего Духа. Оно делает человека существенно странником на земле, взыскующим отечества, Иерусалима небесного. Все христиане, как облагодатствованные, должны быть таковы. Посему Апостол всем предписывает и в другом месте: Аще воскреснете со Христом (т.е. если ожили вы духом благодатию Христовою), вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сидя: горняя мудрствуйте, а не земная. Умрите бо (т.е. умерли для всего земного, тварного временного), и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге (Кол.3:1–3).

159. Духом горяще... Мы все прияли благодать в крещении и миропомазании. Потому следовало бы нам гореть духом, который оживляется благодатию Св. Духа. Отчего же не можем сказать, что горим духом? – От того, что занимаемся более или исключительно душевным, житейским, гражданским; дух и заглох, хотя и дает знать о себе. Чтоб разжечь дух, надо сознавать неудовлетворительность направления нашей деятельности, наипаче к земному и житейскому, – углубляться размышлением в созерцание Божеского, святого, небесного и вечного, а главное – начать ходить в делах, духовными именуемых. И загорится дух: ибо всем сим возгреется дар благодати, живущий в нас. Так толкуют святые отцы и учителя наши. Св. Златоуст, перечислив роды усиленной деятельности, прибавляет затем: «Если будешь иметь все теперь исчисленное, то привлечешь Духа. А если пребудет в тебе Дух, то соделает тебя рачительным ко всему исчисленному. Когда же воспламенен будешь Духом и любовью, тогда все сделается для тебя легким. Ужели ты не видывал, сколько ужасен для всех вол, когда у него на хребте зажжен огонь? Так и ты сделаешься нестерпимым для диавола, если возьмешь оба сии пламенника (т.е. благодать Духа и любовь)... Полнее о сем слово Бл. Феодорита: «Духом Апостол назвал дарование (благодати, возбуждающей дух наш) и повелел, чтобы усердие

наше доставляло ему пищу, как дрова – огню (разумеется, – размышление о Божественном и духовные дела). Тоже говорит он и в другом месте: «духа не угашайте» (1Сол.5:19). Угашается же дух недостойными благодати, потому что, не имея чистого ока ума, не приемлют оногo луча. Так и для слепотствующих телесно тьмою бывает и свет, и среди дня служат они мраку. Посему Апостол повелевает нам гореть духом и иметь горячую любовь к Божественному».

160. Возбужденного состояния пропустить без внимания нельзя, но можно не обратить на него внимания должного и, побывши в нем, опять низойти в обычное круговращение движений души и тела. Возбуждение не завершает дела обращения грешника, а только зачинает и после него предлежит труд над собою, и труд очень сложный. Все, впрочем, относящееся сюда совершается в двух поворотах свободы: сначала в движении к себе, а потом от себя к Богу. В первом человек возвращает себе потерянную над собою власть, а во втором себя приносит в жертву Богу – жертву всесожжения свободы. В первом доходит он до решимости оставить грех, а во втором, приближаясь к Богу, дает обет принадлежать Ему Единому во все дни жизни своей.

161. Св. Макарий Египетский говорит (сл. 1 о хранении сердца, гл. 12, стр. 451), что и приходящая к нему (человеку) благодать нимало «не связывает его воли принуждающею силою и не делает его неизменным в добре, хотя бы он хотел, или не хотел сего. Напротив того, и присущая в человеке Божия сила дает место свободе, чтобы обнаружилась воля человека, согласуется ли или не согласуется она с благодатию». С сей минуты начинается сочетание свободы с благодатию. Совне воздействовала благодать – и стоит совне. Входит она внутрь и начинает обладать частями духа не иначе, как когда желанием своим открывает ей человек вход в себя, или отверзает уста к принятию ее. Возжелает человек – и она готова с помощью. Сделать или утвердить в себе доброе сам человек не может, но желает его и напрягается; ради же сего желания благодать укрепляет за человеком желаемое добро. Все так и будет идти

до окончательного возобладания человека над собою в видах добра и Богоугождения.

162. У того, кто искал благодатной помощи и теперь чувствует посещение ее, такое желание должно быть присуще – т.е. необходимо надо исправиться и приступить к этому сейчас же – оно уже и руководило его во всех указанных трудах; но в состав его, или к его совершенству и здесь прибавляется нечто. Есть желание мысленное: ум требует, и человек себя нудит; такое желание заправляет приготовительными трудами. Есть желание сочувственное: оно зарождается под действием благодатного возбуждения. Есть, наконец, желание деятельное – согласие воли сейчас приступить к делу восстания от падений; ему должно образоваться теперь, по благодатном возбуждении.

163. Посему отстрани все, могущее погасить этот зачинающийся огонек, и окружи себя всем, что может питать его и довести до пламени. Уединись, молись и с самим собою поразмысли, как быть. Тот порядок жизни, занятий и трудов, какой указан уже и который проходить принуждал ты себя, ища благодати, есть самый благоприятный и для продления в себе ее начавшегося действия. Лучшие же из них в этом случае – уединение, молитва и размышление. Уединение будет собраннее, молитва глубже и размышление действеннее.

164. Теперь рассуждение твое с собою будет не то, что было прежде. Без возбуждения оно обычно уклоняется в общность; теперь, напротив, подражая благодати и под руководством ее, оно все будет относить прямо к тебе самому, без всяких извинений и уклонений, будет обращать к тебе предметы сторонами, наиболее могущими действовать на тебя. Потому собственно ты в сем случае не только размышлять будешь, сколько переходить от ощущения к ощущению.

165. Видит Господь нужду твою и труд – и подаст руку помощи, поддержит и установит тебя так, как следует быть воину, выступающему на брань. Вот где опора! Всего опаснее, если душа вздумает обрести ее в себе самой; тогда она все теряет. Зло опять одолеет ее, затмит этот слабый еще в ней свет, погасит сей, едва зажегшийся огонек. Душа знает, сколько

она бессильна одна; потому, ничего не ожидая от себя, пусть падает в унижении пред Богом, пусть в сердце своем обратит себя в ничто. Тогда вседейственная благодать из сего ничто сотворит в ней все. Кто, в конечном самоунижении, полагает себя в руку Божию, тот привлекает к себе Его, сердобольного, и сильным становится Его силою.

Всего ожидая от Бога и ничего от себя, должно и самому напрягаться к действованию и по силе действовать, чтобы было к чему прийти божественной помощи, было что осенить божественной силе. Благодать уже присуща, но она будет действовать вслед за своеличными движениями, восполняя бессилие их своею силою. Итак, став твердою ногою в самоуниженном предании себя в волю Божию, и сам действуй, не расслабляясь.

IV. Что значит сосредоточить ум в сердце?

166. «Почему, стараясь в тщательном трезвении надзирать над нашею мыслительною силою, его право править и ее исправлять, каким другим способом можем мы успеть в сем, как не собрав от вне рассеянный чувствами ум и введши его внутрь, в это самое сердце, которое есть хранилище помыслов».

167. Царствие Божие внутрь вас есть. Поелику Сын Божий в тебе, то и царство Его в тебе. Вот богатство небесное – в тебе, если хочешь сего. Вот царство Божие внутри тебя, грешник. Войди в самого себя, ищи усерднее и без труда найдешь его... Вне тебя – смерть и дверь к ней – грех... Войди в себя, пребывай в сердце своем, ибо там – Бог (Св. Ефр. Сирин).

168. Надобно из головы сойти в сердце. Теперь у вас помышление о Боге в голове. А сам Бог как бы вне, – и выходит, что это работа внешняя. Пока вы в голове, мысли не улягутся покойно, все будут мястись, как снег или толкашки комаров летние.

Уединение да чтение – два крила в сем занятии.

169. Помнится мне, что вы писали, что от внимания голова даже болит. Да, если головою только работать, а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет, голова опустеет и помыслам конец. Они все в голове, и один за другим гонятся и управиться с ними нет возможности. Если же найдете сердце и сумеете стоять в нем, то всякий раз, как начнут смущать помыслы, стоит только низойти в сердце – и помыслы разбегутся. Это будет уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти. В сердце – жизнь, там и жить надобно. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех, начинающих искать Господа.

170. Как понимать выражение: «сосредоточить ум в сердце?» Ум там, где внимание. Сосредоточить его в сердце – значит установить внимание в сердце и умно зреть пред собою присущего невидимого Бога, обращаясь к Нему со славословием, благодарением и прошением, назирая при этом,

чтобы ничто стороннее не входило в сердце. Тут вся тайна духовной жизни.

Главнейший же подвиг есть хранение сердца от страстных движений и ума – от таких же помыслов. Надо в сердце смотреть и все неправое оттуда гнать. Делая все прописанное, вы будете почти что монахиня, а то и совсем монахиня. Можно и вне монастыря быть монахиною, живя по-монашески, и в монастыре можно быть мирянкою.

171. Разве вот что может быть?! Бог окончательно сердца вашего просит, а сердце Бога хочет. Ибо без Бога оно никогда не бывает сыто, все скупает. Осмотрите себя с этой стороны. Может быть, тут найдете дверь в покои Божии.

172. Мы все, – крещенные и миропомазанные – имеем дар Св. Духа. Он у всех есть, но не у всех действен. Как достигнуть того, чтобы он стал действенным, изображено в моих первых письмах. Потрудитесь снова пересмотреть. Здесь прибавлю только, что иного пути к тому нет.

173. Глава дела – чтобы внимание не отходило от Господа, это тоже, что утверждение в сердце памяти Божией.

174. Ищите Господа? – Ищите, но только в себе. Он не далече ни от кого. Близ Господь всем призывающим Его искренно. Найдите место в сердце, и там беседуйте с Господом. Это приемная зала Господня! Кто ни встречает Господа – там встречает Его. И иного места Он не назначил для свиданий с душами.

175. Внутри пребывание и сердечное уединение вы держите... Дай Господи и всегда хранить его вам. Тут главное дело. Когда сознание внутри в сердце, а там и Господь; тогда они сочетаются и дело спасения идет успешно. Ни помыслам неправым нет хода тогда, ни тем паче чувствам и расположениям. Единое имя Господа разгоняет все чуждое и привлекает все сродное...

Чего вам больше всего опасаться должно? – Самодовольства, самоцена, самомнения, – и всякого другого само...

Со страхом и трепетом свое спасение содевайте... Дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно возгревайте и

держите.

176. Что значит быть умом в сердце? – Вот что значит! – Знаете, где сердце? Как не знать? Чему же учились? – Так станьте там вниманием и стойте неисходно, – и будете умом в сердце; ум неотлучен от внимания: где оно, там и он. Вы писали, что часто при чтении акафиста сладчайшему Иисусу чувствуете огонь в сердце. Вот, где это чувствуете, там и будьте вниманием и не выходите вон не только во время молитвы, но и во всякое другое время. Но стоять там надобно не просто, а с сознанием, что стоите пред лицом Господа или пред всевидящим оком Его, прозирающим в сокровенности сердечные; а чтоб так стоять, старайтесь иметь возгретым какое-либо чувство к Богу – страха, любви, упования, преданности, сокрушения болезненного и проч. Се – норма внутреннего строя. Блюдите, и как только заметите, что он нарушился в чем-либо, спешите восстанавливать его.

177. Имейте всегда в намерении одно – держать себя в сердце к Господу так, как следует, а на то, что вне, не обращайтесь большого внимания. Когда память Божия есть, сознание предстоит пред Господом со страхом и благоговеиством и припадает к Нему в полной преданности Его святой воле, – се норма должного держания себя в отношении к Господу.

178. Так вы знаете настоящий покой!!! Слава Богу!.. Так что же – за чем дело? И надо теперь в ту сторону тянуть, в которой он дается. Надо искать потерянный рай, чтобы потом воспеть обретенный. Там – существо дела... Все вне и кроме его – пустошь... И недалеко все сие, вот-вот под руками... Восхотеть однако ж надо... и нелегко восхотеть. Помогите вам Матерь Божия и Ангел ваш хранитель!

179. С благополучным возвращением! Свой уголок – точно рай, после отлучки. Так все испытывают. Также бывает, когда кто после рассеяния возвращается ко вниманию и внутренней жизни. Когда мы в сердце, тогда дома; когда не в сердце, нет нас дома. И вот о чем паче всего подобает нам иметь заботу!

180. Помогите вам Господи быть живыми и трезвыми. Но не забывайте главного – того, чтоб вниманием и умом сочетаться с

сердцем, и неисходно быть там пред лицом Господа. Все молитвенные труды на это должны быть направлены. Молите Господа, чтоб Он даровал вам это благо. Это – сокровище, сокрытое на селе; это бисер многоценный.

181. У подвижающихся вместо внешней выправки целью должны быть внимание, бодренность, хождение в присутствии Божиим. Вот когда, Бог даст, зародится болячка в сердце вашем, тогда само собою прибудет и то, чего вы желаете, или нечто, гораздо высшее того, – водворится особый некий такт, по которому все будет у вас идти ладно, складно и уместно, без думания о том. Тогда внутрь себя будете носить учителя, премудрее которого нет на земле.

182. Без дела не должно быть ни минуты. Но есть дела, телом видимо совершаемые, и есть дела – мысленные, невидимые. И такие суть настоящие дела... Первое из них есть память Божия неотходная с умно-сердечною молитвою. Этого никто не видит; однако ж лица, так настроенные, находятся в непрестанном напряженном делании. Это же есть и единое на потребу. Коль скоро оно есть, не заботься о других делах.

Поелику первое Божие о человеке определение есть, чтоб он был в живом союзе с Богом, а союз сей выражается, когда кто умом и сердцем живет в Боге, то коль скоро кто стремится к такой жизни и тем паче делается причастным ее в какой-либо мере, о том надо говорить, что он исполняет задачу жизни, для которой введен в течение бытия. – Да сознает сие трудящийся в сем роде жизни, и да не смущается, что не делает явно каких-либо дел, особенно важных. Это одно совмещает все дела.

183. Всякому истинному христианину нужно всегда помнить и никогда не забывать, что ему необходимо соединиться с Господом Спасителем всем существом своим, – надобно дать Ему, Господу, вселиться в уме и сердце нашем, необходимо начать жить Его пресвятою жизнью. – Он принял плоть нашу, а мы должны принять и плоть и всесвятый дух Его, – принять и хранить навсегда. – Только такое соединение с нашим Господом доставит нам тот мир и то благоволение, тот свет и ту жизнь, кои потеряны нами в Адаме первом, и возвращаются теперь от лица Адама второго – Господа Иисуса Христа. А к такому

соединению с Господом, после Причащения Тела и Крови Его, лучшее и надежнейшее средство есть умная молитва Иисусова, которая читается так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!.. Обязательна ли молитва Иисусова и для мирян, а не для одних только монашествующих? Непременно обязательна, потому что всякому христианину, как сказано в начале сего поучения, необходимо соединиться с Господом в сердце, а к сему соединению лучшим способом служит молитва Иисусова.

184. «Стать над сердцем, стать умом в сердце, из головы сойти в сердце», – все сие одно и то же. Существо дела в сосредоточении внимания и стоянии пред невидимым Господом, но не в голове, а внутри груди, – к сердцу и в сердце. Когда придет Божия теплота, то все сие уяснится.

185. В книгах пишется, что когда молитва Иисусова возьмет силу и внедрится в сердце (на языке навязнет – это одно, а внедрится в сердце – это другое), тогда она придает бодрости и сон прогоняет.

186. Внимай себе и старайся не выходить из сердца, ибо там Господь. Ищи сего и трудись над сим. Найдешь и увидишь, как это драгоценно.

187. То, что водитесь чувством или что вообще имеете духовные чувства, не значит еще, что стоите твердо вниманием в сердце. Когда это последнее есть, тогда ум стоит в сердце неисходно, и стоит пред Господом в страхе и благоговеинстве, и исходить оттуда не хочет. Состояние это похоже на то, как дитя в объятиях матери покоится. Даруй вам Господи сего достигнуть.

188. Попадается кто-нибудь из знающих дело и растолковывает: от того у тебя все нестройство внутри, что там качествует разложение сил, ум идет своим чередом, а сердце своим. Надобно ум соединить с сердцем, тогда брожение мыслей прекратится, и ты получишь руль для управления кораблем души, – рычаг, которым начнешь приводить в движение весь твой внутренний мир. Как же это? Навыкни умом в сердце молиться: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» И эта молитва, когда научишься совершать ее как

следует, или лучше, когда она привьется к сердцу, приведет тебя к желаемому концу: она сочетает ум твой с сердцем, она уложит брожение мыслей и даст тебе силу править движениями твоей души.

189. В предыдущем состоянии была молитва (трудовая), но сердце почти постоянно было холодно и разве-разве когда подвигалось на теплую и усердную молитву. Теперь напротив – теплота молитвенная не отходит, а только кое-когда нападает охлаждение, которое скоро прогоняется терпеливым пребыванием в порядках и занятиях, возбуждающих чувство. Есть большая разность и в отношениях сердца к суетным и страстным приражениям, – кто от них свободен! – но в предыдущем состоянии они входили в сердце, совосхищали его, и будто силою брали сочувствие; оттого хоть дел грешных не было и там, но сердце редко оставалось свободным от осквернения соуслаждением греховным. И теперь подходят те же приражения, но у входа сердца неотходно стоит страж – внимание, и именем Господа Иисуса отражает сих врагов. И только когда-то враг воровски успевает заронить сласть такую, которая, впрочем, тотчас замечается, извергается и очищается покаянием до того, что и следа ее не остается. Таков обычный строй сердца, о котором идет речь...

До этого в период искания, сидя около купели, проводишь года, восклицая: «человека не имам». О, когда придет спасение Израилево, чтоб бросить нас в эту живительную купель! Каким образом Он, принятый нами в себя, дает нам томиться таким образом? Он внутри нас, но нас самих там нет. Итак, нужно нам туда вернуться. Довольно читать, – нужно действовать; довольно глядеть, как ходят другие, – надобно ходить самому.

К этим прекрасным мыслям и внушениям нечего прибавить. Хочешь внутренней жизни, – войди внутрь. Но как войти, – об этом уже было говорено ранее.

190. До зарождения внутренней жизни или проявления ощутительного действия благодати и богообщения, человек часто еще что-нибудь сам делает и напрягает к тому свои силы. Но, измаявшись безуспешно в своих усилиях, он бросает, наконец, свою самодеятельность и вседушно предает себя

вседействию благодати. Тогда посещает его Господь милостию Своею и возжигает в нем огонь внутренней духовной жизни. Что в этом великом перевороте его усилия ничего не значили, это знает он по опыту. После, более или менее частыми отступлениями, благодать Божия впечатлевает в него также опытное удостоверение, что и поддержание этого огня жизни не есть дело его собственных усилий. Затем, частое нахождение благих мыслей и начинаний, частые осенения духа молитвенного, неведомо как и откуда находящего, тоже опытно дают ему убедиться, что и все доброе не иначе для него возможно, как от действия Божией благодати, всегда присущей ему, по милости Господа, спасающего всех спасаемых. Он предает себя Господу, и Господь вседействует в нем. Опыт показывает, что тогда только и идет у него все успешно, когда он исполнен этим самопреданием. Он и не отступает от него и всячески блюдет.

Теоретиков много занимает вопрос об отношении благодати к свободе. Для носящего благодать вопрос этот решен самым делом. Носящий благодать предает себя вседействию благодати, и благодать в нем действует. Эта истина для него не только очевиднее всякой математической истины, но и всякого внешнего опыта, ибо он уже перестал жить вовне, и весь сосредоточен внутри. Забота теперь у него одна – быть всегда верным присущей в нем благодати. Неверность оскорбляет ее, и она или отступает или сокращает свое действие. Верность свою благодати или Господу человек свидетельствует тем, что ни в мыслях, ни в чувствах, ни в делах, ни в словах, ничего не допускает такого, что сознает противным Господу, и, напротив, никакого дела и начинания не пропускает, не исполнив его, коль скоро сознает, что на то есть воля Божия, судя по течению его обстоятельств и по указанию внутренних влечений и мановений. Это иногда требует много труда, болезненных самопринуждений и самопротивлений, но ему радостно приносить все в жертву Господу, ибо после всякой такой жертвы, он получает внутреннее воздаяние: мир, обрадование и особенное дерзновение в молитве.

Этими актами верности благодати и возгревается дар благодати, в связи с молитвою, уже неотходною в то время. Когда возгнетут огонь, нужно движение воздуха, чтоб раздуть его; точно также, когда возгнетется огонь благодати в сердце, – нужна молитва, которая есть своего рода движение воздуха духовного в сердце. Что такое эта молитва? Непрестанное обращение ума к Господу в сердце, или непрестанное предстояние Господу умом в сердце, с воззваниями к Нему или без воззваний, с одними чувствами преданности и сокрушенным припадением к Нему в сердце. В этом действии или, скорее, настроении главное средство к поддержанию внутренней теплоты и всего внутреннего порядка, к прогнанию худых и пустых мыслей, к утверждению мыслей и начинаний добрых. Приходят мысли и начинания добрые, – он углубляется в молитву и, смотря по тому, – укрепляются ли они в молитве, или исчезают, он узнает, угодны ли они или неугодны Богу. Приходят мысли худые или начинает что-либо тревожить душу, – он опять углубляется в молитву, не обращая внимания на происходящее в нем, – и все исчезает. Таким образом, умная молитва ставится в нем главным двигателем и правителем духовной жизни. Не дивно потому, что все наставления в писаниях отеческих преимущественно направлены к тому, чтоб научить умно молиться Господу, как следует.

191. Упражнение молитвою Иисусовою имеет два главных подразделения или периода, оканчивающихся чистою молитвою, которая увенчивается бесстрастием или христианским совершенством в тех подвижниках, которым Богу благоугодно дать его. Святой Исаак Сирский говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но малые: достигали же к таинству, совершающемуся после нее, и перешедший на другой берег (Иордана) едва встречается один из поколения в поколение, по благодати и благоволению Божиим».

192. В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия несомненно содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят

делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором побеждения и победы непрестанно сменяют друг друга, в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностью.

193. Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно или, что тоже, без развлечения, с сердечным плачем и теплотою; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом.

194. Первое состояние молящегося можно уподобить обнаженным деревьям во время зимы; второе – тем же деревьям, покрывшимся листьями и цветами от действия теплоты весенней... Душою и целью молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние. За покаяние, приносимое при одном собственном усилии, Бог дарует, в свое время, покаяние благодатное, – и Дух Святой, вселившись в человека, ходатайствует о нем воздыханиями неизглаголанными: Он ходатайствует о святых сообразно воле Божией, которую ведает один Он. Из этого явствует со всею очевидностью, что для новонаначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвременно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки. Такое начинание – начинание гордостное, безумное! Столько же не соответствует новонаначальному употребление механизмов, предложенных святыми отцами для преуспевших иноков, для безмолвников.

195. Трудись, напрягайся, ищи – и обрящешь; толцы – и отверзется тебе. Не ослабевай и не отчаивайся. Но при всем том помни, что труды сии составляют только опыты усилий с нашей стороны к привлечению благодати, а не самое дело, которого еще мы ищем. Недостает главного – благодатного возбуждения. Очень заметно, что, рассуждаем ли, молимся ли, или другое что делаем, – втесняем как бы нечто чуждое в свое сердце, совне. Бывает, что соответственно силе напряжения, некое воздействие от сих трудов низойдет до известной глубины в сердце, но потом опять оттуда извергается, по какой-то

упругости непокоривого и непривычного к тому сердца, подобно тому, как извергается из воды палка, вертикально погруженная в воду. Тотчас же, после сего, опять начинается холодность и дебелость на душе – явный знак, что тут не было благодатного воздействия, а один наш труд и наше усилие. Потому не успокаивайся на одних этих делах и не почивай на них, как будто они-то и были-то, что тебе следует сыскать. Опасное заблуждение! Равно опасно думать, что в этих трудах заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсем нет! Это только приготовление к принятию, самое же дарование совершенно зависит от воли Раздаятеля. Итак, при рачительном употреблении всех предуказанных средств, ищущему следует еще ходить, ожидая посещения Божия, которое, впрочем, не приходит с усмотрением, и никто не знает, откуда оно приходит.

Когда придет сия возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дело перемены жизни и нрава. Без того успеха и ожидать нельзя, – будут одни попытки неудачные. Свидетель тому блаженный Августин, который долго маялся сам над собою, а одолел себя уже тогда, когда осенила его благодать. Трудись, ожидая, в верной надежде. Придет – и все устроит.

196. Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, различествует от исполнения заповедей, последующего соединению. До соединения подвижник исполняет заповеди с величайшим трудом, насилуя и принуждая свое падшее естество; по соединении, духовная сила, соединяющая ум с сердцем, влечет к исполнению, делает его удобным, легким, сладостным. «Путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое» – сказал псалмопевец.

197. Пока стремления духа прорываются раздробленно, – то одно, то другое, и одно в одну сторону, а другое в другую, – нет в нем жизни. Когда же высшая, Божественная сила благодати, одновременно наитствуя дух, сводит все его стремления воедино и держит их в сем едином, тогда – и огонь жизни духовной.

198. Когда благодать не обитает в человеке, демоны, как змеи, гнездятся во глубине сердца, совсем не позволяя душе пожелать доброго; когда же в душу войдет благодать, то они, как мрачные какие облака, носятся по частям сердца, преобразуясь в греховные страсти или в развлечения, дабы затмить память, отвлечь ум от беседования с благодатью.

199. Если же ты ощутил, что соединился ум твой с душою и телом, что ты уже не рассечен грехом на части, но составляешь нечто единое и целое, что святой мир Христов возвеял в тебе, то храни со всевозможным тщанием дар Божий. Да будет главным твоим делом молитва и чтение святых книг; прочим делам давай второстепенное значение, а к делам земным будь хладен, – если можно, чужд их. Священный мир, как веяние Святого Духа, тонок, немедленно отступает от души, ведущей себя неосторожно в присутствии его, нарушающей благоговение, нарушающей верность послаблением греху, позволяющей себе нерадение. Вместе с миром Христовым отступает от недостойной души благодатная молитва, и вторгаются в душу, как голодные звери, страсти, начинают терзать самопредавшуюся жертву, предоставленную самой себе отступившим от нее Богом. Если ты пресытишься, в особенности упьешься, – святой мир перестанет в тебе действовать. Если разгневаешься, – надолго прекратится его действие. Если позволишь себе дерзость, – он перестанет действовать. Если возлюбишь что земное, заразишься пристрастием к вещи, к какому-либо рукоделию или особенным расположением к человеку, – святой мир непременно отступит от тебя. Еслипустишь себе услаждение блудными помыслами, – он надолго, весьма надолго, оставит тебя, как нетерпящий никакого зловония греховного, в особенности блудного и тщеславного. Поищешь его, и не обрящешь. Восплачешь о потере его; но он не обратит никакого внимания на плач твой, чтобы ты научился давать дару Божию должную цену и хранить его с подобающими тщательностью и благоговением.

Возненавидь все, влекущее тебя долу, в развлечение, в грех. Распнись на кресте заповедей евангельских; непрестанно

содержи себя пригвожденным к нему. Мужественно и бодренно отвергай все греховные помыслы и пожелания: отсекай попечения земные; заботься об оживлении в себе Евангелия ревностным исполнением всех его заповедей. Во время молитвы снова распинайся, распинайся на кресте молитвы. Отклоняй от себя все воспоминания, самые важнейшие, приходящие тебе во время молитвы, – пренебрегай ими. Не богословствуй, не увлекайся в рассматривании мыслей блестящих, новых и сильных, если они начнут внезапно плодиться в тебе. Священное молчание, наводимое на ум во время молитвы ощущением величия Божия, вещает о Боге возвышеннее и сильнее всякого слова. «Если ты истинно молишься, сказали Отцы, то ты – Богослов».

200. Но ты еще колеблешься сомнением! Смотришь на меня и, видя пред собою толикого грешника, невольно вопрошаешь: неужели в этом грешнике, в котором действие страстей так явно и сильно – неужели в нем действует Дух Святый?

Справедливый вопрос! и меня он приводит в недоумение, ужас! Увлекаюсь, согрешаю; прелюбодействую со грехом, изменяю Богу моему, продаю Его за мерзостную цену греха. И не смотря на мое постоянное предательство, на мое поведение изменническое, вероломное, – Он пребывает неизменен. Незлобивый, Он ожидает долготерпеливо моего покаяния, всеми средствами привлекает меня к покаянию, к исправлению. Ты слышал, что говорит в Евангелии Сын Божий? Не требуют, говорит Он, здравии врача, но болящих. Не приидох призвати праведники, но грешники на покаяние. Так говорил Спаситель, так и действовал. Возлежал Он с мытарями, грешниками, вводил их чрез обращение к вере и добродетели в духовное родство с Авраамом и прочими праведниками. Тебя удивляет, поражает бесконечная благодать Сына Божия? Знай, что столько же благ и Всесвятой Дух, – столько же жаждет спасения человеческого, столько же кроток, незлобив, долготерпелив, многомилостив. Дух – едино из трех равночестных Лиц Всесвятой Троицы, составляющих собою, неслитно и

нераздельно, единое Божественное существо, имеющих единое естество.

И грех-то привлекает Святого Духа к человеку! Привлекает Его грех, не осуществляемый совершением, но зримый в себе, признаваемый, оплакиваемый! Чем более человек вглядывается в грех свой, чем более вдается в плач о себе, тем он приятнее, доступнее для Духа Святого, Который, как врач, приступает только к сознающим себя больными; напротив того, отвращается от богатыщихся суетным своим самомнением. Гляди и вглядывайся в грех твой! Не своди с него взоров! Отвергнись себя, не имей душу свою честну себе! Весь вдайся в зрение греха твоего, в плач о нем! Тогда, в свое время, узришь воссоздание твое непостижимым, тем более необъяснимым действием Святого Духа. Он придет к тебе, когда ты не чаешь Его, – воздействует в тебе, когда ты признаешь себя вполне недостойным Его.

201. Божественное действие – невещественно: не зрится, не слышится, не ожидается, невообразимо, необъяснимо никаким сравнением, заимствованным из сего века; приходит, действует таинственно. Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех пред его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть гибели, в которую ниспал род наш согрешением нашего праотца; потом мало-помалу дарует сугубое внимание и сокрушение сердца при молитве. Приготовив таким образом сосуд, внезапно, неожиданно, невещественно прикасается рассеченным частям, – и они соединяются воедино. Кто прикоснулся? – Не могу объяснить: я ничего не видел, ничего не слышал, но вижу себя измененным, внезапно ощутил себя таким от действия самовластного. Создатель подействовал при воссоздании, как действовал Он при создании. Скажи: слепленное из земли тело Адама, когда лежало еще не оживленное душою пред Создателем, могло ли иметь понятие о жизни, ощущение ее? Когда внезапно оживилось душою, могло ли прежде размыслить, принять ли душу, или отвергнуть ее? Созданный Адам внезапно ощутил себя живым, мыслящим,

желающим! С такою же внезапностью совершается и воссоздание. Создатель был и есть неограниченный Владыка, – действует самовластно, вышеестественно, превыше всякой мысли, всякого постижения, бесконечно тонко, духовно, вполне невещественно.

От прикосновения руки Его ко всему существу моему, ум, сердце и тело соединились между собою, составили нечто целое, единое; потом погрузились в Бога, – пребывают там, доколе их держит там невидимая, непостижимая, всемогущая рука...

202. Если кто, слыша из уст грешника слово великое о действиях Духа, колеблется неверием, смущается мыслью, полагая, что возвещаемое действие есть действие прелести бесовской, тот да отвергнет помышление хульное. Нет, нет! Не таково действие, не таковы свойства прелести! Скажи: свойственно ли диаволу, врагу, убийце человеков, делаться врачом их? Свойственно ли диаволу соединять воедино рассеченные грехом части и силы человека, изводить их из порабощения греху на свободу, изводить из состояния противодействия, борьбы междоусобной, в состояние священного о Господе мира? Свойственно ли диаволу извлекать из глубокой пропасти неведения Бога и доставлять живое, опытное Богопознание, уже не нуждающееся ни в каких доказательствах извне? Свойственно ли диаволу проповедовать и подробно объяснять Искупителя, проповедовать и объяснять приближение к Искупителю покаянием? – Свойственно ли диаволу восставлять в человеке падший образ, приводить в порядок расстроенное подобие? Свойственно ли приносить вкушение нищеты духовной и вместе воскресения, обновления, соединения с Богом? Свойственно ли диаволу возносить на высоту Богословия, на которой человек бывает как ничто, без мысли, без желания, весь погруженный в чудное молчание? Это молчание есть иссякновение всех сил существа человеческого, устремившихся к Богу, и, так сказать, исчезающих пред бесконечным величием Бога. – Иначе действует прелесть, и иначе Бог, беспредельный Владыка человеков, Который был и ныне есть их Создатель. Тот, Кто

создал и воссозидает, не пребывает ли Создателем? Итак, услышь, возлюбленный брат, услышь, чем различается действие прелести от действия Божественного! Прелесть, когда приступает к человеку, мыслью ли, или мечтанием, или тонким мнением, или каким явлением, зримым чувственными очами, или гласом из поднебесной, слышимым чувственными ушами, – приступает всегда не как неограниченная властительница, но как обольстительница, ищущая в человеке согласия, от согласия его приемлющая власть над ним. Всегда действие ее, внутри ли оно или снаружи человека, есть действие извне; человек может отвергнуть его. Всегда встречается прелесть первоначально некоторым сомнением сердца; не сомневаются о ней те, которыми она решительно возобладала. Никогда не соединяет прелесть рассеченного грехом человека, не останавливает движений крови, не наставляет подвижника на покаяние, не умаляет его пред ним самим; напротив того, возбуждает в нем мечтательность, приводит в движение кровь, приносить ему какое-то безвкусное ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол – я.

203. Сущность дела в том состоит, чтоб ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и не спешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начинает переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены отцами единственно как пособие, к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное.

204. Существенная необходимая принадлежность молитвы – есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для

мира. Пособия всегда остаются только пособиями. Те же Св. Отцы, которые предлагают вводить ум в сердце вместе с дыханием, говорят, что ум, получив навык соединяться с сердцем (или, правильнее, стяжав это соединение по дару и действию благодати), не нуждается в пособиях механизма для такого соединения, но просто сам собою, своим собственным движением, соединяется с сердцем.

205. Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца.

Не только всякое греховное чувствование и всякий греховный помысл, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимой праведностью, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления, доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою.

V. Как вниманием стать в сердце?

206. В естественном порядке, или строе наших сил, на переходе отвне внутрь, стоит воображение. Надо благополучно миновать его, чтобы благополучно попасть на настоящее место внутри. По неосторожности можно застрять на нем, и, оставаясь там, быть уверенными, что вошли внутрь, тогда как это только внешнее преддверие, двор языков. Да это бы еще ничего; по этому состоянию всегда почти сопутствует самопрельщение...

Известно, что вся забота ревнителей о духовной жизни обращена на то, чтобы поставить себя в должное отношение к Богу. Совершается это и обнаруживается в молитве. Она есть путь восхождения к Богу, и ее степени суть степени приближения нашего духа к Богу. Самый простой закон для молитвы, – ничего не воображать, а собравшись умом в сердце, стать в убеждении, что Бог близ, видит и внимает, и в этом убеждении припадать к Нему, страшному в величии и близкому в благоснисхождении к нам... Образы держат внимание вовне, как бы они священны ни были, а во время молитвы вниманию надо быть внутрь, в сердце: сосредоточение внимания в сердце есть исходный пункт должной молитвы. И поелику молитва есть путь восхождения к Богу, то уклонение внимания от сердца есть уклонение от этого пути.

207. Первый неправый способ молитвы зависит от того, что иные действуют в ней преимущественно воображением и фантазией. Эти силы составляют первую инстанцию в движении отвне внутрь, которую следовало бы миновать, а вместо того останавливаются на ней. Вторую инстанцию на пути внутрь представляет рассудок, разум, ум, вообще, рассуждающая и мыслящая сила. Следует и ее миновать, и вместе с нею сойти в сердце. Когда же останавливаются на ней, то происходит второй неправый образ молитвы, отличительная черта которого та, что ум, оставаясь в голове, сам собою все в душе хочет уладить и всем управить; но из трудов его ничего не выходит. Он за всем гоняется, но ничего одолеть не может, и только

терпит поражения. Это состояние бедного ума очень полно изображено у Нового Богослова.

Второй образ молитвы прилично назвать умно-головным, в противоположность третьему – умно-сердечному, или сердечно-умному.

А между тем, как происходит это брожение в голове, изображенное во втором образе молитвы, – сердце идет своим чередом, его никто не блюдет, и на него набегают заботы и страстные движения. Тогда и ум себя забывает и убегает к предметам забот и страстей; и разве уж когда-то опомнится...

Приложу к этому, т.е. к второму образу молитвы, несколько слов из предисловия к писаниям Григория Синаита, старца Василия схимонаха, спостника и друга Паисия Нямецкого. Выписав место из Симеона Нового Богослова, он прибавляет: «Как можно одним ограждением внешних чувств хранить ум нерасхищенным, когда помыслы его сами собою растекаются и прячут на вещи чувственные? Если не можно, то нужда настоит уму, в час молитвы, бежать внутрь до сердца и стоять там глухим и немым для всех помыслов. Кто внешне только удаляется от зрения, слышания и глаголения, тот мало получает пользы. Затвори ум свой во внутренней клети сердца, – и тогда насладишься покоем от злых помыслов и вкусишь радости духовной, приносимой умною молитвою и вниманием сердечным». Св. Исихий говорит: «не может ум наш победить мечтание бесовское сам собою токмо, да и не надеется когда-либо сего. Посему блюдись, да не вознесешься по примеру древнего Израиля, – и предан будешь и ты мысленным врагам. Тот, будучи избавлен Богом всяческих от египтян, помощником себе вздумал возыметь идола перстного. Под идолом перстным разумеи немощный наш разум, который, пока молит Иисуса Христа против лукавых духов, удобно их отгоняет, а когда на себя бессмысленно понадеется, падает падением дивным и разбивается».

208. При этом не забывай следующее мудрое наставление Св. Лествичника. Он изображает путь восхождения нашего к Богу под видом лестницы о четырех ступенях. Одни, говорит он, укрощают страсти; другие поют, то есть, молятся устами

своими; третьи упражняются в умной молитве; четвертые, наконец, восходят в видения. Хотящие восходить по сим четырем ступеням не могут начинать сверху, а должны начать снизу, и, ступив на первую ступень, с ней уже восходят на другую, потом на третью, и после всего уже на четвертую. Этим путем всякий может взойти на небо. Сначала надобно подвизаться в укрощении и умалении страстей; потом упражняться в псалмопении, то есть, навикнуть молиться устно; далее, молиться умно и, наконец, получить возможность восходить в видения. Первое есть дело новоначальных, второе – возрастающих в преуспейнии, третье – достигших до конца преуспейния, а четвертое – совершенных.

209. Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей, а они не другим каким способом умаляются в душе, как хранением сердца и вниманием... Итак, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение и противоборствовать помыслам, и на небо воззреть чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молиться чисто воистину, как подобает.

210. Когда молитесь с чувством, где же внимание ваше, если не в сердце? Чувство всегда к себе привлекает внимание. В голове – толкучий рынок. Там нельзя Богу молиться. Что иногда молитва идет добре... и сама собою... Это добрый знак. Значит, что она начала прививаться к сердцу. Храните сердце от привязанностей, старайтесь помнить Бога, зря Его пред собою и пред лицом Его действуя.

211. Вы загадываете в затвор. Вот вам и затвор! Сидите и вопийте: Господи помилуй! Когда сношений с людьми нет, то в чем у вас теперь будет исполнение воли Божией? Ни в чем, как в должном настроении вашего внутреннего. А это в чем? В непрестанной памяти Божией со страхом и благоговеинством и в памяти смертной. Навык ходить пред Богом или в памятовании о Боге есть атмосфера духовной жизни. Ему естественно следовало бы быть в духе нашем, созданном по образу Божию, но нет его по причине отпадения нашего от Бога. Вследствие сего предлежит труд в стяжании навыка ходить

пред Богом. Он состоит существенно в напряжении стоять сознанием пред лицом Бога вездесущего; но поддерживается и другими побочными деланиями, входящими в состав духовной жизни. Но и здесь труд, – в том, чтобы направлять сии делания к означенной цели. Сюда должно направлять и чтение, и размышление, и молитву, и все занятия и сношения так вести, чтобы они не мешали и не расстраивали памяти Божией. И то надо к сему приспособить, где стоять сознанием или вниманием.

Ум в голове, и умовые люди (научники) все в голове живут. Живут в голове и страдают непрерывным бурлением мыслей. Это бурление не дает вниманию стоять на едином. Не может ум стоять и на едином помышлении о Боге, пока он в голове. Все отбегает и отбегает. На этом основании желающим установиться в едином помышлении о Боге заповедуется оставить голову и низойти умом своим в сердце, и там стоять вниманием неисходно. Только тогда, как ум сочетается с сердцем, можно ожидать успеха в памяти Божией. Извольте теперь поставить себе целью достижение сего и начинайте движение к сей цели. Не думайте, что это труд непосильный, но и того не думайте, что это так легко, что стоит только захотеть, как и дело тут... Первый прием к тому, чтоб привлечь ум к сердцу, именно чрез сочувствие читаемым и слушаемым молитвам; ибо чувства сердца обычно властвуют над умом... Если вы исполните, как должно, первый прием, то ваше молитвословие все будет идти с чувствами. Чувства сии будут изменяться соответственно содержанию молитв. Речь моя не об этих чувствах, а об таких из них, которые захватят все сознание и сердце и свяжут душу, не давая ей свободно продолжать чтение, а все отвлекая внимание ее на себя. Это особые чувства; и они как только рождаются, порождают в душе и свои молитвы по роду своему. Этих, порождающихся в сердце особых чувств и молитв никогда не надо пресекать дальнейшим чтением, а остановив чтение, давать им свободу излиться, пока совсем изольются, и чувство станет равно с обычными молитвенными чувствами. Этот прием сильнее первого и скорее сведет ум в сердце. Но действовать он может только после первого приема или совместно с ним.

212. Прихожу к мысли, что вы все в голове, а не в сердце. Сойдите в сердце, – и тотчас оцените себя. Вы изъявляли желание дойти до чувства своего непотребства. Вот это вы и начнете видеть и чувствовать, как только сойдете в сердце. Чем дальше, тем яснее это будет видеться.

213. Главное – надо стать умом в сердце пред Господом, и стоять пред Ним неотходно день и ночь до конца жизни.

214. Кто-то, когда-то сказал: сделай, чтоб мысли твои не заходили за стены монастыря, и скоро обрящешь сладкий покой монастырского уединения. Это блаженнейшая часть Марии – устроиться так, чтоб в мысли ничего не было, кроме церкви и келлии. Куда как хорошо! Я думаю, что блаженство этого состояния и описать нельзя.

215. Мне пришло на ум подсказать вам: возьмитесь за одну коротенькую молитовку, – и все ее творите... и за делом и без дела, и ходя и сидя, непрестанно. Сначала вы будете заставлять себя творить эту молитовку, а потом она сама будет читаться... Только возьмитесь и без перерыва трудитесь... Эта молитва: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную. Внимание же при этом держите не в голове и не на себе, а в сердце, там внутри, под левой грудью. – Когда навикнете, то этим будете разгонять все смущающее, – и призывать мир на душу.

216. Где сердце? – Где отзывается и чувствуется печаль, радость, гнев и прочее, там сердце. Там и вниманием стойте... Сердце телесное есть мускулистый серчак-мясо... но чувствует не мясо, а душа, для чувства которой мясное сердце служит только орудием, как мозг служит орудием для ума... Стой в сердце с верою, что и Бог тут же есть, а как есть, не соображай. Молись и ищи, чтоб благодать Божия дала тебе, наконец, чувство к Богу.

217. Не чуждо будет смысла святоотеческих предписаний сказать: как хочешь держи себя, только успевай приобрести это последнее – умное Господу в сердце предстояние, в котором существо дела.

Есть, однако ж, между телесными деланиями и такие, которые как бы срастаются с умною молитвою и никогда от нее

не отходят. Необходимо вниманием стоять в сердце, необходимо тело все держать в бодренном напряжении мышц, и вниманию своему не позволять поддаваться и увлекаться внешними впечатлениями чувств.

218. Во время молитвы вниманию надо быть внутрь, в сердце: сосредоточение внимания в сердце есть исходный пункт должной молитвы. И поелику молитва есть путь восхождения к Богу, то уклонение внимания от сердца есть уклонение от этого пути.

219. Сведением ума в сердце путем дыхания указывается на тот случай, если ты не знаешь, где остановиться вниманием, или где сердце; а если ты и без этого знаешь, как найти сердце, делай, как знаешь, только установись в сердце.

220. При молитве нужно, чтоб дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одною мыслью или с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача. Соединение даруется в свое время Божественною благодатию, а для новонаначального достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом, дух непременно ощутит умиление. Дух обыкновенно называется сердцем, как и вместо слова ум употребляется слово голова.

Молись со вниманием, в сокрушении духа, помогая себе вышеисчисленными механизмами; при этом само собою откроется опытное познание места сердечного. О нем удовлетворительно объяснено в предисловиях схимонаха Василия.

221. Молитва называется умною, когда произносится умом с глубоким вниманием, при сочувствии сердца; сердечною, когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце, и из глубины сердца воссылает молитву; душевною, когда совершается от всей души, с участием самого тела, когда совершается из всего существа, причем все существо содействуется как бы едиными устами, приносящими молитву.

Святые Отцы в Писаниях своих часто заключают под одно наименование умной молитвы и сердечную и душевную, а

иногда различают их. Так преподобный Григорий Синайский сказал: «непрестанно зови умне или душевне». Но ныне, когда учение из живых уст об этом предмете крайне умалилось, весьма полезно знать определительное различие. В иных более действует умная молитва, в других сердечная, а в иных душевная, смотря по тому, как каждый наделен Раздавателем всех благ, и естественных и благодатных; иногда же в одном и том же подвижнике действует то та, то другая молитва. Такая молитва весьма часто и по большей части сопутствуется слезами.

222. Для вас все еще темен спасительный строй. Читайте первые пункты Филофея Синайского в Добротолубии, и смотрите что там? Один акт, – и все тут. Ибо он все к себе стягивает и держит в строю. Извольте так устроиться, и получите должный строй внутри, и ясно его увидите. Акт сей есть – стать вниманием в сердце, и стоять там пред Господом в благоговеинстве. Се – начало духовной премудрости!

Желательно вам умудриться в различении помыслов. – Сойдите из головы в сердце. Тогда все помыслы ясно видны будут вам, движась пред оком ума вашего острозоркого, а до того не ждите должного различения помыслов.

223. «Собираюсь с духом». Помогите Вам Господи! Но не выпускайте из внимания главного, – того, чтоб собраться умом в сердце. На сие паче направляйте труды свои. Прием один – стараться стоять вниманием в сердце, с памятью о вездесущии Божиим и о том, что око Его смотрит в сердце ваше. Позаботьтесь утвердиться в том убеждении, что, хоть вы одни бываете, всегда имеете не близ себя только, а внутри себя лицо присущее вам, на вас смотрящее и все в вас видящее. То, что я писал вам о несколько-кратном в день делании молитвы Иисусовой, послужит средством к тому очень сильным. Делайте так, всякий раз минут по десять-пятнадцать, – и лучше, стоя в молитвенном положении с малыми поклонами, и без них, как вам лучше. Трудитесь так и молитесь Господа, чтоб дал вам, наконец, ощутить и познать, что такое есть болячка в сердце, по слову старца Парфения. Вдруг это не дается. Пройдет год усиленных трудов, а может быть и больше, пока начнут

показываться некие сего следы. Благослови вас, Господи, на труд и путь сей; но вы не считайте этого каким-либо приделком, а поймите главным делом.

224. Если сердце ваше согревается при чтении обычных молитв, то этим способом и возгревайте сердечную к Богу теплоту. Молитва Иисусова, если ее механически творить, ничего не дает, как и всякая другая молитва, языком только проговариваемая.

Попробуйте при молитве Иисусовой поживее помыслить, что Господь Сам близ есть и предстоит душе вашей и внимает тому, что в ней происходит. В душе же при сем пробудите жажду спасения и уверенность, что кроме Господа неоткуда ожидать нам спасения. Затем и вопийте к Нему, мысленно пред собою зримому: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, или милостивый Господи, спаси меня имиже веши судьбами. Дело совсем не в словах, а в чувствах к Господу.

Духовное горение сердца к Господу есть любовь к Нему. Она загорается от прикосновения Господа к сердцу. Как Он весь есть любовь, то прикосновение Его к сердцу тотчас и возжигает любовь к Нему. А от любви – горение сердца к Нему. Вот это и должно быть предметом искания.

На языке пусть будет молитва Иисусова, в уме – предзнание Господа пред собою, в сердце – жажда Бога, или общения с Господом. Когда все сие будет постоянно, тогда Господь, видя, как нудите себя, подаст просимое.

225. Другое же высшее назначение короткой молитовки есть углубление мысли и чувства к Богу. То, что у вас есть – эти воззвания, – при первом впечатлении разлетается; кроме того, не смотря на воззвания... мысли толкутся в голове... как комары. Чтобы пресечь эту толкотню, надо связать ум одною мыслью, или мыслью о Едином... Пособие к сему короткая молитовка. С помощью ее ум упрощается, объединяется и прививает или развивает чувство к Богу... Когда придет сие чувство, – душа утвердится сознанием в Боге... и все начнет делать по Божьему. С короткою молитвою надо держать мысль о Боге и внимание к Нему... А ограничиваться одними словами... медь звенящая.

226. Спрашиваете: «продолжать ли такую молитву, или умом сходить в сердце?» – А это, что сказали вы, где же бывает? Сему негде быть, как внутри. Стоите пред Господом, без образов, в присутствии Господа... и испытываете добрые чувства. Чего же еще? Тут все. Разве только вы в голове производите сие?! – Нет, в сердце надо стоять. Но сердца не помнить, а только Господа зреть. – Все так выразить можно: «стоять в сердце умом пред Господом и молиться».

Плод молитвы – главный – не теплота и сладость, а страх Божий и сокрушение.

227. Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы с внутреннею, не суть монахи. Определение очень верное! Монах значит уединенный: кто не уединился в самом себе, тот еще не уединен, тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре. Ум подвижника, не уединившегося и не заключившегося в себе, находится по необходимости среди молвы и мятежа, производимых бесчисленными помыслами, имеющими к нему всегда свободный доступ, и сам болезненно, без всякой нужды и пользы, зловредно для себя скитается по вселенной. Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе, как при посредстве внимательной молитвы, преимущественно же при посредстве внимательной молитвы Иисусовой.

Достижение же бесстрастия, освящения или, что то же, христианского совершенства, без стяжания умной молитвы, невозможно; в этом согласны все Отцы.

Путь истинной молитвы содеывается несравненно теснее, когда подвижник вступит на него деятельностью внутреннего человека. Когда же он вступит в эти теснины и ощутит правильность, спасительность, необходимость такого положения, когда труд во внутренней клети соделается вожделенным для него, – тогда соделается вожделенною и теснота по наружному жительству, как служащая обителью и хранилищем внутренней деятельности.

228. Существо дела есть – приобрести навык стоять умом в сердце, в этом чувственном сердце, но не чувственно. Надо ум

из головы свести в сердце и там его усадить или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем... – Как этого достигнуть? Ищи и обрящешь. Удобнее сего достигнуть хождением пред Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь. – Но помнить надо, что наш только труд, а самое дело, т.е. сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаемый, когда и как хочет Господь.

VI. Борьба со страстями

229. Сверх того, мы должны знать, что непрестанно призывать имя Божие есть врачевание, убивающее не только страсти, но и самое действие их. Как врач изыскивает врачевание или пластырь на рану страждущего, и они действуют, причем больной и не знает как сие (делается): так точно и имя Божие, будучи призываемо, убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как сие совершается.

230. «Много подвига и труда требуется в молитвах, чтоб достигнуть невозмутимого состояния мысли, другое некое сердечное небо, в коем обитает Христос, как говорит Апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неiskusни есте*» (2Кор.13:5).

231. Взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы он возделывал и хранил его (Быт.2:15), разумея эту заповедь не только в собственном, чувственном смысле, но и в духовном, высшем ее значении. Раем они (св. отцы) называют душу первых людей, как место пребывания в них преизобильной благодати Божьей и место плодоношения многоразличных духовных добродетелей; возделыванием этой духовной жизни – то, что в последствии стало именоваться «умным деланием», а охранением сего умного делания – поддержание достигнутой уже душевной чистоты.

232. Дьявол с демонами, после того, как чрез преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным и от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякого человека и днем и ночью, иного много, иного немного, а иного множайше. И не иначе можно оградиться от сего, как памятью о Боге непрестанною, – если, то есть, в ком память Божия напечатлевшись в сердце силою креста, утвердит ум в непоколебимости. К сему ведут все труды мысленного подвига, коим подвизаются на поприще веры, каждый христианин облекся долгом и, если не так у него идет дело, то всеу он проповодизается. Сего ради подвига предпринимлются и все

разнообразные духовные упражнения во всяком имущем Бога путем произвольных лишений, чтоб преклонить благоутробие всеблагого Бога, – даровать ему опять первое достоинство и чтобы Христос напечатлелся в уме его, как говорит Апостол: *«чадца моя, ими же паки болезную, дóндеже вообразится Христос в вас»* (Гал.4:19).

233. Страсти – те же скорби, и Господь не отделил их, но сказал: *«Призови Мя в день скорби твоея и изму тя и прославиши Мя»* (Пс. 49:15) . И потому, в отношении всякой страсти ничего нет полезнее, как призывать Имя Божие... Нам же немощным остается только прибегать к имени Иисусову, ибо страсти, как сказано, суть демоны – и уходят (от призывания сего Имени).

234. «Итак, если хочешь одержать победу над страстями, то, молитвою и содействием Божиим внутри себя быв, сойди в глубь сердца и там проследи следующих трех сильных исполинов, – разумею: забвение, разленение и неведение, сию опору мысленных иноплеменников, чрез коих прочие злые страсти возвращаясь, действуют, живут и крепнут в душах сластолюбивых. Но ты многим вниманием и настоянием ума с содействием свыше и нашедши этих, многим неведомых, злых исполинов, легко уже потом, опять вниманием же и молитвою, можешь избавиться от них». Лествичник.

235. «Как тати, видя что в каком-либо месте лежат царские орудия, не как попало нападают, – так и сочетававший молитву с сердцем, не как попало окрадается мысленными татями». Лествичник.

236. «Главнейшее дело подвижника в том состоит, чтоб вошедше и в сердце свое, сотворить там брань с сатаною и возненавидеть его и, противоборствуя помыслам его, воевать с ним». Макарий Великий.

237. «Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей и, ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении себя добродетелями, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града

чистоты, то все козни бесов против его остаются безуспешными». Диадох.

Хорошо сказал святой, что безуспешными остаются козни врагов, когда т.е. мы во глубине негде сердец наших пребываем, и это тем более, чем более там мы закосневаем.

238. «Постарайся войти во внутреннюю сокровищницу свою, и узришь сокровищницу небесную. Ибо и то, и это одно суть; и одним входом видишь ты их обеих. Лестница в царствие оное внутрь тебя сокрыта, т.е. в душе твоей. Омой себя от греха, и найдешь там степени восхождения, по коим можешь взойти в него».

239. «Две силы, совершенно противоположные между собою, влияют на меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Как духовные силы, обе они невидимы. Добрая сила, по свободной и искренней молитве моей, всегда прогоняет силу злую, и сила злая сильна только злом, во мне скрывающемся. Чтобы не терпеть непрерывных стужений злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: Иисусе Сыне Божий помилуй мя. Против невидимого (диавола) – невидимый Бог, против крепкого – Крепчайший».

240. Итак, снова утвердившись в молитвенном предании себя Богу и благодати Его, вызывай каждого из возбудителей греха и старайся отвлечь от них сердце и обратить его на противоположное, – этим они будут отрезаны от сердца и должны будут замереть. Для сего дай свободу здравому рассуждению, а по следам его води и сердце.

Этот труд есть самый существенный в деле перелома воли. Таким образом, все надо трудиться над собою, пока, вместо саможаления, не возродится безжалостность к себе и непощадение, не восчувствуется жажда страданий, желание умучить себя, истомить и тело свое и душу; пока вместо человекоугодия не образуется, с одной стороны, отвращение от всех недобрых обычаев и связей, некоторое враждебное, с раздражением, противление им, а с другой – обречение себя на все неправды и все поношения людские; пока, вместо вкуса только в одном вещественном, чувственном, видимом, придет безвкусие к ним и омерзение, и зачнется искание и жаждание

одного духовного, чистого, Божественного; пока, вместо земности, ограничения жизни и счастья только землею, не исполнит сердца чувство странничества на земле, с единственным стремлением к отечеству небесному.

241. Таким образом, вслед за возбуждением благодати, первое предлежит свободе человека – движение к себе, которое она совершает тремя актами: 1) склоняется на сторону добра – избирает его; 2) устраняет препятствия, разрывает узы, державшие человека в грехе, изгоняя из сердца саможаление, человекоугодие, склонность к чувственному и земность и, на место их, возбуждая безжалостность к себе, безвкусию к чувственному, предание себя позору всякому и переселение сердцем в будущий век с чувством странничества здесь; 3) наконец, воодушевляется сейчас же вступить на добрый путь, нисколько не послабляя себе, а содержа себя в постоянном некотором напряжении.

Таким образом все стихает в душе. Возбужденный, освободившись от всех уз, с полною готовностью говорить себе: востав, иду!

С этой минуты начинается другое движение души – к Богу. Одолев себя, овладев всеми исходами своих движений, возвратив себе свободу, он должен теперь всего себя принести в жертву Богу. Значит, дело сделано еще только наполовину.

242. 4 гл., ст. 27. «Ниже дадите места диаволу». Диавол не имеет доступа к душе, когда она не питает никакой страсти. Тогда она светла, и диавол не может воззреть на нее. Когда же она попустит движение страсти и согласится на нее, тогда омрачается, и диавол видит ее. Смело подходит к ней и начинает в ней хозяйничать. Два главных порочных движения тревожат обычно душу – похоть и раздражительность. Кого успеет враг одолеть похотью, того и оставляет с нею, не тревожа, или слабо тревожа гневом; а кто не поддается похоти, того спешит подвигать на гнев и собирает вокруг его много раздражающего. Кто не разбирает уловок диавола и за все серчает, тот дает место диаволу, давая себя побеждать гневу. А кто подавляет всякое возбуждение гнева, тот противится диаволу и отгоняет его, а не только места в себе не дает. При

гневе дается место диаволу тотчас, как серчание признается справедливым и удовлетворение его законным. В тот же момент враг входит в душу и начинает вливать в нее мысли за мыслями – одна другой раздражительнее. Человек начинает гореть во гневе, как в пламени. Это диавольский, адский пламень. А бедный человек думает, что он так горит от ревности по правде, тогда как в гневе никогда правды не бывает (Иак.1:20). Это своего рода прелесть в гневе, как есть прелесть в похоти. Кто подавляет тотчас гнев, тот рассеивает сию прелесть, и диавола тем отражает так же, как иной в сердцах сильно ударяет кого в грудь. Кто из гневающихся, по погашении гнева, разобрав дело добросовестно, не находил, что в основе раздражения была неправда?! А враг эту неправду превращает в правду и в такую гору ее взгромождает, что покажется, будто и миру стоять нельзя, если не удовлетворить нашему негодованию...

Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? Будь врагом, но враждуй против диавола, а не против своего собрата. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали все его острие в грудь диавола. Вверзи туда свой меч по самую рукоять, если хочешь, вдави и рукоять, и не извлекай его никогда оттоле, напротив, вонзи туда еще и другой меч. А это произойдет тогда, когда мы будем щадить друг друга, когда будем миролюбиво расположены друг к другу. Пусть я лишусь денег, пусть я погублю свою славу и честь; мой член всего для меня дороже. Так будем говорить друг другу: не будем оскорблять своей природы для приобретения денег, для снискания славы.

243. Приведем на память, как действуют вражеские искушения. Размах вражеского меча – есть нанесение помысла, в надежде, что в сердце отзовется ему сочувствие, на основании которого он потом строит сильное искушение. Представляется, например, лицо оскорбившее: это вражеский взмах меча. Когда на это в сердце отзовется неприятное чувство к оскорбившему, – это значит, что меч прошел до тела души и уранил ее. Подскакивает тогда враг к душе и воздымает в ней целую бурю враждований и мстительности. Но когда в

сердце лежит постоянное расположение прощать обиды и держать себя всегда в тихой кротости и мирности со всеми, тогда сколько враг ни напрягайся представлять душе в помыслах лица оскорбившие, в сердце никакого отзвука им не будет, а следовательно врагу не к чему будет приплесть и свое искушение. Удар его меча отскочит от сердца, как от воина, облеченного в броню.

244. Не произносить гневного слова, есть великое совершенство. В основе сего лежит отсутствие раздражительности сердца, а она, как искра, заливается преданием себя в волю Божию, при сознании, что неприятности Бог попускает для испытания и нам самим показывая, насколько прочно наше доброе внутреннее направление... Что и обязывает нас держать себя в таких случаях благодушно, веруя, что Сам Бог смотрит на нас в эту минуту. И та ваша мысль, что делающие нам неприятность бывают орудиями врага – верна. Почему, когда кто причиняет вам неприятности, всегда полагайте, что позади их стоит враг разжигающий их и обидные фразы и дела им внушающий.

245. ...Смысл притчи сей ясен. Красавица эта изображает падшую душу, к Господу обратившуюся в покаянии и с Ним сочетававшуюся, чтобы Ему Единому принадлежать и Ему Единому служить. Прежние приятели – страсти. Свист их- это движение страстных помыслов, чувств и пожеланий. Убежание во внутренние покои есть укрытие в глубь сердца, чтобы стать там пред Господа. Когда это совершится внутри, обеспокоившее душу страстное, чтобы оно ни было, – отходит само собою, и душа успокаивается.

246. И вообще положите законом – мерять позволительное тем воздействием, которое оно производит внутри. Что созидает, то позволяйте себе, а что расстраивает, того не позволяйте ни под каким видом. Кто, находясь в уме, протянет руку к стакану с питьем, в которое пущен яд, как ему ведомо?!

247. Чтоб мысли не блуждали, надо возыметь такое чувство, чтобы быть неисходно в сердце с Богом... и сторонним помыслам места не будет. Чтоб не осуждать других, надо глубоко восчувствовать свою греховность и скорбеть о ней,

оплакивая душу, будто мертвую. Некто сказал: когда свой мертвец дома, не станешь заботиться о мертвецах в соседстве.

248. Когда нападают недобрые помыслы, надобно отвращать от них око ума и, обращаясь к Господу, именем Его гнать их. Но когда помысл пошевелит сердце, и сие лукавое мало-помалу усладится им, тогда надобно бранить себя и умолять Господа о помиловании, и бить себя до тех пор, пока в сердце родится противоположное чувство; например, вместо осуждения возвеличение другого или, по крайней мере, сердечное чувство почтения к нему...

Вот и надобно загодя приготовить в сердце покойное местечко, у ног Господа. Случится тревога?.. сейчас туда, и кричать и кричать, как бы отчитывать черную немощь, и Господь поможет: все стихнет.

249. Человек, сознанием и сердцем сущий на стороне страстного, страстен весь, и Богу противен. Человек, сущий на стороне бесстрастного, хотя в нем есть и борют его страсти, непротивен Богу, ради нелюбления страстей и желания делать не по ним, а по воле Божией.

250. Вопрос о главном пункте внутренней брани решается следующим образом: сойди вниманием в сердце, стань там пред Господом и не допускай туда ничего греховного. В этом все дело внутренней брани.

251. Надо различать только чувства, в нрав входящие, и чувства мимолетные – пришли и ушли. Пока не умерщвлены в конец страсти, дурные мысли, чувства, движения и замышления не прекратятся. Умалются по мере умаления страстей. Источник их – страстная половина наша. Вот сюда все внимание и обратить надо. Есть одно воспитательное средство. Память о Господе непрестанная с молитвой к Нему. Старцы Божии умели этим отгонять все дурное и удерживать себя в добром строе. Навык молитве Иисусовой есть внешняя сторона того орудия. В существе это то же, что домоседство. Сознанием в сердце быть с Господом, призывание Которого прогоняет все дрянное. Прочитайте Исихия – о трезвении. Труд и постоянство в труде однообразном все преодолевает.

252. Ибо как при отсутствии Его (молитвы Иисусовой) стекается к нам все зловерное, не оставляя места ничему душеполезному, так при Его присутствии, все противное отгоняется.

253. Что демоны никак не могут овладеть чьим либо духом или телом, не имеют власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишат ее всех святых помышлений и не сделают пустою и лишенною духовного созерцания.

254. Главное монашеское правило есть – быть неотлучно умом и сердцем в Боге, или непрестанно молиться; для подогревания сего подвига положены определенные молитвословия – круг дневных служб, которые в церкви совершаются, и некоторые келейные молитвования... Но главное – сила вся в непрестанном к Богу чувстве, которое и пусть возгревает, как умеет. Се закон! Коль скоро чувство то есть, то все правила им одним заменяются; а коль скоро его нет, то его никакие читательные труды заменить не могут. Молитвословия назначены для того, чтобы питать сие чувство, и коль скоро не питают, то они попусту. Только труд, а проку нет. Это внешняя одежда, для которой или под которой нет тела, или тело, в котором нет души.

Боже мой! Какие строгости прописаны!.. А иначе нельзя сказать, как так.

255. Свойственно умной молитве открывать страсти, скрывающиеся и тайно живущие в сердце человеческом! Она и открывает их и укрощает.

Свойственно умной молитве открывать тот плен, в котором мы находимся у падших духов. Она открывает этот плен и освобождает от него.

Следовательно, не должно смущаться и недоумевать, когда восстают страсти из падшего естества, или когда они возбуждаются духами.

А как страсти укрощаются молитвою, то и должно, когда они восстанут, творить умом неспешно и очень тихо молитву Иисусову, которая мало-помалу уймет восставшие страсти. Иногда восстание страстей и нашествие вражеских помыслов бывает так сильно, что возводит в великий душевный подвиг.

Это – время невидимого мученичества. Надо исповедать Господа пред лицом страстей и бесов молитвою продолжительною, которая непременно доставит победу.

256. Продолжайте упражняться в исполнении того правильца, и мысли все более и более станут успокаиваться и немощь, замеченная вами, врачеваться. Правильце то, если вы станете продолжать его как следует, заведет болячку в сердце, а болячка эта мысли прикует к Единому, – и блужданию мыслей конец. С этого момента, когда Господь сподобит вас улучшить его, начнется новый перестрой всего внутреннего, – и хождение пред Богом станет неотступное.

257. Закон постничества такой: в Боге умом и сердцем пребывать с отрешением от всего, всякое себе угодие отсекая, не в телесном только, но и в духовном, творя все во славу Божию и благо ближних, неся охотно и с любовью труды и лишения постнические, в пище, сне, отдыхах, в утешениях взаимоотноении, – все в мере скромной, чтоб это в глаза не бросалось и не лишало сил исполнять молитвенные правила.

258. «Говорить ли, спрашиваете, с другими о духовной жизни?» – Говорите; только о своей не сказывайте, а вообще рассуждайте, применяясь однако ж к состоянию спрашивающих. Бывает, что иные заводят о сем речь, чтоб только поговорить. И это лучше, чем говорить о чем-либо житейском или пустом. Молчание, как вам желательно, можно держать, когда вы не вдвоем с кем, или не с вами ведется речь. Что, идя к кому-либо по нужде, молитесь Господа положить хранение устам, добре делаете. Лучше всего всегда с Господом быть. – Но можно и говорить и с Господом быть. Навыкайте сему.

Когда ведете речь, больше всего опасайтесь растревожить покой другого каким-либо задором или высказыванием своих мыслей наперекор ему, с явным желанием поставить на своем. Враг на это наводит, чтоб завязать спор, а от спор довести до разлада. Не меньше этого опасайтесь говорить о духовном, чтоб выказать свою в этом отношении мудрость. И это вражье внушение, за последование которому непременно подвергнетесь посмеиху от людей и Божию неблаговолению.

259. Должно твердо содержать в мысли, что упражнения, подвиги, поведение, при всей своей существенной необходимости и полной годности для хранения и образования духовной жизни и восстановления естества, силу к тому имеют не сами от себя, – не они созидают дух и очищают природу, а благодать Божия, проходящая чрез них и получающая как бы доступ, проток к нашим силам. Потому ходи в них со всем тщанием, ревностью, постоянством; но самое свое преспеяние предавай Господу, чтобы, под прикрытием их, Он Сам созидал нас, как хочет и ведает.

260. Вступая в подвиг, не на нем останавливай внимание и сердце, но минуй его, как нечто стороннее, – разверзай себя для благодати, как готовый сосуд, полным себя Богу преданием. Кто находит благодать, тот находит ее посредством веры и рачительности, говорит св. Григорий Синаит, а не посредством одной рачительности. Как ни исправно будет наше делание, но коль скоро не предаемся при нем Богу, не привлекаем благодати, оно созидает не дух в нас истинный, а дух лестчий, производит фарисея. Благодать – душа их. Они потолику истинны, поколику питают и хранят самоуничужение, сокрушение, страх Божий, нужду в помощи Божией и преданность Богу. Сытость и довольство от них – знак неистинного их употребления, или неразумия.

261. Возможность, основание, условие всех внутренних побед, есть первая победа над собою – в переломе воли и в предании себя Богу, с неприязненным отвержением всего греховного. Тут зародилась нелюбовь к страстности, ненависть, неприязнь, которая и есть военная духовная сила и одна заменяет всю рать. Где нет ее, там без брани победа уже в руках врага; напротив того, где есть, там победа уступается нам нередко без брани. Отсюда видно, что как исходная точка положительной деятельности есть наше внутреннейшее, так оно же есть исходная точка и брани, только другою стороною. Сознание и произволение, переходя на сторону добра, с возлюблением его, поражает ненавистью всякое зло и всю страстность, и притом именно свою. В этом собственно и состоит переход, перелом. Потому сила, борющаяся со

страстями, есть также ум или дух, в коем сознание и свобода, – дух, держимый и укрепляемый благодатию. Чрез него, как мы видели, целительная сила проходит к силам сквозь подвиги; чрез него же сила, поражающая, разрушительная, проходит к страстям в борении. И обратно: когда страсти восстают, то метят прямо на ум, или дух, то есть на покорение сознания и свободы. Они во святилище нашего внутреннего, куда враг чрез страсти пускает свои разженные стрелы из душевно-телесности, как из засад. И пока целы сознание и свобода, т.е. стоят на стороне добра, то как бы ни было велико нападение, победа наша.

Этим однако же не утверждается, будто вся сила победы от нас, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть наш восстановленный дух; сила же победительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она в нас одно созидает, а другое разоряет, – но опять чрез дух, или сознание и произволение. Борющийся с воплем повергает себя Богу, жалуясь на врагов и ненавидя их, и Бог в нем и чрез него прогоняет их и поражает.

262. Что делает подвергшийся нападению злого человека? Подавши его в грудь, кричит: караул! На зов его прибегает стража и избавляет его от беды. Тоже надо делать и в мысленной брани со страстями, – рассерчавши на страстное, надо взывать о помощи: «Господи, помоги! Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси меня! Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи ми потщися!» Обратясь так к Господу, уж не отходите от Него вниманием к тому, что в вас происходит, а все и стойте пред Господом, умоляя Его о помощи. От этого враг, как огнем палимый, убежит немедля...

Не вступая в словесную прю со страстным помыслом, прямо обратимся ко Господу со страхом, благоговеиством, упованием и преданностью Его вседействию, то этим самым страстное уже отстраняется от очей ума, взирающего на Господа. Будучи отрезано от души таким невниманием, оно само собою отходит, если естественно так возбуждается; а если тут и враг примешивается, то его поражает луч света умного, от созерцания Господа исходящий. И бывает так, что душа тотчас

успокаивается от страстных приражений, как только обратится ко Господу и воззовет к Нему.

263. Мысленная брань одна изгоняет страсть из сознания; но она все еще остается живою, а только скрылась. Напротив, противоположное дело поражает сего змия во главу. Из сего не следует однако же, чтобы при делании можно было прекращать борение мысленное. Этому должно быть неотлучно при том, иначе оно может остаться без всякого плода и даже расплоскаться, а не умалять страстность, потому что, при деле против одной страсти, может прилипать другая, например, при посте – тщеславие. Если это оставить без внимания, то, при всем усилии, не будет никакого плода от делания. Брань мысленная в связи с деятельною, поражая страсть извне и изнутри, истребляет ее также скоро, как скоро погибает враг, когда бывает обойден и побивается и сзади и спереди.

264. Действовать должно исподволь, постепенно возрастая и усиливаясь, чтобы было в подъем и могоу. Иначе наше деяние будет походить на новую заплату на старом платье. Требование подвига должно изыти изнутри, как больному иногда решительно-целительное врачевство указывает позыв и чутье.

265. Прописанная борьба со страстями есть мысленная. И она действительна, потому что, не дозволяя страстям попитаться чем-либо, тем самым замаривает их. Но есть и деятельная с ними борьба, состоящая в том, чтобы намеренно предпринимать и совершать дела, прямо им противоположные. Например, – чтобы подавить скупость, надо начать щедродательность; против гордости – надо избрать уничижительные занятия; против страсти веселиться – домоседство и пр. То правда, что один такой образ действия не прямо приводит к цели, потому что, терпя стеснение совне, страсть может проторгаться внутрь, – или сама, или уступая место другой. Но когда с этою деятельною борьбою соединяется и внутренняя – мысленная, то они вдвоем скоро побивают всякую страсть, против которой направляются.

Как себя познать?

266. Панегирик какой вы себе сплели: дурная, лукавая, непостоянная, неблагодарная, гордая, сердитая, не умеющая Богу помолиться... очень хорош. Надо прибавить: никуда негожесть и ничего нестоимость. Почаще повторяйте его, – и так, чтобы душа говорила, а не ум собирал по памяти. Ведь есть или бывает у нас очень глубоко лежащий самоцен.

Тогда слова означенные, или подобные им, язык или память читает... а на душе держит: «несмь якоже прочие». И то дивно, что этого лукавства нашей душе почти нельзя заметить. Так оно таится, пока уже Господь как-нибудь вызовет его наружу и покажет во всем безобразии. Самим нам нужно угадывать присутствие его разве из того, когда укорные речи других, в глаза или за глаза, отзываются неприятностью и досадою на говорящих. Извольте навесь справки о себе, какова бывает душа в таких случаях. При этом большая помеха от самооправдания.

267. Извольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до минуты закрытия глаз ко сну, все время должно так вести дела, чтоб весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения, и все Господа ради, пред лицом Его во славу Его. Акты самоотвержения не огромное что суть, а идут среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть под всяким словом, взглядом, движением и под всякою мелочью. Отличительная их черта есть – не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе.

268. Посмотрите, нет ли у вас самочувствия, то есть чувства своего значения, или отрицательно, отсутствие чувства, что вы ничто. Это самое сокровенное чувство, но оно всем ворочает в жизни. От него первое требование, чтобы все было по-нашему, и коль скоро этого не бывает, то на Бога ропщем, а на людей серчаем.

269. Самоцен когда есть, то не отношение только к людям возмущает, но помучает и отношения к Богу, – и лукав он, как

бесы, и ловко прикрывается смиренными словами, заседа в сердце... Жалуетесь за сим на самомнение и самовозношение... Это первородные деточки самоцена.

270. С теми, кто вступил в служение Богу, начинаются искушения особенные. «Отдай долг страстям», – сказал Святой Исаак Сирский, – «борьбою с ними». На поприще борьбы бывают победы и побеждения. Побеждения должно врачевать покаянием. Оно врачует их со всею удовлетворительностью.

271. Настоящее самопознание есть ясновидение своих недостатков и немощей в такой мере, что ими переполнено все. И поставьте такую заметку, что чем более вы видите себя неисправною и достойною всякого укора, тем более вы подвигаетесь вперед.

272. Надо знать, что восход к совершенству невидим для ревнующего: трудится в поте лица, но будто без плода, – благодать строит дело свое под прикрытием. Видение человеческое, глаз, съедает доброе. Человеку самому остается на долю одно – видение своего непотребства. Путь к совершенству есть путь к сознанию, что я и слеп, и нищ, и наг, в непрерывной связи с которым стоит сокрушение духа, или болезнь и печаль о нечистоте своей, изливаемая пред Богом, или что тоже – непрестанное покаяние. Покаянные чувства суть отличительные признаки истинного подвижничества. Кто уклоняется от них и избегает, тот уклонился от пути. В положении начала новой жизни было покаяние; оно же и в возрастании должно быть и зреть вместе с ним. Зреющий сознает в познании своей порчи и греховности и углубляется в сокрушенные чувства покаяния. Слезы – мера преспеяния, а непрестанные слезы – признак скорого очищения.

273. Положите законом – 1) всякую минуту ждать неприятность, и когда придет, встречать ее какжданную гостью. 2) Когда деется что воли противное, готовое огорчить и раздражить, скорее бегите вниманием к сердцу и сколько можете напрягайтесь не допускать возродиться тем чувствам, напрягайтесь и молитесь. Если не допустите породиться тем чувствам, всему конец: ибо все от чувств; если же породится хоть маленькое, положите, если можно, ничего не говорить и не

делать, пока не выгнали те чувства, если же нельзя не говорить и не делать, старайтесь говорить и делать не по тем чувствам, а по заповеди, как Бог велит, кротко и тихо – будто ничего не было. 3) Всякое ожидание прекращения такого порядка выбросьте из головы, а определите себя на неприятности до конца жизни. Не забудьте! Это очень важно. Если не будет этого, терпение установиться не может. 4) Ко всем молоткам сим приложите: держать любовный взор, любовный тон речи, любовное обращение и главное всевозможно избегайте чем-либо напомнить им о их несправедливостях. Действуйте так, как бы ничего от них не было... Навыкайте память Божию хранить неотходно.

274. И забыл напомнить, что впечатления, не согласные с принятым вами строем, следует тотчас изглаждать – тут же, как получены, не отлагая ни до вечера, ни тем паче на дальнейший срок. Дело это просто: сойти в сердце, где впечатление осталось, оттолкнуть его неблаговолением к нему, – и в то же время молиться против него Господу. – И быть так, пока пройдет.

275. Законом положите: – ни помыслу, ни чувству, ни пожеланию страстному произвольно не поблажать, а гнать их полною ненавистью тотчас, как только заметите. И будете вы всегда невиновны и пред Богом, и пред своею совестью. Будет в вас нечистота страстей, но и невинность

276. Наряду с другими способами, как сильнейшее средство очищения, должны быть ощущаемы постоянные скорбности и неприятности, Богом устрояемые, и дух сокрушения, Им же подаваемый. По силе оно равняется руководителю и, при недостатке его, может довольно его заменять, да и заменяет у человека верующего и смиренного. Ибо в таком случае Сам Бог есть руководитель, а Он, без сомнения, премудрее человека. У св. Исаака Сирианина подробно изображается, с какою постепенностью Господь вводит очищаемого все более и более в скорби очистительные и как разогревает в нем дух сокрушения. С нашей стороны требуется только вера в благое промысление и готовое, радостное, благодарное приятие от Него всего посылаемого. Недостаток сего отнимает очистительную силу у

скорбных случаев, не пропускает ее до сердца и глубин наших... Без внешних скорбей трудно устоять человеку против гордости и самомнения, а без слез сокрушения, как избавиться от внутреннего эгоизма фарисейской самоправедности? – Тот, кто не имеет первых, почитается у Апостола прелюбодейчищем.

277. Пусть все осуждают, но если Бог оправдывает в совести, все суды эти ничто. Сказывал мне один из наблюдательных, что речи человеческие, коль скоро не цепляются за что-либо действительно дурное, постоят – постоят над человеком, как облако безводное, и отходят. И след их простынет, и никто уже не помянет о них. Тоже, думаю, будет и в отношении к вам.

Внешнее и внутреннее делание

278. «Если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем».

279. Брат спросил авву Агафона: скажи мне, авва, что больше: телесный труд или хранение сердца? Авва ответил ему: человек подобен дереву: телесный труд – листья, а хранение сердца – плод. Поелику же по Писанию *«всякое древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огонь вметаемо (Мф.3:10)*, то очевидно, что мы должны все попечение иметь о плоде, т.е. о хранении ума. Впрочем, для нас потребно и лиственное прикрытие и благоукрашение, т.е. телесный труд».

280. В монастыре идут два порядка жизни: один внутренний, а другой внешний. Послушания, какие налагаются в монастыре, все касаются сей внешней жизни. Незнающий, что эти послушания необходимы только потому, что мы приносим в монастырь с собою и тело, и что дело спасения души должно идти среди сих послушаний своим чередом, с первых шагов может отворотиться от монастыря, почитая их несоответствующими своим целям и своему настроению, или, оставаясь в монастыре, все дело монашества ограничивать только сими послушаниями... и потрудится напрасно, ни шагу не сделав в очищении и усовершенствовании своей души...

Обрекайте себя на жизнь, где руки и ноги будут одно делать, а душа должна быть занимаема другим, если хочет спастись.

281. Возьмите еще во внимание и то, что здоровье не от одной пищи зависит, а наиболее от душевного спокойствия. Жизнь в Боге, отрешая от волн мирянских, миром осеняет сердце, а чрез то и в теле держит все в здоровом строе...

Дела не главное в жизни; главное – настроение сердца, к Богу обращенное.

282. Есть два пути к тому, чтоб стать едино с Господом: деятельный и созерцательный. Первый для христиан житейских, второй для оставивших все житейское. В действии ни первый не

бывает без второго, ни второй без первого. И житейские, то есть, должны в своей мере держать и созерцательный путь... Я писал вам: навикайте памятовать всегда о Господе и ходить пред лицом Его. Это созерцательная часть и есть...

Спрашивается, как же Господа при делах иметь во внимании? Так: какое бы дело, большое или малое, вы ни делали, держите в уме, что его вам повелевает делать Сам Господь Вездесущий и смотрит, как вы его делаете. Так себя держа, вы дело всякое будете делать со вниманием и Господа будете помнить. В этом весь секрет успешного для главной цели действия в вашем положении. Извольте в это вникнуть и так наладиться. Когда так наладитесь, тогда и мысли перестанут блуждать туда и сюда...

У вас теперь отчего все не ладится? Думаю оттого, что вы хотите помнить Господа, забывая о делах житейских. Но дела житейские лезут в сознание, и память о Господе вытесняют. А вам следует наоборот: о житейских делах хлопотать, но как о Господнем поручении и как пред Господом. Там у вас ни того, ни другого не выходит, а здесь то и другое будет исправно.

283. Вам говорят: «более заслуги подвизаться в молве житейской, чем спастись в уединении». И вы не отрицайте этого. Те, которые истинно подвизаются, не имеют в виду заслуги, а о том лишь заботятся, чтоб очистить себя от страстей и страстных чувств и помыслов.

Для этой цели жизнь в общении с другими пригожей, потому что она представляет действительные опыты борения со страстями и преодоления их. Эти победы бьют страсти в грудь и в голову, а повторение их скоро убивает страсти наповал. В уединении же борьба бывает только мысленная, которая также бывает слабодейственна, как удар крыла мухи. Оттого умерщвление страстей в уединении дольше тянется. И мало того, оно бывает всегда почти не умерщвлением собственно, а замиранием, замиранием на время, до случая встречи с предметами страсти ...Причем бывает, что страсть вдруг воспламеняется, как молния. И бывает, что иной, долгое время имевший в уединении покой от страстей, вдруг падает. А того, кто дошел до покоя от страстей чрез борьбу не мысленную, а

действительную, нечаянное нападение их не поколеблет. – Вот на каком основании мужи опытные в духовной жизни заповедуют преодолеть страсти действительным с ними борением в общении с другими, а после этого уже уединяться.

284. Руки и ноги за делом, а мысль с Богом – се настоящий стоячий человек.

Внутреннее надо налаживать с утра – как глаза откроются. Хранить его весь день, вечером подогреть, и так заснуть.

Сократить внешние отношения и все наладить на один чин – есть спасительная рамка жизни.

Когда придет внутренняя молитва, тогда она может заменять отчасти пребывание во храме, но внутренней молитвы ничто так не разогревает, как храм.

285. Житейские помыслы трудитесь улаживать. Ищите такого настроения, чтоб телом делать обычные дела, а духом всегда быть с Господом. Милостивый Господь дает беспопечение, по которому все делается в свое время, но ничто не озабочивает и не томит. Ищите, просите, – и дастся.

286. Всякого рода подвиги надо так нести, чтоб про них в монастыре никто не знал. Коль скоро узнают о чем, уж это дурно. Не подумайте, что спрятанность, – чтоб не видали и не знали, – не строго необходима. Нет: строго, настрого. Подвиг, о коем звонят, есть пустой, – гроша не стоит.

287. Внешние труды и подвиги суть средства, они ценны только тогда, как приводят к цели и ею требуются. И мысли на них не останавливайте, как бы они что значили. Главное – в чувствах и расположениях. На них и обратите все внимание, если уже установились во внешнем порядке жизни. Смирение паче всего блюдите и молитесь о нем, да подано будет, и сами себя почаще теребите, наклоня на самоуничтожение. Как только проснетесь, поскорее позаботьтесь восчувствовать себя негожею, а там и весь день такую же быть старайтесь. На молитву становясь и к Господу приступая, паче унижайтесь. Кто и к Кому дерзает обращаться и беседовать человеческою речью?! – Радуйтесь, когда встретится унижение внешнее, невольное. Принимайте его, как особую милость Божию. Мерово себе поставьте, что, когда вы стоите в полном недовольстве

собою, то вы в добром чине; коль же скоро хоть малое чувство самодовольства придет, и начнете вы цену себе давать, знайте, что вы не в своем виде, и начинайте тогда теребить себя. Господа ради не забывайте сего пунктика. Все другое ничто, когда сего нет. Были люди, которые одним смирением без подвигов спаслись; а без смирения никто не спасался и не спасется.

288. Внимание свое меньше всего останавливайте на внешних подвигах. Хоть они необходимы, но они суть подмости. Здание строится посреди их, но они не здание. Здание в сердце. На сердечные делания и обратите все внимание свое.

Первый искусительный помысл, который начнет бить вас, будет самодовольство; за ним придет внутреннее самовозношение, или трубление пред собою; а далее – кичение пред другими. Уразумевайте пути сии. Читайте Макария Великого, и особенно Лествицу, где много сказано о различении помыслов. Одно и тоже дело бывает и приятно и неприятно Богу, судя по помыслам. Учитесь.

289. Неохотное послушание вы назвали машинальным послушанием. На деле так бывает, что то только послушание и действует плодотворно на образование нрава, которое совершается наперекор своей воле и своим соображениям.

Если что делается по влечению сердца, какое тут послушание? Тут своя воля и свой вкус. Только вопрос немного скрашивает такие дела. Настоящее послушание слушается, не видя оснований и не смотря на свое нехотение. Такому послушанию обетована особая благодать – благодать сохранения от всякого вреда, при исполнении послушания. Когда послушание оказывается ради Господа, тогда Господь берет на Свое попечение слушающегося, и блюдет его.

290. Что ни прикажут, то и делайте без поперечия внутри, со всею охотою, как повеление Божие. Положите себе поглубже в сердце сие подчеркнутое слово и действуйте так, как оно внушает. Всякое приказание принимайте, как непосредственно от Самого Бога идущее слово, и исполняйте его как дело Божие, как пред Богом, со всем усердием и вниманием, не яко

человеком работая, но Богу, всевидящему, страшась суда, изреченного на творящих дело Божие с небрежением (Иер.48:10). Затвердите пожалуйста это подтверже.

Вникните теперь в изменение Божия о вас смотра, и не допустите поступить не по намерению Божию. Что было прежде? – В церкви стояли особо, уютно, только молились и согревались в молитве; в келлии тоже – главное была молитва и молитва. Теперь в церкви – дело и дома – дело. Думаете это даром? Нет. Второй шаг предлагает вам сделать Господь. Прежде были в теплой молитве, – без дел послушания; теперь учитесь пребывать в такой же молитве – при делах. Сего желает от вас Господь. Ухитряйтесь. И прежде был труд, а теперь побольше. Надо и дело делать, и умом от Бога не отступать, т.е. быть так, как бы стояли на молитве. Это закон: руками дело делать, а умом и сердцем с Богом быть. Пишите, а умом от Бога не отступайте, и теплоте не позволяйте умяляться и трезвенности ослабевать. Тоже – и когда прислуживаете в церкви. Как в этом успеть, дело научит. И вот приобретете опытность новую, – и еще более окрепнете во внутри пребывании.

291. Вам казалось, что когда не было у вас письменного послушания, было лучше. Тут обман. Беспрекословное послушание в противность вкусам нашим дороже всех подвигов, и разорительно оно может быть только при неискусном выполнении его, как было у вас, и то большею частью только на вид. На деле же и труд самоотвержения Господь всегда вознаграждает. Вы легко смотрите на ваше упирание ногами по делу послушания. Вчера давали обет, что во всем будете слушать игумению, а ныне отказываетесь несть послушание легкое, вам сподручное. Так-то разве обет-то исполняют? Слово о послушании есть вам завет с обителью и основа рясофория вашего. Разорен теперь этот завет, и вы сами себя извергли из чина, в который одною ногою вступили было. Каяться надо и плакать о сем. Ведь чрез это внутренний строй ваш должен разориться, и, может быть, разорился уже, хоть по наружности он будто создается. Надо штраф на вас положить.

Извольте класть по три поклона земных, со слезами прося Господа, – простить ослушницу и обманщицу, которая на словах одно обещает, на деле другое делает. На духу кайтесь: это грех не мысленный, а фактический. И Бога молитесь, чтоб Он вложил, кому следует, опять дать это вам послушание, и когда будет дано или оставлено за вами, тогда и поклоны прекратите. Но матушке об этом не рассказывайте.

292. Вы пишете: «работаю, как новоначальный с послушниками». – Я не понимаю, в чем эта работа? – Хорошим же или неодобрительным делом она может быть только от духа, с каким делается. На это и смотрите и соответственно с тем себя держите.

Когда видите, что вас чернят, принимайте то, как целительные грязи. Вы добре делаете, что не теряете братского расположения к тем, которые прилагают к вам это врачевство.

293. Леность ваша к духовным занятиям происходит от увлечения, с каким взялись за работу. Не увлекайтесь слишком работою, а то в голове станет мутно. После же мутности в голове, и в сердце станет мутно.

294. Труд телесный смиряет, промежутки наполняет, а мыслям бродить не дает. Заменить его поклонами хорошо, – это лучший труд. Но всегда ли это можно? Египетские старцы с утра до вечера за работою сживали, в молитве умной и богомыслии. Правило молитвенное справляли ночью. А св. Исаак Сирианин не благоволил к труду: отклоняет, говорит, от Бога. Это правда, когда мудреный труд, а простенький – ничего.

295. Всякий род и порядок занятий хорош, коль скоро способствует вниманию к Богу. Нечего и расписывать занятия. Коль скоро одно занятие не питает молитвы, оставить его надо и взять другое. Например, развернули книгу и стали читать, – не идет. Оставьте ее, берите другую. Если та не идет, берите третью. Если и эта не идет, бросьте чтение и кладите поклоны или размышляйте. Надо иметь не развлекающее внимания рукоделие... Когда внимание к Богу живо и внутренне молитва идет, тогда лучше ничего не начинать делать (дома-то), а сидеть или ходить, или лучше стоять пред иконами и молиться; когда начнет слабеть, подогреть его чтением или размышлением.

Правила нужны для поступающих в монастырь, чтоб они навыкли деланиям или занятиям монастырским. Потом же, когда они дойдут до внутренних неких ощущений и особенно до сердечной теплоты, правила и им не строго нужны. Вообще к правилам не следует пристращаться, а быть свободну в отношении к ним, одно имея в намерении: как бы внимание к Богу благоговейное не отходило.

Тело надо держать постоянно в струнку, как солдат на параде, ни как не позволяя себе распускать членов, не только при хождении и сидении, но и при стоянии и лежании.

Дела все – большие и малые – делать так, как бы око Божие смотрело, как что делается. Всякого приходящего или всякого встречаемого надо принимать, как посланца Божия. Первый вопрос да будет у себя внутри: что хочет Господь, чтобы я сделал с сим или для сего лица. Всех принимать, как образ Божий, с почтением, и желать сделать добро ему...

Безжалостность к себе, готовность на всякую услугу другим и предание себя всецело Господу, с молитвенным в Нем пребыванием, – се производители жизни духовной.

296. Коснулись вы работ. Как у вас работы не по послушанию, а по своей воле, то вам можно распоряжаться ими так, чтоб они нисколько не отвлекали вас от внутренних деланий. Следуйте в сем св. Исааку Сириану. Он не благоволит к работе и позволяет ее только в случае нужды, изредка. Ибо она отвлекает на себя ум. Надо особый навык приобрести, чтоб не отвлекала. Не работать нельзя. Есть естественная в ней потребность; однако ж и увлекаться ею не должно. Египетские монахи целый день работывали, но умом не отходили от Бога.

297. По крайней мере ту молитву, что в сердце, вы не прекращали? Нет, чай и тут допущена у вас утрата: ибо когда бы вы умом Богу предстояли и в сердце смиренно Богу припадали, то не почувствовали бы прекращения молитвенного дела. Заключаю, что вы рассеялись. Увлечлись делом, и оно выбило у вас из головы все прочее, даже самонужнейшее. Стало, дурно вы справили свое послушание. Следовало исполнять его не осуечаясь внутренно и, усердно работая, сердце держать

поодаль – свободным, и внимания не отрывать от главного своего дела.

298. Учитесь все, что ни делаете, делать так, чтоб это разогревало, а не охлаждало сердца: и читать, и молитву деять, и работать, и с другими входить в общение надо, все одну цель держа – не доводить себя до охлаждения. Топите без перерыва свою внутреннюю печку краткою молитовкою, – и берегите чувства, чтоб чрез них не уходила теплота. Впечатления отвне очень трудно уживаются с внутренним деланием.

299. Пристращаться к чтению дурно. Это не ведет к добру, и восстанавливает некую стену между сердцем и Богом. Развивается при сем любопытство и совопросничество пагубное.

300. Вот все способы, коими в нас истребляются страсти – то собственным нашим умноделательным трудом, то руководителями, то Самим Господом. Уже было замечено, что без мысленного внутреннего борения, борение внешнее не может быть успешным; то же самое должно сказать и о борении под руководством, а также и о промыслительном очищении. Следовательно, внутреннее борение должно быть непрекращаемо и неизменяемо. Само одно оно не так сильно, но когда нет его, все другие – бездейственны, не в пользу. И делатели, и страдатели, слезники и послушники гибли и гибнут от недостатка внутреннего борения или хранения ума. Если припомнить при этом и то, что сказано прежде о внутреннем положительном делании, именно, что в нем – цель и сила внешнего положительного делания, то во всей силе откроется все значение делания внутреннего, и всякому будет видно, что оно – исходище, основа и цель всего подвижничества. Все делание наше может быть сокращено в следующую формулу: собравшись внутрь себя, восставь духовное сознание и жизнедеятельность, и в этом настроении ходи по начертанному внешнему деланию под руководителем или Промыслом; но при этом с строгим и напряженным вниманием замечай и следи все возникающее внутри. Коль скоро родится страстное восстание, – гони его и поражай, и мысленно и деятельно, не забывая

возгревать в себе дух сокрушенный и болезнующий о грехах своих.

Сюда должно быть сведено все внимание подвижника, чтобы, подвизаясь, он не рассеивался и был как бы связан или препоясан по чреслам помышлений своих. Хождение с таким внутри-пребыванием и хранением есть хождение трезвенное, а наука о сем есть наука трезвения. Теперь понятно, почему все подвижники главнейшею из добродетелей подвижнических считали добродетель трезвения, и неимеющего ее почитали бесплодным.

301. Одною деятельною жизнью ограничиваться нельзя, надо при сем вести и умозрительные занятия, чтоб ими держать неослабно в своем чине и внутреннем строю. Надо непременно соединять с деянием умозрение и с умозрением деяние. То и другое в связи быстро подвигает душу вперед, очищая ее от худого и укрепляя в добром. Посмотрите в Достопамятных сказаниях – Авву Иоанна Колова и Авву Пимена. Да об этом и во всех подвижнических писаниях найдете.

302. Итак, учи себя всякий, и внушай себе истины слова Христова, и оно вселится в тебя. Для сего читай, размышляй, заучивай, сочувствуй, возлюбляй и далее проводи в жизнь. Это последнее есть предел обучения себя. Пока этого нет, нельзя сказать о ком-либо, что он научил себя, хоть и знает слово Христово на память и хорошо рассуждает. В таком недостатке Св. Павел укорял иудеев в послании к Римлянам: *«научая иного, себе ли не учиши?»* (Рим.2:21). Кто таков, в того не вселилось слово Христово и не живет в нем...

Очевидно, что всякого рода взаимнообучение плод приносит только тогда, когда при этом всякий и сам себя учит и вразумляет, т.е., выслушав сказанное или прочитанное, уговаривает себя не думать только так именно, но и чувствовать и поступать...

Ибо только тогда и вселяется в кого слово Христово, когда он успеет уговорить себя и веровать и жить по нему...

Не мудро делает сие тот, кто усердно читает слово Божие, но не обсуждает его, не доводит до чувства и не проводит его в жизнь. Оно и течет у него, как вода по желобу и протекает чрез

него, не осаждаясь в нем и не вселяясь в него. Можно все Евангелие и весь Апостол знать на память, и все же не иметь слова Христова вселенным в себе, по причине неразумного изучения его. Неразумно делает сие и тот, кто только ум обогащает словом Христовым, а о сообразовании с ним сердца и жизни нерадит. Оно у него и остается, как песок, насыпанным в голове и памяти, и лежит там мертвым, а не живет. Живет оно только тогда, когда проходит в чувства и жизнь; а тут этого нет. И нельзя потому сказать, что оно обитает в таковом.

303. *«И все еже аще что творите словом или делом, вся во имя Господа Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца тем»* (Кол.3:17).

Третий прием, какой следует употреблять, чтоб являть живот свой сокровенным в Боге, — есть все творить во имя Господа. Из первых двух — чтение писания и усвоение откровенных истин — изгоняет суетные и нечистые мысли и исполняет ум благопомышлениями все о божественном, а молитва водворяет навык всегда памятовать о Боге или ходить в присутствии Божиим. То и другое держит внимание и чувство сокровенным в Боге. Кажется бы и довольно? Кажется, но не есть. Если оставить в действии только два эти приема, то они не приведут к цели предуказанной. Человек — не мысль только и чувство, но паче дело. Он есть — приснодвижное, непрестанно действующее существо. Но всякое дело привлекает внимание и чувство. Действующий весь в деле бывает. Почему и ищущий Бога, по причине дел, без коих быть не может, неизбежно уклоняется от Бога мыслью, а за мыслью и чувством. Дела сводят его с неба на землю, или изводят из сокровенности в Боге в видимые соотношения: ибо дела наши все почти видимы, текут в ряду тварном, среди вещей чувственных. Отсюда следует, что если и дела человека не направить так, чтоб и они служили средством к удержанию жизни сокровенною в Боге, то и первые два приема будут оставаться бесплодными или даже и сами по себе не могут быть совершаемы, как должно. Дела непрестанно будут расстраивать — и дело изучения писаний и дело молитвы. Вот Апостол и учит в предложенных словах, как и дела обратить в средство к сокровению живота в Боге, именно

– все твори во имя Господа. Если так настроишься, то и от Господа не отойдешь ни мыслью, ни чувством. Ибо все творить во имя Господа значит – творить все во славу Его, в желании благоугодить Ему, верно исполнивши познанную волю Его даже в малом чем. А при этом члены тела, как орудия, будут дело делать, а мысль и чувство будет обращено ко Господу с озабочением, как бы делаемое сделать благоугодно Господу и так, чтоб оно послужило во славу Его.

И этот прием сильнее для предполагаемой цели, нежели два первые, и успех в этих зависит от успеха в том. Ибо они суть мысленного свойства. Мысленное же входит в сок и кровь чрез дело. Дело осаждает мыслимое внутрь естества человеческого. Когда делаемое дело освящается направлением его к Богу, то в делании его божественный некий элемент входит во все силы и органы, участвующие в совершении его. Чем более таких дел, тем более божественных элементов входит в естество человека. А потом они и все его наполняют; и становится таким образом все естество погруженным в божественное, или сокровенным в Боге. По мере установления такого рода направления дел устанавливаются прочнее и молитва с богомыслием и благопомышлениями. Они влияют на установление дел во славу Божию, а это направление, в воздаяние им, их самих упрочивает и успособляет.

Все делаемое нами Апостол обнял двумя терминами: словом и делом. Слова произносятся устами, дела творятся прочими членами. С пробуждения до заснутия то и другое в непрестанном употреблении. Речь у нас течет без умолку почти, и другие движения тела тоже не прекращаются. Какая богатая Богу жертва, если все это направить во славу Божию?! Обращением слова во славу Божию изгоняется не худоречие только, но и пусторечие, и оставляется одно – что служит к назиданию братий, или, – крайний предел, – не служит на разорение их. К сему присовокупить следует и молитвословие. Равно обращением дел во славу Божию не худые только дела, по похоти и раздражению делаемые, устраняются; об этих и помина не должно быть между христианами; но указывается дух, в каком должны быть делаемые дела должны,

позволительные и полезные. Этим изгоняется из круга деятельности всякое самоугодие и служение миру и злым обычаям его.

Творить все во имя Господа значит – все обращать во славу Его, стараться все делать так, чтоб оно угодно было Ему, с сознанием воли Его на то, и еще – всякое дело окружать молитвою к Нему, с молитвою начинать, молитвенно совершать и молитвою оканчивать, в начале прося благословения, в продолжении ища помощи, а в конце вознося благодарение, яко Совершителю в нас и чрез нас дела Своего.

304. Жизнь христианина на земле есть цепь страданий. Должно бороться с телом своим, со страстями, с духами злобы. В этой борьбе – наша надежда. Наше спасение есть Бог наш. Возложившись на Бога, должно переносить с терпением время борьбы. Искушения как бы топчут человека, претворяя зерно в муку. Они попускаются нам по Промыслу Божию, к великой душевной пользе нашей: от них получаем сердце сокрушенно и смиренно, которое Бог не уничижит.

Уединение

305. Уж когда в монастырь, то на одиночество. Плохо жить в монастыре тому, кто в общении со многими хочет жить там, как бы в обществе. И там одного только знать надобно, – Настоятеля или духовного отца и старца; а относительно прочих должно быть так расположенным, как будто их нет. Тогда все пойдет хорошо, а без сего сумятица такая, что хуже петербургских балов.

306. Вы конечно знаете, что вся суть дела во внутреннем изменении и что соответственно сим изменениям и по импульсу с их стороны должно изменять и внешнее... Скажу вам одно: начните теперь, в настоящем положении, уединяться дома, и часы уединения преимущественно посвящайте молитве все об одном: «скажи мне, Господи, путь в оньже пойду»... Не словом только и не мыслью только, но с сердечным болезнованием взывайте таким образом. На уединение такое назначьте или часы какие каждого дня, что лучше, – или какие-либо дни недели. И уж держите уединение, как следует, – ища паче вразумления и Божия указания... Присоедините к сему и пост... чувствительный для плоти. Это будет хорошим подспорьем для молитвы. И в то время делайте опыты внутреннего отрешения то от одного, то от другого, – чтоб ко всему стать равнодушною, и удалиться так, чтоб ничто не тянуло назад. Цель: довести себя до того, чтоб душа рвалась из настоящего вашего порядка жизни, как из оков и темницы...

307. Минутами уединения надо пользоваться, обращая их исключительно на дело Божие – молитву и богомыслие. Эти же занятия, коль скоро хоть немного исправно идут, не дадут скучать. Ибо от них исходит духовное утешение, которого не может дать ничто на земле.

308. Хотелось бы, говоришь, в затвор. Раненько, да и нужды нет. Один же живешь. Когда-когда кто зайдет. А что в церкви бываешь, это не разбивает твоего одиночества, а утверждает, или дает тебе силу и дома проводить время молитвенно. По временам можно день-другой не выходить, все с Богом

стараясь быть. Но это у тебя и само собою бывает. Так нечего загадывать о затворе. Когда молитва твоя до того укрепитя, что все будет держать тебя в сердце пред Богом, тогда у тебя и без затвора будет затвор. Ибо затвор что есть? То, когда ум, заключившись в сердце, стоит пред Богом в благоговеинстве и выходить из сердца или чем-либо заняться другим не хочет. Этого затвора ищи, а о том не хлопочи. Можно и при затворенных дверях по миру шататься, или целый мир напустить в свою комнату.

309. Жалуетесь на недостаток внутреннего строя. Без него проку мало, чтобы ни делали... Но его стяжать и установиться в нем удобнее в пустыне. Страх Божий, сердце сокрушенно и смиренно – первые проявления его.

310. Как править своим внутренним, чтобы наслаждаться миром душевным?... Скажу: устройте себе внутреннее уединение. Уединение сие не пустое и ему невозможно состояться, если кто вздумал бы устроить в себе полную пустоту. Уединяясь в себя, надо стать пред Господом и стоять так, не отводя умных очей от Господа. Вот и пустынь – быть с глазу на глаз с Господом... Это труд такой, который сам себя облегчает и поддерживает. Быть с Господом есть цель нашего бытия... и когда мы с Господом, то не можем не ощущать благобытия, а это естественно держит внимание на себе и чрез себя на Господе, от Коего исходит.

311. Хорошо уединяться в стенах от развлечений, но в себе уединяться еще лучше. Первое без последнего ничто, а последнее и без первого все важно.

Когда ходят в храм Божий, хорошо делают; но кто навикнет дома молиться, как в храме, не ниже того.

Как человек человека видит лицом к лицу, так постарайтесь поставить душу пред Господом, чтоб были с глазу на глаз. Быть сему так естественно, что и поминать бы о том не следовало. Ибо душа по природе к Господу должна стремиться. А Господь всегда близ есть. И рекомендовать их друг другу нечего, ибо они старые знакомые.

312. Захотели в затвор. – Придет время, и в затвор можно. Надо прежде приготовитья. И вообще мне думается, что затвор

полный для вас неудобен; а так – по временам – уединяться хорошо. Больше этого вам желать нечего. Когда огонек загорится в сердце, и вы там станете жить вниманием, тогда это будет внутренний затвор. Он потребует внешнего затвора; но мне думается, что и тогда лучше уединяться только по временам.

313. Жаждете решительного уединения. Подождите. Уединение внешнее придет само, когда установится внутреннее. Бог устроит. Примите впрочем к сведению, что можно быть уединену среди шума мирского, и можно быть, как в суматохе мирской, в келлии уединенной. Вы будете обладать лучшим, чем уединение внешнее, если так уединитесь в себе, что никакая сумятица внешняя развлечь вас не сможет. О сем молитесь.

Господь отходит – душа пустеет

314. Пребывание души с Господом, в чем все существо внутреннего делания, не от нас зависит. Господь посещает душу, она и бывает с Ним, и играет пред Ним, и согревается Им. Как отойдет Господь, душа пустеет, и совсем не в ее власти воротить к себе Благого Посетителя душ. Но отходит Господь, пытая душу; а бывает, что отходит, наказывая не за внешние дела, а за что-нибудь душой внутри принятое. Когда отходит Господь, пытая душу, то когда она закричит, Он скоро ворочается. А когда отходит наказывая, то – не скоро, пока не сознает душа греха, и не раскается, и не оплачет, и эпитимии не понесет.

315. Главное – охлаждение. Это горькое и опасное состояние. У Господа оно стоит в числе руководительных, вразумительных и исправительных средств. Но бывает оно и вроде наказания. Причина сего – явный грех, но как у вас его не видно, то причины надо искать во внутренних чувствах и расположениях. Не вкралось ли самомнение, что вы не то, что другие? Не загадываете ли сами шагать по пути спасительном и восходить горе одними своими средствами?

316. Поднимаете труды – «не всегда по влечению, а больше по принуждению». Таков уж закон – противиться себе в худом и нудить себя на добро. Сие и означают слова Господа, что царствие Божие нудится и нуждницы восхищают его. От этого и следование за Господом есть иго. Когда бы все делалось по влечению, какое бы было в сем иго? – В конце впрочем приходит, что все делается охотно и легко.

«Нападает тупое бесчувствие, – бываешь, как автомат, – ни мысли, ни чувства». Такие состояния бывают, иногда как наказание за поползновение на что-либо недоброе мыслью и сочувствием, а иногда как обучение, – преимущественно, как научение смирению, чтобы человек навек ничего не ожидать от своих сил, а все от одного Бога. Несколько таких опытов подсекают доверие себе, избавление же от тяготы указывает, откуда помощь, и на кого надо во всем полагаться. Состояние

это тяжело, но надо переносить его с мыслью, что лучшего не стоим, что оно заслужено.

Средств против него нет, минование его – в воле Божией. Надо однако ж стоять и вопиять ко Господу: буди воля Твоя! Помилуй! Облегчи! Но никак не поддаваться каким-либо послаблениям, ибо это разорительно и пагубно... У св. отцов такие состояния называются охлаждением, сухостью; и все считают их неизбежными в жизни по Богу, ибо без них скоро зазнаемся.

317. Надо при сухостях осмотреться, не было ли чего такого в душе... и покаяться пред Господом и положить вперед остерегаться.

Больше всего достается это за гнев, неправду, досаждение, осуждение, возгордение и подоб. – Врачевство – возвращение опять благодатного состояния. Как благодать в воле Божией, то нам остается молиться... об избавлении от сей самой сухости... и от окамененного нечувствия.

318. Тело особо творится из персти. Это было не мертвое тело, а живое с душою животного. В сию душу вдунут дух – Божий дух, предназначенный Бога знать, Бога чтить, Бога искать и вкушать, и в Нем все свое довольство иметь, и ни в чем кроме Его.

319. Коль скоро упованием мало-мало отклонитесь от Господа, все дело тогда покривляется: ибо тогда Господь отступает, говоря как бы: ну, и оставайся с тем, на что упование полагаешь. А это что бы ни было, совершенно ничтожно.

320. Видите, как холодно без благодати, и как душа вяла и неподвижна на все духовное. Таково состояние добрых язычников, верных закону иудеев, и христиан исправных по жизни, но не помышляющих о внутренней жизни, с ее отношением к Богу. Томления, подобного вашему, они не испытывают, потому что не ощущали того, что бывает под действием благодати. Но как по временам на их долю перепадает некое утешение духовное, – естественное, – то они и остаются покойными. Чем наипаче удерживается в душе благодать? Смирением. За что наипаче отходит? От какого-нибудь движения гордости, самомнения и самонадеянности. Как

только ощутит она внутри этот дурной запах гордыни, тотчас и удаляется.

321. Охлаждению предшествует сердца к чему-либо прилепление, озабоченность чем, серчание и осуждение... недовольство и какое-нибудь угодые плоти, сибаритство... и мыслей рассеяние! Блюдитесь от сего, и охлаждений будет поменьше.

Сердце! Да где же жизнь, как не в сердце?

322. Дали вы себе льготу, позволив себе немного развлечься, а не поостереглись: ни глаз, ни языка, ни мыслей не берегли. Оттого теплота ушла, и вы остались пусты. – Это никуда негодит. Поспешите же восстановить внутренний строй, достодолжный, или вымолить его: запритесь, – и все только молитесь и читайте о молитве, пока внимание не соединится с Богом в сердце, и там не водворится дух сокрушения и умиления, которым собственно и надо определять, в своем ли вы чине, или выступили из него. Вы кажется о внимании судите, как об излишней строгости, а оно напротив есть корень внутренней духовной жизни. Почему враг больше всего против него и вооружается и всеусильно строит пред очами души обольстительные призраки, и влагает помыслы о льготах и развлечениях.

323. «Успеха, говорите, нет». И не будет, пока есть самоугодие и саможаление. Саможаление и самоугодие прямо свидетельствуют, что в сердце преобладает «я», а не Господь. Самолюбие и есть живущий в нас грех, от коего вся грешность и который делает грешным всего человека, с ног до головы, пока он имеет место в душе. А когда грешен весь человек, как придет к нему благодать? Не придет, как не пойдет пчела туда, где дым.

Решение работать Господу имеет два конца: один – да отвергнется себя, второй – да по Мне грядет... Первый требует совершенного подавления эгоизма, или самолюбия, и следовательно недопущения самоугодия и саможаления – ни большого, ни малого.

324. Главнейший враг жизни в Боге есть многозаботливость; а многозаботливость есть рычаг, приводящий в движение самоначинательную мирскую деятельность. С утра до ночи

темной, каждый день, гоняет она мирских предпринимателей от одного дела к другому, и на минуту не дает покоя. Некогда им обратиться к Богу и побыть с Ним в молитвенном к Нему возношении. Эта многозаботливость у монахов места не имеет. Понимающие дело затем и в монастырь вступают, чтоб избавиться от сей мучительницы. И избавляются... По отпадении же многопопечительной заботливости, ум и сердце остаются совершенно свободными и никакой помехи не имеют в том, чтоб пребывать в Боге и Богом наслаждаться. Те, которые с разумом ведут свое дело монашества, скоро и преуспевают в этом и устанавливают у своей цели. Затем остается только блюсти сие сокровище. И блюдут. Каждый инок или инокия имеют свой урок сделать в сутки то и то. Как эти работы привычные, то не требуют особого внимания. И бывает, что руки работают, а ум с Богом беседует и питает тем сердце. Такую норму внутреннего строя прописал еще св. Антоний Великий. Так видите, что и у монашествующих есть деятельная жизнь, – похожая на деятельность мирян; только нет у них при сем многозаботливости, грызущей мирян, свобода от которой, по порядкам монастырской жизни, и дает им способ быть у своей цели или пребывать неотходно с Богом и в Боге.

325. «Рассеялись»! Это первое враждебное для внутреннего строя вражье нападение. Позаботьтесь так входить в сношение с другими и о делах хлопотать, чтоб вместе с тем и о Господе помнить и все делать и говорить с сознанием, что Господь близ и все направляет на угождение Ему. Для этого, когда встречается что, пред тем заготовиться в продолжении дела не отходить от Господа, а быть в присутствии Его и помолиться Ему о сем. Этому можно навикнуть, только положите отселе всегда уже действовать так. Второй враг внутри пребывания есть приложение к чему-либо сердца и пленение чем-либо при впечатлении чувств или при мыслях о чем. Этот злей. У вас этого не было и вы скоро возвратились на старое. Если бы же сердце ваше прилегло к чему, то долго бы пришлось помаяться. Тогда надо бы было прежде отторгнуть сердце от того, к чему оно приложилось, и отвращение возыметь к тому. Извольте сие иметь в виду и всячески беречься

и рассеянности и паче пленения сердца. Средство одно – не отступать вниманием от Господа и от сознания присутствия Его. Отчего грустно после долгого с кем-либо разговора? Оттого, что во время разговора вы отходите вниманием от Господа. Господу это неприятно, и Он дает вам о сем знать грустью. Извольте навекать неотходно быть с Господом, чтобы ни делали, и все делать для Него, стараясь соображать то с заповедями Его. И никогда не будете грустны, ибо будете сознавать, что делали Его дела.

326. Сколько уже раз узнаете вы обязанность, внушаемую вам совестью: быть с Господом, ничего Ему не предпочитая. Память об этом верно не отходит у вас! Да будет и дело сие в силе у вас. В этом ведь и цель наша. Когда мы с Господом, то и Господь с нами. И светло все. В комнате, когда все окна открыты и солнце светит, светло-светло бывает. Но закройте одно окно, потемнеет, а когда все закроются, совсем темно станет. Так и с душою. Когда она всеми силами и чувствами обращена к Господу, в ней все светло, радостно и покойно. Когда же обратит на что-либо другое, кроме Господа, свое внимание и чувство, светлость сия умаляется. Больше вещей занимают душу – большая тьма входит... А там, и совсем темно. Мысли не столько омрачают, сколько чувства; однократное увлечение чувств, не столько, сколько пристрастие к чему-либо. Больше всего омрачает грех делом.

Трезвение и благорассмотрение

327. Именно два бдительных страха должен иметь воин Христов: трезвение и благорассмотрение. Первый обращен внутрь, а последний во вне; тот наблюдает за движениями, выходящими из самого сердца, а сей предугадывает движения, имеющие возникнуть в нем по внешнему влиянию; закон для первого: после того, как памятью о Божием присутствии изгнано из души всякое помышление, стань у дверей сердца и тщательно блюди за всем, входящим в него и выходящим из него, особенно же не давай предубеждать действий чувству и желанию, ибо отсюда все зло...

328. Внимание к себе в сердце с молитвою к Господу расстраивает все вражеские козни. Читайте у Исихия и учитесь, как тут действовать.

329. Тут у врага свои приемы. Укажу главнейшие. Когда кто, умудрясь, не дает хода помыслам и позывам на добро, кажущимся добрыми, а тотчас, или по собственному рассуждению, или по указанию опытейших, отсекает их, как бы они ни казались красными, и действует в сем роде с такою решительностью, что не предвидится возможности уловить его сим приемом, – тогда враг бросает эту уловку и начинает действовать со вне, – чрез людей, ему подручных. Тут пойдут льстивые похвалы, клеветы, осуждения, притеснения и всякого рода неприятности. Вот это и вам надо знать и ждать, и смотреть в оба. Отвратить это не в нашей власти, но в нашей власти перехитрить врага. Главное – переносить все, не нарушая любви и мира. Помощник – Господь. Его надо молить умиротворять наше сердце и, если благоволит, улаживать все и вне. С своей стороны нам надо не выпускать из вида, откуда и кем воздвигается буря, – и неприязнь вместо людей направлять на того, кто, стоя позади, поджигает их и заправляет всем ходом.

330. При чтении главную цель жизни надо иметь в уме, и все к ней подбирать. Составится нечто целое, связанное, потому

крепкое. Крепость ведения и убеждения передадут крепость и нраву.

331. Ока своего умного не сводите с сердца, и все, исходящее оттуда, тотчас схватывайте и разбирайте: хорошо, пусть живет; не хорошо – тотчас убить его надо. Из сего учитесь узнавать себя. Какой помысл почаше выходит, значит та страсть посильнее; против той и действовать посильнее начинайте. Но все на себя нисколько не полагайтесь и не надейтесь сделать что своими трудами. Целительные врачества и средства посылает Господь. Ему себя и предавайте, – и это на всякий час. Трудитесь – трудитесь; но всего доброго ожидайте от единого Господа.

332. Большая нам беда от чувства праведности. Зарубите себе на памяти, что коль скоро придет сие чувство, хоть в слабой мере, значит дело ваше пошло криво. Чем грешнейшею себя чувствовать будете, тем путь ваш правее. Но надо добиваться, чтоб чувство своей грешности как бы натурально исходило из глубины души, а не было навеваемо совне своим размышлением, или сторонним словом.

Много есть добрых чувств, но чувство нежества есть основное; так что, коль скоро нет его, все не в прок. Заучите сие хорошенько.

333. Смотрите за собою, и больше с сердцем имейте дело. Для разобранья сердечных движений читайте с размышлением и к себе приложением Лествицу, Исаака Сирианова, Варсонофия и Иоанна, в Добротолюбии – Диадокха, Филофея, Исаию, Евагрия, Кассиана, Нила. Когда читаете, не оставляйте общим положением прочитанного, а всегда обращайтесь к себе в правило – частное, к вам приложимое, причем общее всегда терпит некоторые оттенки изменений.

334. Бегайте сытости, – такое состояние, в коем лукавое сердце говорит в себе: довольно, ничего больше не требую; потрудились, поустановились порядком, можно и льготу себе дать. Об Израиле говорится: *«уты, утолсте, расшуре»* (Втор.32:15). На что больше довольства? – Но плод какой? И забы Бога. Это относилось к телесной сытости и к довольству своим внешним состоянием. Но вполне приложимо это и к

сытости духовной и к довольству своим внутренним состоянием. И следствие тоже – богозабвение. Когда всего вдоволь, зачем и Богу молиться и думать о Нем? Хоть до этого и не вдруг доходят самодовольные, но в зародыше именно это у них есть. Непосредственное действие сытости есть ослабление внимания и допущение льгот. Кто это допустит, пойдет катиться вниз. как катятся по склону скользкой горы. Вот и беда. Бдите убо!

335. Сдается мне, что у вас поминутно происходят в душе суд и решение над другими. Присмотритесь хорошенько. Если это и не поминутно, а изредка, то и отсюда не малая беда. Из самомнения выходят две вещи: трубление пред собою и осуждение других. Вот злая тройка, которая мчит в пагубу. Надо распречь и сбить этих ярых коней. Тогда выйдет: тише едешь, дальше будешь. Смотрите, пожалуйста, получше за собою.

Труд телесный – хорошее дело; труд же сей по послушанию – святое дело. Память Божия да не отходит от сердца вашего. Как свет видится, так надо видеть Господа пред собою и в сердце падать пред Ним в чувствах смирения и сокрушения. Страх придет отрезвляющий.

Хорошо было бы, если б кто-нибудь бранил вас там. Радуйтесь, когда сие будет. Дурно, когда все кругом похваливают, а правды никто не скажет. Долго ли запутаться? По неволе станешь считать себя святым, и начнешь читать наставления всем.

Господь да укрепит вас во благо! Поопаситесь; не сбиться бы на путь хладно ходящих в исправном внешнем поведении, без внутренних чувств, освящающих человека, и благодать Божию привлекающих. А это будет тотчас, как только вдадитесь в самомнение и самодовольство, коих вывеска – тщеславие.

336. Мужайтесь! Когда ослабляется теплота духа, надо всяко хлопотать о восстановлении ее, со страхом и трепетом припадая к Богу. Все от Него. Уныние, скука, тягота духа и тела придут иногда, может быть, надолго. Не робеть надо, и твердо стоять на своем, усердно исполняя принятые правила, и не ожидайте, чтоб на душе не было уже никакого вкуса. Вы и не ожидайте, чтоб на душе было всегда одинаково тепло и сладко.

Так не бывает. Напротив, постоянно ждите нечаянных изменений. Когда придет вялость и отяжеление, думайте, что это вы – настоящая, – как есть; сладость же духовную принимайте, как незаслуженную милость.

337. Вы на сестер так смотрите, что они будто ходят по горе или кровле, а вы внизу, – низко-низко. И если душа станет какую сестру видеть ниже себя, крепко тогда надо укорять себя и поспешить у Господа испросить прощения. Злей всех вещей – возношение, тщеславие, осуждение. Это адский дым и смрад! Приучайте себя всячески к тому, чтоб больше радоваться, когда с вами презрительно обходятся, укоряют, или даже обижают, нежели когда ласкают и приветствуют. В этом самый надежный путь к смирению.

338. Хранится ли прежнее ваше теплое состояние? Хранить надо. Ему основа – смирение. Как только умалится смирение, так и холодность пойдет. Ибо когда душа начинает считать себя чем-либо, тотчас Господь отступает, и она, оставшись одна – сама с собою, хладеет. Не языком говорить: я ничто, а в сердце чувствовать свое ничтожество надо. И тут всегда будет Господь, из ничего все сотворивший и творящий. Теплоту Господь подаст, но и самим надо труд приложить.

Труд сей есть, как сейчас сказано, смирение да внимание, и внутри сердца болезненное к Богу припадание, – неотступное, при всяком деле и слове, при движении и сидении, дома и в церкви. Да умудрит вас Господь! Читайте святые книги, и все полезное размышлением усвая себе, прилагайте к своей жизни и к своей душе.

339. Надо каждый день вращать какую-либо мысль в голове – какая более займет и падет на сердце. Без упражнения мысли душа замрет.

340. Тщеславие, говорят, домашний вор, который в заговоре с ворами наружными. Он отворяет им окна и двери; те входят и совершают великое внутри опустошение. Кто знает? Может быть и то омрачение, что с вами было и прошло тотчас, как помолились, есть вражья хитрость, чтоб породить горделивые мысли: вот де молитвенница какая! Как помолились, все бесы разбежались. Припомните: если были

после тщеславия помыслы, то знайте, что это враг хочет надмнить вас.

341. Книжка есть? – Читайте, рассуждайте и к себе прилагайте. К себе прилагать есть цель и плод чтения. Если читать без сего приложения к себе, толку не будет, а еще зло. Только теории собираются в голове, и учат не себя направлять на добро, а других осуждать. Возьмите уши и послушайте сего. – Если есть уже у вас Добротолюбие – найдите и прочитайте Исихия о трезвении. Тут прописано самое руководство к управлению и устроению мыслей. Внимательнее прочитайте, посердечнее усвойте, и потом действуйте по тамошнему указанию.

Всяко страх Божий надо иметь. Он корень всякой науки и всякого доброго делания. Когда он властвует в душе, все тогда идет хорошо и внутри и вне. Его возгревать прежде всего старайтесь всякое утро. Потом он уже пойдет всем ворочать, как рычаг какой.

342. Надо однако ж различать осуждение от осуждения. Грех начинается, когда в сердце зарождается презорство к кому, ради какой-нибудь худобы. Осудить можно просто без всякого приговора судимому. Если же при этом в сердце сожаление будет о лице оплошавшем, желание ему исправления и молитва о том, то тут не будет греха осуждения, а совершится дело любви, возможное при такой встрече. Грех осуждения больше в сердце, чем на языке. Речь об одном и том же может быть и грехом и не грехом, судя по чувству, с коим произносится. Чувство дает и тон речи. Но лучше всячески воздерживаться и от суждений, чтоб не попасть в осуждение, то есть, не ходить около огня и сажу, чтоб не ожечься и не очерниться. Скорее переходить надо на осуждение и укорение себя.

343. Когда есть смущение на душе, чего бы оно ни касалось, не верьте душе в ту пору: все врет, что ни говорит. В ту пору ее надоумливает сатана и уж, конечно, не во спасение ей; а она-то бедная, из всех сил рвется.

«Гнев мужа правды Божией не соделывает» (Иак.1:20). Божие же все мирно, тихо, сладостно и в душе сию сладость

оставляет, и вокруг разливает ее обильно, не смотря на то, что иногда и бранится будто.

344. Потрудитесь так устроиться, чтоб не охотно выходить к кому и не охотно видеть кого у себя. У старцев пишется: пока есть охота давать и брать, не жди покоя. Эта фраза: «давать и брать» обнимает все, всякого рода сношения с другими. Не вдруг-то можно достигнуть сего, но начало надо положить сейчас же. Сладость пребывания с Господом да дарствует вам Его благодать!

345. Прямо судя, вещи на свете нет, за которую следовало бы сердиться. Что дороже души и покоя ее? А серчание отнимает сей покой. Тут себе наветником бывает человек. И сам еще раздувает, увеличивая в душе неправды другого. Все от того, что внимания нет к себе: вот и прорвется. В сердце глубоко лежит присвоение себе прав судить и наказывать за грехи, других вместо себя. Тут все... Когда бы себя грешником видел человек, с чувством всех последствий греха, не стал бы сердчать.

346. Пишете, что иногда во время молитвы сами собою незнать откуда приходят решения занимающих душу вопросов жизни духовной. Се добре! Я кажется вам об этом уже писал. Это есть настоящее христианское научение истине Божией. Тут исполняется обетование: будут все научены Богом. Так это и бывает. Перстом Божиим пишутся истины в сердце, – и остаются уже неизгладимыми и никакому колебанию не подлежат. Не извольте оставлять без внимания таких начертаний истины Божией, а записывайте их.

347. Душа, не испытанная скорбями, никуда негожа.

348. Туда – в царствие Божие – дорога одна: крест, произвольный или непроизвольный.

349. Не думает ли ваша приятельница, что, отказавшись от шума мирского, она уже все сделала? Знает ли она, что есть мир в сердце, именно: жить независимо в собственное удовольствие? Избави ее Господи от такого настроения. А оно есть у иных, кои однако ж думают, что стоят на добром пути.

350. Досада и серчание, когда кто нарушит ваше уединение – никуда негоже... Это плод самомнения: не смей мешать мне.

Тут и враг разживается около вас. Положите не поддаваться сему чувству. Неприязнь и серчание дозволительны только тогда, когда предметом их дурные помыслы и чувства.

351. Трезвиться – значит не прилагать сердца своего ни к чему, кроме Бога. Это прилепление делает душу пьяною, и она начинает делать, не зная что. Блюсти – значит строго смотреть, чтобы в сердце не показалось что-либо недоброе.

352. Есть один прием, которого если держаться со всем вниманием, то редко что страстное проскользнет незамеченным, именно: обсуждать свои мысли и чувства, к чему они клонят, – к угождению ли Богу, или к самоугодию. Это определить совсем не трудно. Только внимайте себе. Ведайте, что коль скоро вы делаете что наперекор самоугодию, то тут ошибки нет. Один старец говорил своему ученику: смотри не держи у себя изменника. Кто такой изменник? – спросил ученик. Самоугодие, отвечал старец. И точно. Оно всем бедам вина. Если разберете, то увидите, что все допущенное худое от него произошло.

353. «Смирения и любви нет». Пока их не будет – и ничего духовного не будет. Духовное зарождается и растет вместе с их зарождением и возрастанiem. Они тоже для души, что стеснение плоти для тела... Смирение приобретается делами смирения, любовь – делами любви.

354. Смотрите в оба сами. Вот мера: кто смирен, тот не может видеть, чтоб кто-либо относился к нему ниже его достоинства; ибо он так низким себя считает, что никто не может отнестись к нему ниже того, как бы ни ухитрился. В сем премудрость.

355. Немощи нрава Господь иной раз оставляет за нами для смирения. Не будь их, мы тотчас занесемся выше облак и ставим там престол свой. А в этом пагуба.

356. Нечего вам повторять, что несокрушимое оружие против врагов есть смирение. Смирение трудно достается. Можно считать себя смиренным, не имея и тени смирения. Одним размышлением не усмиришь себя. Лучший, или единственный верный путь к смирению есть – послушание и отречение от своей воли. Без сего можно развить в себе

сатанинскую гордыню, смиренничая в слове и положении тела. Остановитесь, пожалуйста, на этом пункте, и со всем страхом разберите порядки жизни вашей. Есть ли в ней послушание и отречение от своей воли? Из всего, что вы делаете, что делаете вы не по своей воле, не по своему разуму и смышлению? Делаете ли что-либо нехотя, потому только, что приказано, из одного послушания? Рассмотрите, пожалуйста, и скажите. Если ничего нет такого, то порядки жизни вашей не приведут вас к смирению. Как ни смиряйте себя в мыслях, без смиренных дел не придет смирение. И надобно подумать хорошенько, как это устроить.

357. Смирение себя еще не смирение, а желание и искание его. Помогите вам Господи достигнуть его. Есть дух прелести, который, не знаю как, обходит душу лукавством своим и запутывает ее помышления так, что она думает, будто смиренна, а внутри скрывает гордое самомнение. Вот и надобно пристально смотреть в сердце. Лучше всего пригоди тут смиренные внешние отношения.

Оплошали вы немного. Страх Божий отошел, а за ним отошло и внимание; и попались вы в осуждение. Правду вы говорите, что уж вы согрешили внутренно. Поскорее кайтесь, и вымолите себе прощение у Господа. Наказание бывает за это, и внутреннее же. Осуждение не словом только совершается, но и внутренним движением сердца. Оно уже есть, коль скоро неблаговолиительно о ком помыслит душа.

358. Вы оскорбились. Оскорбиться каким-нибудь невниманием, значит считать себя стоящим внимания, и следовательно, ценить себя высоко в сердце, иначе, высокосердым быть. Хорошо ли это? Терпеть хоть бы то напраслину, есть ли долг наш? Конечно. Как же мы начнем его исполнять? Ведь, когда дана заповедь терпеть, то надо всякий случай неприятный перетерпевать, не пропуская, и перетерпевать с радостью, без нарушения мирных отношений... Господь сказал: когда ударят в ланиту, подставь другую; а тут муха пролетела, да крылом зацепила, и то мы на дыбы. Скажите, готовы ли вы исполнить эту заповедь Господа об ударе в ланиту? Верно скажете: готов. Но ведь случай, о

котором писали представляет именно это. Ударение в ланиту не буквально только надо понимать. Под этим должно разуместь всякий вообще поступок ближнего, которым, как нам кажется, не отдано нам должного внимания и почета, которым чувствуем себя униженными, от которого страдает, как говорят, горю наш. Всякий такой поступок, хоть он самый маленький, – взгляд, мина и прочее, – есть ударение в ланиту; и его не только надо перенести, но быть готову еще на большее унижение, что и будет соответствовать подставлением другой ланиты. – Что у вас было, было бы похоже на ударение в ланиту, – легонькое. Вы же что? Подставили другую? Нет, не только не подставили, напротив сдачи – дали. Ведь уже дали сдачи, – ведь уж дали почувствовать, что имеете нечто. Стало быть, мы с вами: не тронь меня. И стало, куда же гожи? И как можем считаться учениками Христовыми, когда заповедей не исполняем? Вы бы рассудили только: да стоите ли вы какого внимания? Если б в сердце было это чувство недостойности, никакой обиды не почувствовали бы вы.

359. Отчего мы осуждаем других? От того, что не стараемся познать себя. Кто занят познанием себя самого, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя и перестанешь судить других... Считай каждого человека лучшим себя. Без мысли сей, если бы кто и чудо сотворил, далек от Бога.

360. Дух Святой дает истинное смирение. Человек и самый разумный, если не имеет в себе Духа Святого, не может надлежащим образом знать себя, ибо без помощи Божией он не может видеть своего внутреннего состояния души... Но Дух Святой, вселившись в сердце человека, показывает ему всю внутреннюю ее бедность и слабость, и растление души и сердца его, и удаление от Бога; и при всех его добродетелях и правде, показывает ему все грехи его, леность и нерадение о спасении и благе людей, его своекорыстие в самых, невидимому, бескорыстных его добродетелях, его грубое самолюбие – там, где он и не подозревал его. Кратко сказать, Дух Святой показывает все в настоящем виде, и тогда человек начинает смиряться истинным смирением, начинает терять надежды на собственные свои силы и добродетели, считает

себя худшим из людей... Дух Святой научает истинной молитве. Никто, пока не получит Духа Святого, не может молиться такою молитвою, которая истинно приятна Богу. Потому что, ежели кто, не имея в себе Духа Святого, начнет молиться, то душа его рассеивается в разные стороны, от одной вещи к другой, и он никак не может удержать свои мысли на одном, и при том, он не знает должным образом ни самого себя, ни своих нужд, ни того, как просить и чего просить от Бога, – и не знает, кто такой Бог. Но человек, в котором обитает Дух Святой, и знает Бога, и видит, что Он есть Отец его; знает, как приступить к Нему, и как просить, и чего просить от Него. Мысли его в молитве стройны, чисты и устремлены к одному предмету – Богу; и молитвою своею он точно может сделать все.

361. Непокой духа и страсти, портят кровь и существенно вредят здоровью. Пост и вообще постническая жизнь – лучшее средство к хранению здоровья и процветанию его...

Молитва вводит дух в Божию область, в коей корень жизни, а от духа и тело приобщается той же жизни. Дух сокрушен, покаянные чувства и слезы не сокращают силы, а придают их: ибо поставляют душу в отрадное состояние...

Вы желаете, чтобы сокрушение и слезы никогда не отходили. Лучше желайте, чтоб всегда у вас царил дух смирения глубокого. От него слезы и сокрушение... от него и то, что они не надывают, ибо и от них враг ухитряется породить сии зловередные зелья.

Бывают и раздвоения духовные в перемежку с сокрушением. Настоящее сокрушение умеет не мешать чистому радованию духовному, – и с ним дружески уживается, скрываясь некако под ним.

А самоцен как у вас? Возьмите меч, или держите всегда, – смирения и уничижения, и безжалостно отсекайте главу первому злодею нашему.

362. Внимайте себе. Скажу вам одну заметку, или повторяю сказанную уже. Преспеяние в духовной жизни означает все большим и большим сознанием своей негодности, в полном значении сего слова, без всяких ограничений; так что коль скоро дается себе цена, в каком бы то ни было отношении, дело

пошло криво. И опасно. Подсядет враг и начнет отводить глаза, – а тут камушек подбросит; споткнуться можно. Душа, дающая себе цену, точь-в-точь ворона, уронившая сыр. Помогите вам Господи усовершенствоваться в сем невидении своих дел и трудов. И о том позаботьтесь, чтоб было меньше образов в душе, а больше мыслей и чувств... Способ к пресечению тока образов есть начатая вами умная молитва. Трудитесь. Придет момент, когда почувствуете, что ста ток сей, как ток крови у кровотоливой (Лк.8:44).

363. Один Бог, да душа – вот монах. Как дойти до этого? Как хочешь, а доходи; ибо коль скоро не таков кто, то и не монах. Но как это ни трудно, приходит дух ревности и разгоняет все страхи. Этот дух неудержим. Он находит, принимается сердцем, и производит великие внутри повороты. Такого происхождения всех истинных монахов! Стало прямее сказать, что монахи не сами себя делают монахами. Но есть тихие натуры, которые негожи на крутые подвиги самоотвержения. Им сроднее жить смиренно, в простоте сердца, благотворя и помогая всякому нуждающемуся.

VII. О прелести

364. Прелести нечего бояться. Она случается с возгордившимися... кои начинают думать, что как зашла теплота в сердце, то это уже и есть конец совершенства. А тут только начало, и то может быть не прочное. Ибо и теплота и умирение сердца бывают и естественные, – плод сосредоточения внимания. А надо трудиться и трудиться, ждать и ждать, пока естественное заменено будет благодатным. Всяко, лучше всего, никогда не почитать себя достигшим чего-либо, а всегда видеть себя нищим, нагим, слепым и никуда не годным.

365. О художественном делании молитвы Иисусовой речь началась с Григория Синаита в 13 и после – веке. – Дотоле далеко. Тогда рассудим, печатать ли о сем? Наперед, впрочем, сказываю, что и мне приходило уже на мысль – пропустить те статьи, в коих о сем говорится... и окончить сборник Симеоном Богословом...

Творить молитву Иисусову, как все мы навываем делать – есть доброе дело. В монастырях возлагается это как долг. Стали бы разве возлагать, если б это было опасно?! Опасно то художество, какое придумали и приладили к сей молитве. Оно иного ввергает в прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, – в постоянное похотное состояние. Его потому надо и отсоветовать и запрещать. – А сладчайшее имя Господа в простоте сердца призывать всем надо внушать и всех к тому располагать.

366. А если кто, не имея молитвы, принуждает себя только к молитве, чтобы получить благодатную молитву, а к смиренномудрию, к любви и к соблюдению прочих Господних заповедей не принуждает себя, то иногда, по прошению его, дается ему благодатная молитва, даже отчасти в упокоении и веселии, но нравами он уподобляется тому же, чему и прежде был подобен. Ибо не имеет он кротости, потому что не взыскал ее с трудом и не приуготовлял себя быть кротким; не имеет смиренномудрия, потому что не просил и не принуждал себя к этому; не имеет любви ко всем, потому что не имел о сем

попечения и не искал сего усиленно в молитвенном прошении. Ибо каждому, кто приневоливает и нудит себя, даже против желания сердца, к молитве, надобно так же принуждать себя и к любви, и к кротости, и ко всякому терпению, и великодушию, по написанному, с радостью: а таким же образом надобно принуждать себя к УНИЧИЖЕНИЮ, к тому, чтобы почитать себя худшим и низшим всех, чтобы не беседовать о бесполезном, но всегда поучаться в словах Господних и их изрекать устами и сердцем. Еще надобно принуждать себя к тому, чтобы не раздражаться, по сказанному *«всяка горесть, и гнев, и клич да возмется от вас со всякою злобою»* (Еф.4:31). Чтобы таким образом Господь, видя произволение человека, дал ему без труда и принуждения совершать все то, что прежде едва мог сохранить с принуждением, по причине живущего в нем греха. И все сии начинания добродетели обратятся для него как бы в природу, потому что приходит к нему, наконец, Господь, приходит и пребывает в нем, и Сам творит в нем заповеди Свои без труда, исполняя его духовных плодов.

367. Если смиренномудрие и любовь, простота и благость не будут в нас тесно соединены с молитвою, то самая молитва, лучше же сказать – эта личина молитвы, весьма мало может принести нам пользы. И сие утверждаем не об одной молитве, но и о всяком подвиге и труде, девстве или посте, или бдении, или псалмопении, или служении, или о каком бы то ни было делании, совершаемом ради добродетели. Если не увидим в себе плодов любви, мира, радости, кротости, присовокуплю еще, смиренномудрия, простоты, искренности, веры, сколько должно, великодушия, дружелюбия, – то трудились мы без пользы, потому что для того и предпринимлем труды, чтобы воспользоваться плодами; а когда не оказывается в нас плодов любви, тогда, без сомнения, делание напрасно. Почему, таковые ничем не отличаются от пяти юродивых дев, которые за то, что здесь еще не имели в сердцах духовного елеса, то есть духовной действительности исчисленных выше добродетелей, наименованы юродивыми, и жалким образом оставлены вне царского брачного чертога, ничем не воспользовавшись от подвига девства. Как при возделывании виноградника все

попечение и весь труд прилагаются в надежде плодов; если плода не бывает, напрасным оказывается делание; так, если не увидим в себе, по действию Духа, плодов любви, мира, радости, всего прочего, перечисленного Апостолом (Гал.5:22), и не возможем признать их в себе со всею несомненностью и по духовному чувству, то излишним окажется подвиг девства, молитвы, псалмопения, поста и бдения. Ибо труды сии и подвиги душевные и телесные должны совершаться, как сказали мы, в надежде духовных плодов; а плодоношение добродетелей есть духовное наслаждение нерастленным удовольствием, неизреченно производимое Духом в сердцах верных и смиренных. Почему, труды и подвиги должны быть почитаемы, каковы они и действительно, трудами и подвигами, а плоды – плодами. Но если кто, по скудости ведения, делание свое и подвиг почтет плодами Духа, то оказывается, что он явно обольщается, сам себя обманывая, таким своим мнением лишая себя великих подлинно плодов Духа.

368. Истинное начало молитвы есть сердечная теплота, пополюющая страсти, отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением, и утверждающая сердце несомненным удостоверением. Все, приходящее в душу, говорят отцы, чувственное ли то, или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемля его, не от Бога есть, но послано от врага. Когда также увидишь ум свой во вне или в высоту влекомым от некоей невидимой силы, не верь сему и не попускай уму влекому быть, но тотчас понудь его на дело его. – Что от Бога, то само собою приходит, говорит Святой Исаак, тогда как ты и времени того не знаешь. Хотя и враг внутрь чресл покушается призрачно представлять духовное, одно предлагая вместо другого, вместо теплоты наводя жжение нестройное, вместо веселия радость возбуждая бессловесную и сласть мокротную, и успевает укрывать себя за сими прельщениями от неопытных, но время, опыт и чувство обыкновенно обнаруживают его пред теми, коим не безызвестны его злые козни. «Гортань брашна различает», говорит Писание. Так и вкус духовный все ясно показывает, как оно есть, не подвергаясь прельщению.

369. Причина мыслей вот такая! Слышали вы пустые речи, о них осталась память. Враг берет эти черты памяти, и плетет из них сеть пред очами ума вашего, чтоб запутать его. Сходите тогда в сердце, отведя очи от призрачных образов вражеских, и взывайте ко Господу.

370. Для преуспевания в молитве и для избежания прелести необходимо самоотвержение, научающее искать в молитве одного внимания. Тогда подвиг молитвенный упростится и облегчится; облегчатся и искушения, которые, однако, всегда сопутствуют подвигу. Если же кто преждевременно стремится к раскрытию в себе действий сердечной молитвы, – «тому, говорит Пр. Нил Сорский, согласно с прочими Св. Отцами, попускаются тяжкие, превыше сил, искушения от бесов». Такому стремлению служат основанием непонимаемые превозношения и высокоумие, представляющиеся усердием.

371. Некоторые утверждают, что от упражнения Иисусовою молитвою всегда, или почти всегда, последует прелесть, и очень запрещают заниматься этою молитвою.

В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть. Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения, единственное средство нашего спасения; человеческое имя Его заимствовало от Божества Его неограниченную, всесвятую силу спасать нас; как же эта сила, действующая во спасение, эта единственная сила, дарующая спасение, может извратиться, и действовать в погибель? Это – чуждо смысла! это – нелепость горестная, богохульная, душепагубная! Усвоившие себе такой образ мыслей, точно находятся в бесовской прелести, обмануты лжеименным разумом, исшедшим из сатаны.

Рассмотри все Священное Писание: увидишь, что в нем повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила Его, спасительная для человеков. Рассмотри писание Отцов: увидишь, что все они, без исключения, советуют и заповедуют упражнение молитвою Иисусовою, называют ее оружием, которого нет крепче ни на небе, ни на земле, называют ее богоданным, неотъемлемым наследием, одним из

окончательных и высших завещаний Богочеловека, утешением любвеобильным и сладчайшим, залогом достоверным. Наконец, обратись к законоположению Православной Восточной Церкви: увидишь, что она для всех неграмотных чад своих – и монахов и мирян, установила заменять псалмопение и молитвословие, на келейном правиле, молитвою Иисусовою. Что же значит пред единогласным свидетельством Священного Писания и всех Святых Отцов, пред законоположением Вселенской Церкви о молитве Иисусовой противоречащее учение некоторых слепцов, прославленных и прославляемых подобными им слепцами.

372. Сумасшествие от молитвы Иисусовой может произойти тогда, когда, творя сию молитву, не отстают от каких-либо грехов и привычек грешных, кои осуждает совесть. При сем внутри происходит глубокий разлад, прогоняющий всякую мирность сердца... Отсюда помутиться может голова, и понятия придти в смятение и запутанность.

Первое ваше слово об огоньке... что это такое? – Когда Бог даст, тогда узнаете. Не вкусивши сладости меда, нельзя познать, что это за сладость. Так и тут! – Обнаруживается сие – постоянным чувством к Богу.

373. Умная молитва говорит, спасет: но умная молитва сама имеет крайнюю нужду в руководстве, пока она есть самоделательная или трудовая. В это-то время делания умной молитвы, не направляемого искусною рукою, большею частью и сбиваются с пути.

374. Но прелесть, понятная для многих в ее явных последствиях, должна быть изучаема, постигаема в самом ее начале: в мысли ложной, служащей основанием всех заблуждений и бедственных душевных состояний. В ложной мысли ума уже существует все здание прелести, как в зерне существует то растение, которое должно произойти из него по насаждении его в землю.

375. Великое орудие имеет на врагов тот, кто в молитве держит плач сокрушенный, чтоб не впасть в самомнение от радости, подаваемой молитвою. Хранящий эту радость-печаль, избегнет всякого вреда. Настоящая, не прелестная молитва та, в которой теплота, с молитвою Иисусовою, влагает огонь в

землю сердца нашего и пополяет страсти, как терние. Она веселием и миром осеняет душу, и приходит не от десныя или шуия страны, ни даже свыше, но прозябает в сердце, как источник воды от животворящего Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать в сердце твоём, храни ум всегда немечтательным. С нею не бойся ничего, ибо Тот, Кто сказал: дерзайте, Аз есмь, не бойтесь! – Сам с нами. Кто настроившись так, живет праведно и непорочно, чужд человекоугодия и высокомерия, тот устоит и не потерпит никакого вреда, хотя бы весь бесовский полк поднялся против него и навел на него бесчисленные искушения.

376. Они, ревновавшие о духовной жизни, пишет Сперанский, начинают с «Господи помилуй», но у них, как и у нас, это скоро прекращается. Огонь, раз возжженный, горит сам собою, и никому неизвестно, чем он питается. В этом и состоит тайна. Находишь вновь «Господи помилуй» в мыслях своих лишь в ту минуту, когда придешь в себя.

Слова молитвы этой суть: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» или: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» Огонь, о котором упоминается, возгорается не скоро, а после заметных трудов, когда возгорится теплота в сердце постоянно усиливающаяся и воспламеняющаяся во время умной молитвы. Углубленная молитва ко Господу возбуждает теплоту. У опытных отцов строго различаются – теплота телесная, простая, бывающая вследствие сосредоточения сил к сердцу вниманием и напряжением, – теплота телесная, похотная, тут же иногда прививающаяся и поддерживаемая врагом, и теплота духовная, трезвенная, чистая. Она двух родов: естественная, вследствие соединения ума с сердцем, и благодатная. Различать каждую из них научает опыт. Теплота эта сладостна, и поддерживать ее желательно, как ради самой этой сладости, так и ради того, что она сообщает благонастроение всему внутреннему. Но кто усиливается поддерживать и усиливать эту теплоту за одну сладость, тот разовьет в себе сластолюбие духовное. Посему-то трезвенники напрягаются, минуя эту сладость, устанавливаясь в одном предстоянии Господу, с полною Ему преданностью, как бы в руки Ему полагая себя; на сладость же, от теплоты

исходящую, не опираются и внимания к ней не приковывают. Но возможно к ней прилепиться вниманием и, в ней упокаясь, как в теплом покое или одежде, ее одну поддерживать, не простирая мысли выше. Мистики дальше этого не шли; у них это состояние и считалось высшим: тут было совершенное бессмыслие, погруженное в какую-то пустоту. Таково состояние созерцания мистиков.

377. Не прельщайся внутренними сладостями; без креста они не прочны и опасны.

Считай каждого человека лучшим себя. Без мысли сей, если бы кто и чудо сотворил, далек от Бога.

378. Спрашиваете, от чего бывает прелесть при делании молитвы Иисусовой? – Бывает она не от нее, а от образа совершения ее, – именно того, который прописан в Добротолубии. Тот образ надо проходить с наставником, знающим то дело, и на глазах его. А кто один возьмется за сие дело, по одному описанию его, тому не миновать прелести. Там описан только один внешний очерк дела, а что при этом добавляется старцем, видящим для восполнения внутреннего при сем строя того не видно. Проходящий такое делание без руководителя присущего, естественно и остается с одним внешним деланием, – строго исполняет, что велено, относительно положения тела, дыхания и смотрения в сердце. Как такого рода приемы естественно могут доводить до некоей степени сосредоточения внимания и теплоты, то он, не имея при себе верного определителя, который бы сказал ему, каково достоинство происходящего в нем изменения, – приходит к мысли, что это и есть то, что он ищет, т.е. что его осенила благодать, тогда как ее тут еще нет, – и начинает мнить, что имеет благодать, не имея ее. Это и есть прелесть, которая затем покривит и все последующее течение его внутренней жизни. Вот почему ныне у старцев видим, что они советуют совсем не браться за такие приемы по причине опасности от них. Сами по себе они не могут дать ничего благодатного: ибо благодать ничем внешним не вяжется, а нисходит только на внутренний строй. Внутренний достодолжный строй и без них привлечет действие благодати. – Этот строй есть – при молитве

Иисусовой ходить в присутствии Божиим, возгревать чувства благоговеинства и страха Божия, ни в чем себе не поблажать, всегда и во всем слушать свою совесть и блюсти ее незапятнанною и мирною, и всю жизнь свою, – и внутреннюю, и внешнюю, – предать в руки Божии. Из сих духовных стихий благодать Божия, в свое время пришедши, слив их во едино, возжигает огонь духовный в сердце, который и служит свидетелем присутствия благодати в сердце. Сим путем трудно попасть в мнение. Но и тут с руководителем лучше, наличным, который бы видел лицо и слышал голос. Ибо сии два открывают, что внутри.

379. Читатель найдет в Добротолюбии, в слове Симеона Нового Богослова, о трех образах молитвы, в слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов, наставление о художественном ввождении ума в сердце при пособии естественного дыхания, иначе, механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение Отцов затрудняло и затрудняет многих читателей, между тем как тут нет ничего затруднительного. Советуем возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. И многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие, и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтоб ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начнет переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный Отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены Отцами единственно как пособия к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное. Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без

внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями... Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца.

380. «Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего другого, – говорит Симеон Новый Богослов: беспопечение о всем, даже благословном, а не только неблагословном и суетном, или иначе, умертвиться всему; – совесть чистую во всем так, чтоб она не обличала тебя решительно ни в чем, – и совершенное беспристрастие, чтоб помысл твой не клонился ни к какой мирской вещи. Стой вниманием внутри себя самого (не в голове, а в сердце)».

При сем Святой Симеон указывает некие внешние приемы, кои иных соблазняют и отбивают от дела, а у других покривляют самое делание. Так как сии приемы, по недостатку руководителей, могут сопровождаться недобрыми последствиями, а между тем суть ничто иное, как внешнее приспособление к внутреннему деланию, ничего существенного не дающее, то мы их пропускаем.

Существо дела есть – пообрести навык стоять умом в сердце, – в этом чувственном сердце, но не чувственно. Надо ум из головы свести в сердце, и там его усадить, или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем.

Как этого достигнуть?

Ищи и обрящешь. – Удобнее сего достигнуть хождением пред Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь.

Но помнить надо, что наш только труд, а само дело, то есть, сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаемый, когда и как хочет Господь. Лучший пример – Максим Кавсокаливит.

381. Не сбейтесь на некоторых внешних приемах, при умной Иисусовой молитве. Для иных они нужны, а для вас не нужны. Время прошло. Место сердца, о коем там говорится, вы должны знать. Прочего не касайтесь. Дело Божие просто; молитва – речь детей к Отцу, без всяких казистостей, Господь да умудрит вас во спасение!

Кто не нашел еще дороги внутрь себя, тому путешествия по святым местам помощны, а кто нашел, тому они разорительны: выводят из середины наружу. Вы теперь усовершенствуйтесь во внутри-пребывании, а то внешнее – оставьте.

382. Получившим и усвоившим себе несчастное предубеждение против молитвы Иисусовой, несколько не знакомым с нею из правильного и длительного упражнения ею, было бы гораздо благоразумнее, гораздо безопаснее воздерживаться от суждения о ней, сознавать свое решительное неведение этого священного подвига, нежели принимать на себя обязанность проповеди против упражнения молитвою Иисусовою: провозглашать, что эта всевятая молитва служит причиною бесовской прелести и душепогибели. В предостережение им нахожу необходимым сказать, что хуление молитвы именем Иисуса, приписание зловредного действия этому имени равносильно той хуле, которую произносили фарисеи на чудеса, совершаемые Господом... Невежественное богохульное умствование против молитвы Иисусовой имеет весь характер умствования еретического.

383. Вы читаете Добротолюбие: хорошо. В статьях Игнатия и Каллиста, Григория Синаита и Никифора не запутайтесь. Поищите, нет ли у кого жизни старца Паисия Нямецкого. Там помещены предисловия к некоторым статьям Добротолюбия, составленные старцем Василием. Сии статьи много разъясняют значение механизма в производстве молитвы Иисусовой. Они и вам помогут понять все, как следует. Я уже поминал, что для вас тот механизм не нужен. Что он даст, у вас уже есть с той минуты, как призваны. Не придите вы к неправому помышлению, что дело молитвы вашей уже закончено. Возрастание молитвы конца не имеет. Если останавливается сие возрастание, значит жизнь остановилась. Спаси вас Господи и помилуй! Можно выйти из должного состояния, и одну память о нем принимать за самое состояние. Избави, Господи!

Чувствуете рассеяние мыслей: пооберегитесь! Это очень опасно. Враг хочет загнать вас в какую-нибудь трущобу, и там убить. Мысли блуждать начинают от умаления страха и охлаждения сердца. Охлаждение же сердца много имеет

причин. Главная из них – самодовольство и самомнение. Вам эти очень сродны. Поостерегитесь, и поспешите страх Божий восстановить и душу разогреть.

384. Все писания Отцов греческих достойны глубокого уважения по обилию живущих в них и дышащих из них благодати и духовного разума; но сочинения российских Отцов, по особенной ясности и простоте изложения, по большей близости к нам относительно времени, доступнее для нас, нежели писания греческих светильников. В особенности писания старца Василия можно и должно признать первую книгою, к которой в наше время желающему успешно заняться Иисусовою молитвою необходимо обратиться. Таково и назначения ее. Старец назвал свои писания предпутиями, предисловиями, или таким чтением, которое приготавливает к чтению греческих Отцов.

385. Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвою Иисусовою и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть, неупустительным участием в церковных службах и неупустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословия устных и гласных. Они не могут избежать «мнения», как это объясняет упомянутый старец Василий в предисловии к книге святого Григория Синаита, ссылаясь преимущественно на писания преподобных – этого Григория и Симеона, Нового Богослова. Признак вкравшегося «мнения» вынаруживается в подвижниках тем: когда они думают о себе, что проводят внимательную жизнь, часто от гордости презирают других... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвою Иисусовою.

Учение старца Паисия об Иисусовой молитве, умом в сердце совершаемой

«Сладостна бывающая в сердце чистая и постоянная память об Иисусе и происходящее от нее неизреченное просвещение».

Учение старца Паисия об Иисусовой молитве, как и его учение о монашестве, тесно связано с учением об этом предмете его учителя и друга схимонаха Василия. Поэтому мы сначала вкратце передадим учение об Иисусовой молитве старца Василия, изложенное им в предисловиях на книги святого Григория Синаита, блаженного Филофея Синайского и блаженного Исихия Иерусалимского.

Свое предисловие на книгу святого Григория старец Василий начинает указанием неправильности мнения тех, которые думают будто бы умное делание прилично одним только совершенным, достигшим бесстрастия и святости. Думающие так, ограничивают свое моление одним только внешним исполнением псалмопения, тропарей и канонов, не понимая того, что такое внешнее моление назначено нам святыми отцами только как временное в виду немощи и младенчества нашего ума с тем, чтобы мы, постепенно совершенствуясь, восходили на ступень умного делания и ни в каком случае не оставались при одном только внешнем молении. По словам святого Григория, только одним младенцам свойственно, совершая устами внешнее моление, думать, что они совершают что-то великое, и утешаясь количеством читаемого, выращивать в себе внутреннего фарисея. По словам святого Симеона Нового Богослова тот, кто ограничивается внешним деланием молитвы, не может достигнуть внутреннего мира и преуспеть в добродетели, ибо он подобен ведущему борьбу со своими врагами в ночной темноте; он слышит голоса врагов, получает раны от них, но не видит ясно, кто они, откуда они пришли, как и для чего они борются с ним? По словам святого Исаака Сирина и преподобного Нила Сорского, если бы кто-нибудь захотел помимо умной молитвы одним только

внешним молением и внешними чувствами отразить прилог вражий и противостать какой-либо страсти или лукавому помыслу, тот скоро оказался бы много раз побежденным: ибо бесы, одолевая его в борьбе и снова добровольно ему покоряясь, как бы им побеждаемые, издеваются над ним и располагают его к тщеславию и самонадеянности, провозглашая его учителем и пастырем овцам. Из сказанного можно видеть силу и меру, как умной молитвы, так и внешнего моления. Не следует думать будто святые отцы, удерживая нас от неумеренного внешнего моления и обращая к умной молитве, уничижают этим внешнюю молитву. Да не будет! Ибо все священнодействия Церкви установлены в ней Святым Духом и все они отображают в себе тайну воплощения Бога Слова. И нет ничего в церковных обрядах человеческого, но все есть дело Божией благодати, не возрастающее от наших достоинств и не умаляющееся от наших грехов. Но мы говорим сейчас не об уставах святой Церкви, а об особом правиле и жительстве каждого из монахов, т.е. об умной молитве как таком делании, которое, усердием и сердечною правотою, а не одними только словами произносимыми без внимания устами и языком, обычно привлекает благодать Святого Духа. И этим умным деланием может разумно заниматься не только совершенный, но и всякий новоначальный и страстный, блюдя сердце. И потому святой Григорий Синаит, более всех и до тонкости рассмотревший и обсудивший живущую в нем благодатию Святого Духа, жития и писания и духовные подвиги всех святых, заповедует иметь все старание об умной молитве.

Также и святой Симеон Солунский заповедует и советует и архиереям, и священникам, и монахам, и мирянам на всякое время и на всякий час произносить эту священную молитву и как бы дышать ею, ибо нет более крепкого оружия ни на земле, ни на небе, говорит он вместе со святым апостолом, как имя Иисуса Христа. Знай и то, добрый труженик этого священного делания, что не только в пустыне или в уединенном отшельничестве были учителя и многочисленные делатели этого священнодействия, но и в самых великих лаврах и даже в городах. Например, святейший патриарх Фотий, возведенный на

патриаршество из сенаторского звания и не будучи монахом, уже на своем высоком посту обучился умному деланию и до такой степени преуспел в нем, что по словам святого Симеона Солунского лицо его сияло благодатию Святого Духа как у второго Моисея. По словам того же святого Симеона, патриарх Фотий написал и замечательную книгу об умном делании. Он же говорит, что и святой Иоанн Златоуст, и святые Игнатий и Каллист, будучи патриархами того же Царьграда, написали свои книги об этом внутреннем делании.

Итак, если ты, возражая против умной молитвы, скажешь что ты не пустынножитель, чтобы тебе заниматься этим деланием, то тебя обличат патриарх Каллист, который обучился умному деланию, проходя поварскую службу в великой лавре Афонской, и патриарх Фотий, который, будучи уже патриархом, обучился искусству сердечного внимания. Если ты ленишься заниматься умным трезвением, ссылаясь на послушания, то ты особенно заслуживаешь порицания, ибо, по словам святого Григория Синаита, ни пустыня, ни уединение не бывают настолько полезны при этом делании, как разумное послушание. Если ты скажешь, что не имеешь учителя, который научил бы тебя этому деланию, сам Господь повелевает тебе учиться из Священного Писания, говоря: «испытайте писания, и в них обрящете живот вечный». Если ты смущаешься, не находя безмолвного места, тебя опровергает святой Петр Дамаскин, который говорит: «в том состоит начало спасения человека, чтобы оставить свои хотения и разумения и исполнять Божии хотения и разумения, и тогда во всем мире не найдется такой вещи или места, которые могли бы воспрепятствовать спасению». Если тебя смущают слова святого Григория Синаита, много говорящего о прелести, бывающей при этом делании, то сам же этот святой отец и исправляет тебя говоря: «мы не должны ни бояться, ни сомневаться призывая Бога. Ибо, если некоторые и совратились, повредившись умом, знай, что они потерпели это от самочиния и высокоумдия. Если же кто в повиновении с вопрошением и смиреноумдием ищет Бога, никогда не потерпит вреда благодатию Христовой. Ибо праведно и непорочно живущему и избегающему самоугодия и

высокомудрия не может причинить зла, по словам святых отцов, весь бесовский полк, хотя бы и воздвиг на него бесчисленные искушения. Только самонадеянно, самосоветно поступавшие впадают в прелесть. Те же, кто претыкаясь о камень Священного Писания, из опасения прелести уклоняются от умного делания, превращают белое в черное и черное в белое. Ибо не для запрещения умного делания учат нас святые отцы о причинах бывающей прелести, но для предохранения нас от прелести. Как и святой Григорий Синаит, повелевая обучающимся молитве не бояться и не сомневаться, указывает и причины прелести: самочиние и высокоумие. Желая, чтобы мы не получили от них вреда, святые отцы повелевают изучать Священное Писание и им руководствоваться, имея брат брата добрым советником, по слову Петра Дамаскина. Если ты страшишься приступить к умному деланию из благоговения и в простоте сердца, и я вместе с тобою готов устрашиться. Но не следует бояться пустых басней по пословице: «волка бояться – в лес не ходить». И Бога следует бояться, но не бежать от Него и не отрекаться от Него.

Не малым препятствием к деланию умной молитвы является для некоторых их телесная немощь. Не будучи в состоянии понести труды и посты, какие несли святые, они думают, что без этого им невозможно начать умное делание. Исправляя их ошибку, святой Василий Великий учит: «воздержание определяется каждому по его телесной силе» и, я думаю, не безопасно, разрушивши безмерным воздержанием силу тела, сделать его бездейственным и не способным к добрым делам. Если бы хорошо было для нас быть расслабленными телом и лежать как бы мертвыми, едва дышащими, то Бог таковыми бы нас и сотворил. Если же Он не сотворил нас такими, то согрешают те, кто прекрасное Божие создание не сохраняют таким, каким оно создано. Об одном только должен заботиться подвижник, не скрывается ли в душе его зло разленения, не ослабело ли трезвение и усердное обращение мысли к Богу, не омрачилось ли в нем духовное освящение и от него происходящее просвещение души. Ибо, если все упомянутое доброе в нем возрастает, то не будет

времени восстать в нем телесным страстям, когда душа его занята небесным и не оставляет телу времени для возбуждения страстей. При таком устроении души принимающий пищу ничем не различается от непринимającego. И он выполнил не только пост, но и совершенное неядение и имеет похвалу за свое особенное попечение о теле: ибо умеренное жительство не вызывает распаления похоти. Сосласно с этим и святой Исаак говорит: «если понудишь слабое тело выше силы его, двойное смущение наносишь душе». И святой Иоанн Лествичник говорит: «я видел эту враждебницу (утробу) упокоеваемой и бодрость уму подающей». И в другом месте: «я видел ее истаеваемую постом и возбуждающую похоть, дабы мы надеялись не на себя, а на Бога Живого». Так учит и история, которую вспоминает преподобный Никон: уже в наши времена был найден в пустыне один старец, который тридцать лет не видел ни одного человека, хлеба не ел, питаясь одними корнями, и он признался, что все эти годы он был борим блудным бесом. И отцы решили, что не гордость и не пища были причиною этой блудной брани, а то, что старец не был научен умному трезвению и противоборству вражиим прилогам. Потому-то и говорит святой Максим Исповедник: «Дай телу по силе его и весь твой подвиг обрати на умное делание». И святой Диадокх: «пост имеет похвалу сам по себе, а не по Богу: его цель приводить желающих в целомудрие». И потому не подобает о нем высокоумдрствовать подвижникам богочестия, но в вере Божией ожидать исхода нашего устроения. Ни в каком искусстве художники не судят по инструменту о результате работы, но ожидают окончания работы и по нему судят об искусстве. Имея такое установление о пище, не возлагая всю свою надежду на один пост, но в меру и по силе твоей постясь, стремись к умному деланию. Таким образом, ты и гордости можешь избежать, и не будешь гнушаться добрых Божиих творений, воздавая Богу за все хвалу.

Умная молитва есть могущественное оружие, которым подвижник побеждает невидимых врагов своих. Одни из святых отцов дают правила монашествующим вместе с деланием заповедей Христовых совершать продолжительное

псалмопение, каноны и тропари. Другие отцы, изучивши тончайшее делание духовного разума, находят недостаточным для новоначальных пребывать в одном только телесном обучении, но, преподавая им вместе с исполнением заповедей Христовых умеренное пение и чтение, устанавливают вместо длительного псалмопения и канонов делание умной молитвы, добавляя при этом, что, если Дух Святой посетит действием сердечной молитвы, тогда, ни мало не сомневаясь, оставлять внешнее правило, ибо восполняет его внутренняя молитва. Третьи, имея большой опыт и познания житий и писаний святых, особенно же будучи просвещены действием и премудростью Святого Духа, устанавливают для новоначальных общее, а не частичное обучение деланию умной молитвы, разделяя его на два вида – делательную и зрительную. Эти отцы повелевают иметь всю заботу об умном делании, отдавая пению немного времени только в часы уныния, ибо, по их словам, церковные службы и песнопения преданы всем вообще христианам, а не тем, которые хотят безмолвствовать. Впрочем и путем длительных псалмопений и чтением канонов и тропарей можно придти в преуспевание, хотя и очень медленно и с большими трудностями; вторым же путем удобнее и легче, а третьим всего скорее, и притом с отрадою и частым присещением Святого Духа, утверждающим и успокаивающим сердце, особенно при усердном старании и добром желании. Поскольку святая умная молитва срастворяется с соблюдением заповедей Божиих и изгоняет бесов и страсти, постольку, наоборот, небрегающий о заповедях и не заботящийся об умной молитве, но занимающийся одним только пением, бывает влачим страстями.

Преступление заповедей Господних во всех одинаково усматривается, но проявляется многообразно: напр., кто-нибудь положит себе за правило не преступать заповедь, не отдаваться страсти, но по некоторому обстоятельству или смущению или козни врага случится ему кого-нибудь оскорбить, или осудить, или разгневаться, или победится тщеславием, или спорить и оправдываться, или празднословить, или солгать, или объесться, или опиться, или скверное подумать, или что-нибудь подобное совершить. Чувствуя себя виноватым перед Богом, он

тотчас же начинает укорять себя и с покаянием припадать перед Богом умною молитвою от сердца, да простит его Бог и подаст ему помощь не впадать больше в такие согрешения. И, таким образом, он полагает начало соблюдению заповедей и хранению своего сердца от злых прилогов в молитве, боясь и трепеща, чтобы из-за них не потерять Царствия Небесного. Другой же живет просто, нерадя о том, падает ли он, или стоит, и думая, что в настоящие времена нет людей, хранящих заповеди и боящихся преступить их, и что всякий волей или неволей погрешает перед Богом и бывает виновен в тех или иных тонких грехах и страстях: и потому он не хочет и беречься от них, считая это вещь невозможной. Считая себя ответственным лишь за прелюбодеяние и блуд, убийство и кражу, отраву и тому подобные смертные грехи и воздерживаясь от них, он мнит себя стоящим. К таковому относятся слова отцов: лучше падающий и восстающий, нежели стоящий и некающийся. Нужно удивляться, как оба эти человека повинные в одних и тех же всечастных грехах, являются различными перед Богом, да, думаю, и перед духовными людьми. Один совсем не знает падения и восстания, хотя им и владеют страсти; другой же падает и восстает, побеждается и побеждает, подвизается и трудится, не хочет отвечать злом за зло, но не удерживается вследствие привычки, старается не сказать чего-нибудь злого, скорбит, когда получает обиду, однако укоряет себя за то, что скорбит, и кается в этом, или, если и не скорбит о полученной обиде, то и не радуется. Все находящиеся в таком устройении суть противящиеся страсти, не хотят покоряться ей, скорбят и борются. Отцы же сказали, что всякая вещь, которой не хочет душа, маловременна.

Хочу еще сказать об искореняющих страсти. Есть такие, которые радуются, когда получают обиду, но потому, что надеются иметь награду. Таковой и принадлежит к искореняющим страсти, но не с разумом. Другой радуется, получая обиду и считает, что он и должен был ее получить, ибо сам подал к тому повод. Таковой с разумом искореняет страсть. Есть, наконец, и такой, который не только радуется, будучи обижаем и считает себя самого виновным, но еще и скорбит о

смущении своего обидчика. Да введет нас Бог в такое устроение души! Для более ясного познания того и другого жительства скажем еще так: первый, подчиняя себя закону, исполняет только свое пение, второй же понуждает себя к умному деланию, имеет всегда с собою имя Иисуса Христа для истребления врага и страстей. Тот радуется, если только окончит пение. Этот же благодарит Бога, если в тишине, не возмущаясь злыми помыслами, творит молитву. Тому желательно количество, этому – качество. У того, спешащего исполнить количество пения, скоро создается радостное самомнение, полагаясь на которое, он питает и растит в себе внутреннего фарисея, если не внимает себе. У этого, дорожащего качеством молитвы, бывает познание своей немощи и помощи Божией. Молясь, или лучше сказать, призывая Господа Иисуса на прилоги вражьи, на страсти и на злые помыслы, он видит их погибель от страшного имени Христова и понимает Божию силу и помощь. С другой стороны, насилуемый и смущаемый злыми помыслами, познает свою немощь, ибо не может противостать им одними только своими силами. И в этом состоит все его правило и вся жизнь. И хотя враг может и ему внушать радостное самомнение и фарисейские мысли, однако он встречает в этом подвижнике готовность приывать Христа на все злые помыслы и, таким образом, не достигает успеха в своих кознях. Но скажет кто-нибудь, что и первому возможно приывать Христа на вражий прилог. Да, возможно, но каждый по опыту знает, что в настоящее время у делателей внешнего правила нет обычая обучаться молитве на злые помыслы. Таковые особенно не хотят принимать слова произносимого или пиемого о внутреннем внимании, в коем заключается наука моления на злые помыслы. И не только не принимают, но и противятся, и учителей своих выставляя, утверждают, будто бы новоначальным не положено святыми отцами умное делание, а только одно псалмопение, тропари и каноны устами и языком произносимые. И хотя они говорят и учат это неправильно, однако все их слушают, ибо такое моление не требует обучения или отречения от мирских похотей, но всякий, стоит только ему

захотеть, может так молиться, монах ли или мирянин. Священное же умное делание, будучи славным и богоугодным искусством из искусств и, требуя не только отречения от мира с его похотями, но еще и многого наставления и обучения, не находит исполнителей среди монахов. При всем том следует опасаться правых и левых уклонений, т.е., отчаяния и самонадеянности. Замечая, что у обучающихся умному деланию бывают по случаю, а не намеренно, невольные падения, называемые отцами повседневными грехами, не должно приходить от этого в сомнение, ибо по мере всякого бывает и преуспеяния и ниспадения от доброго к противоположному. С другой стороны, слыша о великой милости Божией к нам грешным, мы не должны быть самонадеянными и бесстрашно приступать без великого смирения и посильного исполнения заповедей к этому умному священнодействию. Сознавая, что и самонадеянность и отчаяние внушаются врагом, бегать крепко и того, и другого.

И, таким образом, со многим рассмотрением Священного Писания и, пользуясь советом искусных, во смирении обучаться этому деланию. Святые отцы, которые учат одними заповедями Христовыми побеждать страсти и очищать сердце от злых помыслов, указывают подвижникам иметь два крепчайших оружия – страх Божий и память вездеприсутствия Божия, по сказанному: *«страхом Господним всяк уклоняется от зла»* (Пс.33:10), и: *«предзрех Господа предо мною выну, да не подвижуся»* (Пс.15:8), предлагают кроме того иметь память смерти и геенны и еще чтение святых писаний. Все это хорошо для хороших и благоговейных мужей; у нечувственных же и окамененных, хотя бы и сама геенна или сам Бог видимым образом открылись, никакого не явится от этого страха. При том же и сам ум в новоначальных монахах скоро притупляется к памяти таковых вещей и бежит от них, как пчела от курения дыма. Но хотя указанная память и бывает добра и полезна в час брани, духовнейшие и искуснейшие отцы сверх этого добра указали и еще большее и несравненное добро, могущее помогать даже и весьма слабым.

Первое средство можно сравнить с тем, когда мелют в жерновах своими руками и своею собственною силой, а это последнее средство, когда мелют на мельнице водою и различными приспособлениями. Как вода сама собою движет колеса и камень, так и пресладкое имя Иисуса, вместе с памятью о Боге всецело живущем в Иисусе, подвигает ум в молитву, о чем великий в богословии Исихий говорит: «душа благодетельствуемая и услаждаемая Иисусом с радостью и любовью и исповеданием воссылает хвалу Благодарителю, благодаря и призывая Его с веселием», и в другом месте: «как невозможно проводить эту жизнь без пищи и питья, так невозможно без умного хранения душе достигнуть чего-либо духовного и угодного Богу или освободить свой ум от греха, хотя бы кто и принуждал себя не грешить из-за страха мук». И еще: «проникшие в наше сердце помыслы, если мы их не хотим и крепимся и противостоим, может изгонять молитва Иисусова, произносимая из глубины сердца». Первым из указанных выше средств, без умного делания, хотя и достигается преуспеяние, однако очень медленно и с трудом. Вторым же средством скоро и легко приближается делатель к Богу. Ибо там бывает одно только внешнее моление и поучение, и делание заповедей, здесь же и то, и другое, и внешнее, и внутреннее хранение. Когда новоначальный монах, по отречении его от мира и действия грехов великих и смертных, положит пред Богом обещание воздерживаться не только от малых грехов, повседневных и простительных, но и от действия самих страстей и злых помыслов, и, войдя внутрь к сердцу умом своим, начнет призывать на всякую брань и на всякий злой помысл Господа Иисуса или, если по немощи своей уступит прилогу вражю и нарушит заповеди Господни, припадет к Господу с сердечной молитвою, каясь, осуждая себя, и в этом устроении пребудет до своей кончины, падая и восставая, побеждаясь и побеждая, день и ночь прося отмщения от соперника своего, то не будет ли существовать для него надежда на спасение? Ибо как показывает опыт, невозможно даже и самым великим мужам вполне уберечься от повседневных грехов, сущих не к смерти, источником которых

бывают: слова, мысль, неведение, забвение, неволя, воля, случай и которые прощаются вседневною благодатию Христовой по словам святого Кассиана. Если кто, малодушествуя, скажет, что святой Кассиан под очищающимися благодатию Христовой от вседневных грехов понимает одних святых, а не новоначальных и страстных, пусть будет место и такому мнению, но ты, главным образом, принимай во внимание суждение и решение о таких вещах святых писаний, по которым всякий новоначальный и страстный осуждается этими повседневными грехами, и снова может получить прощение благодатию Христовой, как и все святые всечасным покаянием и исповеданием Богу. Ибо, как говорит святой Дорофей, есть служащий страсти и есть сопротивляющийся страсти. Служащий страсти, когда услышит одно слово, теряет покой, или говорит пять слов или десять в ответ на одно слово и враждует, и смущается, и даже потом, когда уже успокоится от волнения, не перестает злобствовать на сказавшего ему то слово, и печалится о том, что не сказал ему больше, нежели сказал, и придумывает слова, еще более злые, чтобы сказать ему, и постоянно говорит: почему я не сказал ему так? скажу ему еще так-то и все время гневается. Это одно устройство, когда злое состояние является обычным. Другой, когда услышит слово, также теряет спокойствие и также говорит в ответ и пять, и десять слов и скорбит, что не сказал еще трех слов более обидных, и печалится, и помнит зло, но проходит немного дней и он умиротворяется; иной неделю остается в подобном состоянии, а иной через день утихает, а иной обижает, враждует, смущается, смущает и тотчас же утихает. Вот сколько бывает различных устройств, и все они подлежат суду, пока остаются в силе. Поэтому можно судить и о всех других случаях, почему страстный не может очиститься благодатию Христовой от повседневных грехов, кажущихся малыми.

Рассмотрим теперь, когда подобные же грехи бывают простительны новоначальным и страстным. Тот же святой Дорофей говорит: бывает, что кто-нибудь, услышав слово, скорбит в себе, но не о том, что получил неприятность, но о том, что не перетерпел. Этот находится в устройении

сопротивляющегося страсти. Другой борется и трудится и побеждается страстью. Иной не хочет отвечать злом на зло, но увлекается привычкою. Иной старается не сказать ничего злого, но скорбит, что получил огорчение, и упрекает себя за то, что скорбит, и кается в этом. Иной же не скорбит, что получил огорчение, но и не радуется. Все они суть сопротивляющиеся страсти: они не хотят служить страсти и скорбят, и подвизаются. Таковые хотя и страстные, но благодатию Христовой могут получить прощение вседневных грехов, не с намерением, но невольно совершаемых, о которых Господь заповедал святому Петру до седмижды семидесяти раз прощать в день. Это же самое говорит и святой Анастасий Синаит: «мы так рассуждаем и думаем о принимающих святые Таины Тела и Крови Господних, что если они имеют некоторые малые и простительные грехи, как то: погрешают языком, слухом, оком или тщеславием, или печалью, или раздражительностью, или чем-нибудь другим подобным, но осуждают себя и исповедуют свой грех Богу, и таким образом, принимают святые Таины, таковое принятие бывает им во очищение грехов их. Так как в начале было нами сказано о благоискусном преодолении страстей умною молитвою и заповедями, покажем теперь яснее и самый ход умного сражения со страстями. Находит ли на нас прилог вражий какой-либо страстью или злым помыслом, делатель молитвы призывает на них Христа и погибает диавол со своим прилогом. Падет ли по немощи мыслью или словом, или раздражительностью, или плотским пожеланием, молит Христа, исповедуясь Ему и каясь. Объят ли бывает унынием и печалью, стесняющими его ум и сердце, хватается за память смерти и геенны и вездеприсутствия Божия и, немного при помощи их потрудившись, призывает Христа. Затем, обретши мир от борьбы, снова молит Христа быть милостивым к нему за его грехи вольные и невольные. И, одним словом, в час брани и мира душевного прибегает он ко Христу, и бывает ему Христос вся во всех, как в добрых, так и в злых обстоятельствах. И не увлекается таковой самомнением, будто бы он выполняет что-либо, молясь или угождая Богу. Ибо иной есть смысл внешнего моления, иной же сего внутреннего: тот, исполняя количество

пения, уповаает этим угодить Богу; оставляя же его, осуждает себя. А этот, будучи укоряем совестью в повсечасных грехах и терпя нападение вражиих прилогов, всегда вопиет ко Христу, держа в уме своем слова: «если и на всю лестницу совершенства взойдешь, о прощении грехов молись». И опять: «хочу лучше пять слов сказать умом моим, нежели десять тысяч языком», и таким образом без всякого сомнения выполняет указанное святым Дорофеем сопротивление страстям.

Если же кто скажет, что можно и без умного делания очиститься от грехов благодатию Христовой через покаяние, тому отвечаем так: поставь с одной стороны заповеди Христовы, с другой же всегдашнюю молитву: и остави нам долги наши. Дай мне и истинную решимость не нарушать ни одной заповеди, т.е., не похотствовать, не гневаться, не осуждать, не клеветать, не лгать, не празднословить, любить врагов, добротворить ненавидящим, молиться за обижающих, уклоняться сластолюбия, сребролюбия и блудных помыслов, печали, тщеславия, презорства: одним словом, всех грехов и злых помыслов. И с такою решимостью приступи к обучению умному деланию и замечай внимательно, сколько раз в день, вопреки своей решимости, ты нарушишь заповеди и какими грехами, страстями и злыми помыслами уязвишься. Поревнуй той вдовице, которая умоляла судью день и ночь, и начини вопить ко Христу ежечасно за всякую заповедь, которую нарушишь, и за всякую страсть, за всякий злой помысл, которым будешь побежден. Присоедини к этому доброго советника – святое писание, и, проведя так немало времени, приди и научи меня, что ты увидишь в душе своей. Едва ли и сам ты не признаешь, что невозможно уместиться всему этому во внешнем молении, но только в умном делании. Ибо оно научает своего ревнителя всем этим тайнам и удостоверяет душу его, что, оставляя многое псалмопение, каноны и тропари, и обращая всю свою заботу на умную молитву, он не только не погубляет своего правила, но еще и умножает его. Как у ветхозаветного закона сила и хотение были в том, чтобы всех приводит ко Христу, хотя этим казалось и умалялся сам закон, так и многое пение отсылает делателя к умной молитве, а не

распростирается на всю монашескую жизнь. Ибо и сам опыт научает такового, когда он, молясь, замечает как бы некоторое преграждение между ним и Богом, как бы медную стену, по пророку, не позволяющую уму ясно взирать к Богу в молитве, или внимать сердцу, в котором заключены все душевные силы и источник помыслов, как добрых так и злых.

Умное делание несомненно требует страха и трепета, сокрушения и смирения, и многого испытания Священного Писания и советования с единомышленными братьями, но ни в каком случае не бежания и отрицания, а также и не дерзости, и не самочиния. Дерзкий и самонадеянный, стремясь к тому, что выше его достоинства и устройства, с гордостью поспешает к зрительной молитве. Охваченный тщеславною мечтою взойти на высокую степень, проникнутый сатанинским, а не истинным желанием, таковой легко уловляется дьявольскими сетями. И что нам порываться к высокому преуспеянию в умной и священной молитве, которого по святому Исааку едва удостоивается один из десяти тысяч? Довольно, вполне довольно для нас, страстных и немощных, увидеть хотя след умного безмолвия, т.е., делательную умную молитву, которою прогоняются от сердца прилоги вражии и злые помыслы, в чем и состоит дело новоначальных и страстных монахов, через которое можно достигнуть, если Бог захочет, и зрительной или духовной молитвы. И не следует нам унывать от того, что немногие удостоиваются зрительной молитвы, ибо у Бога нет неправды. Только не будем лениться идти путем ведущим к этой священной молитве, т.е., делательною умною молитвою будем сопротивляться прилогам и злым помыслам. Идя этим путем святых, мы удостоимся и жребия их, хотя и не здесь на земле, как говорят святой Исаак и многие другие святые.

Умная молитва сопровождается различными телесными ощущениями, среди которых нужно отличать правильные от неправильных, благодатные от естественных и от происходящих от прелести. Ужаса и удивления достойно, говорит старец Василий, как некоторые, зная Священное Писание, не вникают в него. Другие же, и, не зная и не спрашивая опытных, осмеливаются, полагаясь на собственный разум, приступать к

умному вниманию и при этом говорят, что внимание и молитву нужно совершать в желательной области: это, говорят они, есть область чрева и сердца. Такова первая и самопроизвольная прелесть: не только молитвы и внимания не следует совершать в этой области, но и самую ту теплоту, которая происходит в час молитвы из похотной области в сердце, ни в каком случае не нужно принимать.

По слову святого Григория Синаита нужен не малый труд, чтобы ясно постигнуть и сохранить себя в чистоте от того, что противно благодати, ибо диавол имеет обыкновение показывать новоначальным свою прелесть под видом истины, представляя им зло, как нечто духовное, показывая мечтательно одно вместо другого по своему произволу, вместо теплоты, возбуждая свое жжение, и вместо веселия, доставляя бессмысленную радость и чувственную сладость. Впрочем, делателю умной молитвы полезно знать и то, что жжение или теплота иногда поднимается от чресл к сердцу и сама собою, естественным образом, если не сопровождается блудными помыслами. И это, по словам святейшего патриарха Каллиста, происходит не от прелести, но от естества. Если же кто-нибудь посчитает эту естественную теплоту за благодатную, то это уже будет, несомненно, прелесть. Поэтому подвижающийся должен не останавливать на ней своего внимания, но отгонять ее. Иногда же диавол, соединивши свое жжение с нашею похотью, увлекает ум в блудные помыслы. И это есть несомненная прелесть. Если же тело все разогревается, а ум остается чистым и бесстрастным, и как бы прикрепленным и погруженным в глубине сердца, начиная и оканчивая молитву в сердце, это есть, несомненно, от благодати, а не от прелести.

В другом месте старец Василий говорит о телесных ощущениях при умной молитве следующее: прежде всего по словам святейшего патриарха Каллиста приходит теплота от почек, как бы опоясующая их, и она кажется прелестью, но это не так: теплота эта не от прелести, но от естества, и есть последствие молитвенного подвига. Если же кто считает эту теплоту от благодати, а не от естества, то это несомненная прелесть. Но какова бы ни была эта теплота, подвижающийся

должен не принимать ее, но отвергать. Приходит и другая теплота – от сердца, и если при этом ум впадает в блудные помыслы, это есть несомненная прелесть; если же тело все от сердца разогревается, а ум остается чистым и бесстрастным, и как бы прикрепленным во внутреннейшей глубине сердца, то это есть несомненно от благодати, а не от прелести. Зная все это, необходимо с самого начала приучать свой ум в час молитвы стоять сверху сердца и смотреть в глубину его, а не на половине сбоку и не на конце внизу. Следует это делать потому, что когда ум стоит сверх сердца и внутри его совершает молитву, тогда он как царь, сидя на высоте, свободно наблюдает плещущие внизу злые помыслы и разбивает их, как вторых вавилонских младенцев о камень имени Христова. При этом, будучи значительно удален от чресл, он может легко избежать похотного жжения, ставшего присущим нашей природе через преступление Адама. Если же кто собирает внимание к молитве на половине сердца, тогда или по оскудению сердечной теплоты или вследствие ослабления ума и притупления внимания от частого совершения молитвы, или же под влиянием возбуждаемой от врага брани, ум сам собою ниспадет к чреслам и против воли смешивается с похотной теплотою. Некоторые по крайней своей нерассудительности или, лучше сказать, по неведению, начинают творить молитву снизу на конце сердца при чреслах, и, таким образом, касаясь умом своим частью сердца, частью чресл, сами призывают к себе прелесть, как заклинатель змею. Другие же, страдая совершенно неразумием, не знают даже самого места сердечного и думая, что оно находится посреди чрева, дерзают там творить умом молитву – горе их обольщению!

Так же следует различать и теплоту в молитве, какая есть естественный дар, излианный в сердце, как миро благоуханное через святое крещение, и какая привходит к нам от прародительского преступления, и какая возбуждается диаволом. Первая в одном только сердце с молитвою начинается и в сердце же заканчивает молитву, подавая душе успокоение и духовные плоды. Вторая от почек имеет начало и к почкам оканчивает молитву, причиняя душе жесткость,

студеность и смущение. Третья, возникши от смешения с похотным жжением, распаляет члены и сердце блудным сладострастием, пленяет ум скверными помыслами и влечет к телесному совокуплению. Внимательный все это скоро распознает и заметит: время, опыт и чувство все ему сделают ясным. Священное Писание говорит: «Господи, не доброе ли семя сеял еси? откуда убо возростоша плевелы?» Невозможно не вкрадываться злу в доброе: так и со священным умным деланием сплетается прелесть как плющ с деревом. Возникает прелесть от самомнения и самочиния и врачеством для нее служат смирение, исследование писаний и духовный совет, но не уклонение от обучения умному деланию. Ибо, по словам святого Григория Синаита мы не должны ни бояться, ни сомневаться, призывая Бога: ибо, если некоторые и сбились с пути, повредившись умом, знай, что они потерпели это от самочиния и высокоумия. Причина же высокоумию, с одной стороны, безрассудный и безмерный пост, когда постящийся думает, что он совершает добродетель, а не ради целомудрия постится; с другой стороны уединенное жительство. Устраняя первую причину, святой Дорофей говорит: «Безмолвствующий должен всегда держаться царского пути, ибо неумеренность во всем легко сопровождается самомнением, за которым следует прелесть». Уничтожая же вторую, говорит: «только сильным и совершенным подобает единоборствовать с бесами и извлекать на них меч, который есть слово Божие».

Самый способ и действие прелести состоят, во-первых: во вражьем приобщении в похоти внутренних чресл, и, во-вторых: в призраках и мечтании ума. Предостерегая от первого, святой отец говорит: хотя враг и преобразует естественное движение чресл, как бы в духовное, вместо духовной теплоты, возбуждая свое жжение, и вместо веселия, принося бессмысленную радость и заставляя принимать свою прелесть за действие благодати, но время, опыт и чувство изобличают его обман. Указывая на вторую опасность, святой отец учит так: ты же, когда безмолвствуешь, ни в каком случае не принимай, если что-нибудь видишь чувственно или умно, внутри или вне себя: образ ли Христов или ангелов, или святого, или свет, или огонь

и прочее. Здесь снова оживет возражатель и обвинит в прелести умное делание. Ибо они думают, что прелесть не примешивается внешнему пению. Однако да будет известно, что во всем: в пении ли, в молитве ли, прелесть имеет одинаковое место при неискусстве делателей, как говорит святой Иоанн Лествичник: «испытаем и посмотрим, и измерим, какая нам в пении сладость прибывает от блудного беса и какая от живущей в нас благодати и силы». И в другом месте: «помя и молясь, наблюдай приходящую сладость, как бы она не оказалась растворенною горькими отравками». Итак, ты видишь, что прелесть может одинаково постигнуть как поющих, так и проходящих молитву: но так как не знающие умного делания имеют одно только опасение, как бы им выполнить песенное правило, о злых же помыслах и похотном кипении они не доискиваются, то они и не знают, когда похотная часть сама вскипает, и когда возбуждается вражим приобщением, и как всего этого избежать. Они сражения слышат и раны получают, но кто их враги, и ради чего они воюют, этого не ведают. Познав из сказанного, что не умное делание бывает причиною прелести, но одно только наше самочиние и высокоумие, не следует нам убегать умной молитвы: ибо она не только не вводит нас в прелесть, но, напротив, открывает нам умные очи к ее познанию и уразумению, чего мы никогда не могли бы достигнуть, если бы не обучались этому священному умному деланию, хотя бы кто был и великий постник и безмолвник.

Ознакомившись с учением об умной молитве старца Василия, обратимся теперь к учению о том же предмете старца Паисия (Величковского). Как было уже сказано, старец Паисий вынужден был выступить со своим сочинением ради предостережения своих братий от распространившихся в то время нападков на умную молитву, хотя и признавал, что поставленная им себе задача превосходит силу его разума.

«Дошел до меня слух, пишет он, что некоторые лица монашеского звания, основываясь лишь на песке собственного суемудрия, осмеливаются хулить божественную Иисусову молитву, умом в сердце священнодействуемую. Вооружает их на это, смею сказать, враг, чтобы их языками, как собственным

орудием, опорочить это божественное дело и слепотою их разума омрачить это духовное солнце. Опасаясь как бы кто-нибудь, слушая их басни, не впал бы в подобную им хулу и не погрешил бы перед Богом, похулив учение столь многих богоносных отцов, учащих об этой божественной молитве и будучи при том не в состоянии равнодушно слушать дерзкие слова на это пренепорочное делание, а также убеждаемый усиленными просьбами ревнителей этой молитвы, я задумал, призвав на помощь сладчайшего моего Господа Иисуса, написать в опровержение ложного умствования пустословов и в утверждение богоизбранного стада, собравшегося в нашей обители, несколько слов об умной божественной молитве на основании учения святых отцов для твердого, непоколебимого и несомненного в ней удостоверения. И так я, прах и пепел, преклонив мысленные колена сердца моего пред неприступным величием Божественной славы Твоей, молю Тебя, едиnorodный Сыне и Слове Божий, просветивший слепорожденного, просвети и мой омраченный ум, даруй душе моей Твою благодать, да будет сей мой труд во славу имени Твоего и в пользу тем, кто хочет через умное делание молитвы духом прилепляться Тебе и всегда носить в сердце своем Тебя, а также и во исправление тех, кто по крайнему своему невежеству дерзнули похулить это божественное делание!» Далее следует изложение учения об умной молитве в шести главах.

В главе первой старец пишет о том, что умная молитва есть делание древних святых отцов и защищает ее против хулителей этой священной молитвы. Да будет известно, что это божественное делание было постоянным занятием древних богоносных отцов наших и просияло как солнце во многих местах пустынных и в общежительных монастырях: Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе, в Иерусалиме и окружающих его монастырях – словом, на всем востоке и в Царьграде, и во святой горе Афонской, и на островах морских, в последние же времена и в Великой России. Этим умным деланием священной молитвы многие из богоносных отцов наших, воспламенившись Серафимским огнем к Богу и ближнему, соделались строжайшими хранителями заповедей

Божиих и удостоились стать избранными сосудами Святого Духа. Многие из них, побуждаемые сокровенным божественным вдохновением, написали об этой божественной молитве, в согласии с божественным писанием ветхого и нового завета, книги святых своих учений, исполненные премудрости Святого Духа. И они это сделали по особому Божьему промыслу, чтобы как-нибудь в последующие времена не пришло в забвение это божественное дело. Но из написанных ими книг многие, Божиим за грехи наши попущением, истреблены сарацинами, овладевшими греческим царством, другие же милостью Божией сохраняются и до нашего времени. На это божественное умное делание и хранение сердечного рая никто из правоверующих не дерзал когда-либо произнести хулу, но всегда все относились к нему с великим почтением и крайним благоговением, как к вещи, исполненной великой духовной пользы.

Начальник же злобы и противник всякому доброму делу диавол, видя как в особенности через это умное делание молитвы монашеский чин, избирая благую часть, неотторжною любовью сидит у ног Иисусовых, в совершенстве преуспевая в Его божественных заповедях, начал употреблять все усилия, чтобы опорочить и похулить это спасительное дело, и если только возможно совершенно уничтожить его с лица земли: он стремился этого достигнуть то путем истребления книг, то посредством примешивания к чистой и небесной пшенице душетленных плевел, благодаря чему люди, не имеющие рассуждения, видя тех, кто самочинно коснулся этого делания и по возношению своему пожал терние вместо пшеницы, а вместо спасения нашел гибель, произносят хулу на это святое дело. Не довольствуясь сказанным, диавол отыскал в италийских странах калабрийского змия, гордостью своею во всем подобного диаволу, еретика Варлаама, и вселившись в него со всею своею силою, побудил его хулить и нашу православную веру и эту священную умную молитву. Смотрите же, други, дерзающие хулить умную молитву, не становитесь ли и вы соучастниками этого еретика и его единомышленников? Ужели не трепещете душою подпасть подобно им церковной анафеме и быть отчужденными от Бога? Какая, в самом деле, законная

причина имеется у вас хулить эту пренепорочную и треблаженную вещь? Я никак не могу понять. Кажется ли вам бесполезным призывание имени Иисусова? Но и спастись ни о ком ином невозможно, как только о имени Господа нашего Иисуса Христа. Ум ли человеческий, которым совершается молитва порочен? Но и это невозможно: ибо Бог создал человека по образу Своему и подобию; образ же Божий и подобие находятся в душе человеческой, которая как создание Божие, чиста и непорочна: а потому и ум, это главнейшее чувство душевное, подобное зрению в теле, также непорочен. Но может быть хулы заслуживает сердце, на котором как на жертвеннике, ум священнодействует Богу тайную жертву молитвы? Также нет. Ибо и сердце есть создание Божие, и как все тело человеческое зело добро есть. Итак, если призывание имени Иисусова спасительно, а ум и сердце человека суть творения рук Божиих, то какой же порок человеку от глубины сердца умом воссылать сладчайшему Иисусу молитву и просить у Него милости? Или, может быть, вы за то хулите и отвергаете умную молитву, что Бог, по вашему мнению, не слышит тайную в сердце совершаемую молитву, а только ту слышит, которая устами произносится? Но эта хула на Бога: Бог сердцеведец и самые тончайше помыслы, бываемые в сердце, или еще только имеющие появиться, Он в точности знает и все знает, как Бог и Всеведец. Он и сам ищет от нас такой тайной из глубины сердца воссылаемой молитвы, как жертвы чистой и непорочной, заповедуя: *«ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твои, помолися Отцу твоему, Иже в тайне; и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе яве»* (Мф.6:6).

Эти слова Господа святой Иоанн Златоуст, Христовы уста, светило всемирное, вселенский учитель, в 19-ой беседе на Евангелие от Матфея, по данной ему Духом Святым премудрости, относит не к той молитве, которая только устами и языком произносится, но к самой тайной, безгласной, от глубины сердца воссылаемой молитве, которую он научает совершать не телесным только образом, не только произношением уст, но усерднейшим произволением, со всякою тихостью и сокрушением духа, со слезами внутренними и

болезнью душевною, с затворением мысленных дверей. И приводит от божественного писания во свидетельство об этой тайной молитве – Боговидца Моисея и святую Анну и праведного Авеля, говоря так: «но болезнуешь ли душою? Не можешь и не вопить, ибо весьма болезнующему свойственно так молиться и так просить, как я сказал. Ибо и Моисей, болезнуя, так молился и болезнь его была услышана, почему и сказал ему Бог: что вопиеш ко мне? И Анна, хотя и голоса ее не было слышно, достигла всего, чего хотела: так как сердце ее вопияло. И Авель не молча ли и не по кончине ли своей молился? И кровь его издавала глас, сильнейший трубы. Стени и ты так же, как Моисей, не возбраняю. Раздери, как повелел пророк, сердце твое, а не ризы, из глубины призови Бога. «Из глубины, сказал он, возвах к Тебе, Господи!» От низу, от сердца возвыси голос; сделай таинством твою молитву». И в другом месте: «ты не людям молишься, но Богу вездесущему и слышащему прежде, нежели ты скажешь, и знающему прежде, нежели ты подумаешь: если так молишься, великую получишь награду». И еще: «Он, будучи невидим, хочет, чтобы и молитва твоя была таковая же».

Видите, други, что по свидетельству непреодолимого столпа православия существует и иная, кроме произносимой устами, тайная, невидимая, безгласная, из глубины сердца возносимая к Богу молитва, которую, как жертву чистую, как аромат благоухания духовного, принимает Господь, радуется ей и веселится, видя ум, который наиболее должен быть посвящен Богу, соединяемым с Ним молитвою. Зачем же вы на эту молитву вооружили хулою свой язык, понося, злословя, ненавидя, издеваясь, отвергая и отвращаясь ее, как самой скверной вещи и, вкратце сказать, даже не желая слышать о ней? Ужас и трепет схватывают меня при виде такого безумного вашего начинания! Но я и еще спрошу вас: не за то ли вы хулите эту спасительнейшую молитву, что, может быть, вам случилось видеть или вы слышали, что кто-нибудь из делателей этой молитвы повредился умом или принял за истину какой-либо обман, или потерпел какой-либо душевный вред, и вам подумалось, что причину всего этого была умная молитва? Но

нет! нет! Священная умная молитва, действующая благодатию Божией, очищает человека от всех страстей, побуждает его к усерднейшему хранению заповедей Божиих и сохраняет его невредимым от всех стрел вражиих и прелести.

Если же кто осмелится проходить эту молитву самочинно, не по силе учения святых отцов, без вопрошения и совета искусных, будучи к тому же надменен, страстен и немощен, живя без послушания и повиновения, да еще и проводя уединенное и пустынное житие, которого и следа за свое самочиние не достоин видеть, такой воистину, и я утверждаю, легко впадает во все сети и прелести диавола. Что же? Неужели эта молитва является причиною прелести! Да не будет! Если же вы за это порочите умную молитву, то вы должны порочить и нож, если бы какому-нибудь малому ребенку случилось, играя этим ножом, по неразумию своему причинить себе рану. Тогда нужно и воинам запретить носить меч воинский, если бы случилось какому-нибудь безумному воину заколоть себя мечом. Но как ни нож, ни меч нельзя считать виновниками причиняемого ими вреда, так и меч духовный, священная и умная молитва неповинна ни в чем дурном; виновны же самочиние и гордость самочинников, вследствие которых они впадают в бесовскую прелесть и подвергаются всякому душевному вреду.

Впрочем, зачем я так долго расспрашиваю вас о причине вашей хулы на эту священную молитву? Я знаю, о други, хорошо знаю самую существенную причину вашей хулы: во-первых, ваше не по заповеди Христовой, без испытания, чтение священных писаний; во-вторых, недоверие к учению святых отец наших, учащих об этой божественной молитве; в-третьих, крайнее ваше невежество, может быть никогда даже не видевших писаний о ней богоносных отец наших, или по крайней мере совсем неразумяющих силы их богомудрых слов – вот в чем заключается существенная причина вашего зломудрия. Если бы вы со страхом Божиим и полным вниманием, с несомненною верою, с трудолюбивым испытанием и смиренномудрием прочитали отеческие книги, содержащие в себе весь разум жития евангельского, и

необходимый монахам к пользе душевной и исправлению, к истинному здоровому и смиренномудрому образу мыслей, то никогда бы не попустил вам Господь впасть в таковую глубину злохуления. Но Он воспламенил бы вас своею благодатию через это делание к неизреченной любви Своей, так что вы вместе с апостолом готовы были бы воскликнуть: «*кто нас отлучит от любви Христовой?*» (Рим.8:35). И вы не только не произносили бы на нее хулы, но готовы были бы и душу свою за нее положить, ощутивши самым делом и опытом происходящую от этого умного внимания неизреченную душам своим пользу. Для избавления вас и всех сомневающихся от великого душевного вреда, я не нахожу более подходящего врачевания, как указать вам, насколько Господь поможет мне в этом, как святые богоносные отцы наши, основываясь на недвижимом камне священного писания, учат об этой всесвященной молитве, умом в сердце тайно совершаемой. Да и сами вы, когда ясно и наглядно увидите истину учения святых отец, при помощи благодати Божией коснувшейся душ ваших, исцелитесь от вашего духовного недуга, принесете Богу искреннее покаяние в своем заблуждении и сподобитесь милости Его и совершенного прощения вашего прегрешения.

Во второй главе старец Паисий объясняет, откуда умная Иисусова молитва ведет свое начало, и какие свидетельства священного писания приводят о ней богоносные отцы. Да будет известно, что по писаниям святых отцов существуют две умных молитвы. Одна для новоначальных, соответствующая деянию, другая для совершенных, соответствующая видению: первая есть начало, вторая конец, ибо деяние есть восхождение к видению. Должно знать, что по святому Григорию Синаиту существует восемь первых видений, перечисляя которые, он говорит так: «мы считаем восемь первых видений: первое – о Боге, безвидное и безначальное, несозданное, причина всего, Троичное Единство и превыше существенное Божество; второе – умных сил порядок и устроение; третье – сущего состав; четвертое – смирительное снисхождение слова; пятое – всемирное воскресение; шестое – страшное и второе Христово пришествие; седьмое – вечную муку; восьмое –

царство небесное, неимущее конца». Постараюсь теперь по мере моего слабого разума объяснить, в какой силе нужно понимать деяние и видение. Да будет известно (говорю это подобным мне, самым простым инокам), что весь монашеский подвиг, которым кто-либо при помощи Божией подвизается на любовь к Богу и ближнему, на кротость, смирение и терпение и на все прочие Божии и отеческие заповеди, на совершенное по Богу повиновение душою и телом, на пост, бдение, слезы, поклоны и прочие утомления тела, на всеусердное совершение церковного и келейного правила, на умное тайное упражнение в молитве, на плач и о смерти размышление, весь таковой подвиг, пока еще ум управляется человеческим самовластием и произволением, насколько известно, называется деянием, видением же ни в каком случае не называется.

А если бы где-нибудь умный подвиг молитвы в писаниях святых отцов и назывался зрением, то это лишь по просторечию, подобно тому как и ум, будучи оком души, называется зрением. Когда же при помощи Божией вышеуказанным подвигом, особенно же глубочайшим смирением очистит человек свою душу и сердце от скверных душевных и телесных страстей, тогда благодать Божия, общая мать всех, взявши очищенный ею ум, как младенца, за руку, возводит его как бы по ступеням на упомянутые духовные видения, открывая уму, по мере его очищения, неизреченные и непостижимые уму божественные тайны и это по справедливости называется истинное духовное видение: это есть зрительная или, по святому Исааку, чистая молитва, от нее же ужас и видение. Но войти в эти видения невозможно никому самовластно, произвольным подвигом, если не посетит его Бог и не введет в них Своею благодатию. Если же кто дерзнет восходить на таковые видения помимо света благодати Божией, тот, по святому Григорию Синаиту, пусть знает, что он воображает мечтания, а не видения, будучи прельщаем мечтательным духом.

Предложив это рассуждение о деятельной и зрительной молитве, время уже теперь показать, откуда божественная умная молитва имеет свое начало. Да будет известно, что по

неложному свидетельству богомудрого отца нашего Нила, постника Синайского, еще в раю самим Богом дана была первозданному человеку умная, подобающая совершенным, божественная молитва. Святой Нил говорит так: «помолившись, как должно, ожидай того, что не должно, и стань мужественно, храня плод свой. На это ты был назначен с самого начала: возделывать и хранить. И потому, возделав, не оставляй возделанного без хранения: если же ты этого не сделаешь, то ты не получишь никакой пользы от молитвы». Толкуя эти слова, российское светило преподобный Нил, пустынник Сорский, просиявший как солнце в великой России умным деланием молитвы, говорит так: «эти слова святой привел из Ветхого Завета – возделать и хранить; ибо говорит писание: сотворил Бог Адама и поселил его в раю возделывать и хранить рай. Под возделыванием святой Нил Синайский понимает молитву: под хранением необходимое после молитвы соблюдение от злых помыслов». Тоже самое говорит и преподобный Дорофей, что первозданный человек, поселенный Богом в раю, пребывал в молитве. Из этих свидетельств видно, что Бог, создав человека по образу Своему и по подобию, ввел его в рай сладости, возделывать сады бессмертные, т.е., мысли божественные, чистейшие, высочайшие и совершенные, как пишет святой Григорий Богослов. Это есть ничто иное, как то, что первому человеку, как чистому душою и сердцем, было назначено пребывать в зрительной, единым умом священнодействуемой, благодатной молитве, т.е., в сладчайшем видении Бога и мужественно оберегать ее, как райское делание, как зеницу ока, чтобы она никогда не отошла от души и сердца.

Но несравненно, большую получила эта молитва славу, когда всех святейшая, честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во святая святых и взошедши умною молитвой на крайнюю высоту боговидения, сподобилась быть пространним селением невместимого всею тварью Божия Слова, как свидетельствует об этом непреодолимый столп православия, святой Григорий Палама, архиепископ Фессалонитский в своем слове на Вход во храм Пресвятой Богородицы. Он говорит, что Пресвятая Дева,

пребывая во святая святых и уразумевши из священного писания о погибающем ради своего преслушания роде человеческом, и исполнившись к нему крайнего милосердия, восприяла умную молитву к Богу о скорейшем помиловании и спасении рода человеческого. Вот его собственные слова, достойные ангельского разума: «когда Богоотроковица услышала и увидела все происходящее, исполнившись милосердия к роду человеческому и, изыскивая способ исцеления и врачевства, равносильного такому страданию, она нашла нужным тотчас же всем умом обратиться к Богу, восприявши о нас молитву, чтобы понудить Непонуждаемого и привлечь Его к нам, дабы Он сам разрушил осуждение и связал с собою создание, исцелив немощное». И ниже: «не усматривая же из всего существующего ничего лучше этой молитвы подходящего для человека, устремляясь к молению крепко со всем старанием, Дева обретает священное безмолвие, как самое необходимое молитвенникам для собеседования. Всякая иная добродетель есть как бы врачевание в применении к душевным недугам и от малодушия укоренившимся лукавым страстям; боговидение же есть плод здравствующей души, как некоторое конечное совершенство. Поэтому человек боготворится не от словес и не от видимых действий предусмотрительной умеренности, ибо все это и земленно и низменно и человеческо; но от пребывания в безмолвии, благодаря которому мы отрешаемся и освобождаемся от земного и восходим к Богу; и пребывая на высоте безмолвного жития, ночью и днем терпеливо подвизаясь в молитвах и молениях, приближаемся некоторым образом и приступаем к неприступному и блаженному Естеству. И, таким образом, терпеливо творя молитву, срастворившуюся неизъяснимо существу выше ума и чувства Свету, мы видим в себе как в зеркале Бога, очистивши сердце священным безмолвием». И ниже: «вот почему Пречистая, отрекшись от житейского пребывания и молвы, удалилась от людей и предпочла жизнь всем невидимую и необщительную, пребывая в невходных. Здесь, отрешившись от всех вещественных уз, отказавшись от всякого общения и любви ко всему, и превзойдя снисхождение к

собственному телу, Она собрала ум к одному с Ним соображению, и пребыванию, и вниманию, и к непрестанной божественной молитве и через нее, сама в себе бывши, и устроившись превыше многообразного мятежа и помышления, она открыла новый и неизреченный путь на небо, который есть, скажу так, – мысленное молчание. Прилежа ему и внимая умом, она перелетает все создания и твари, лучше, нежели Моисей, зрит славу Божию, созерцает божественную благодать, ни в какой мере неподлежащую силе чувства, а также душ и умов нескверных благорадостное и священное видение, ставши причастницей которого, Она является светлым облаком живой воды, зарю мысленного дня, и огнеобразною колесницею Слова».

Из этих слов святого Григория Паламы видно, что Пресвятая Дева, пребывая во святая святых, взшла умною молитвою на крайнюю высоту боговидения и сама собою явила пример осмотрительного по внутреннему человеку жительства – отречением от мира во имя мира, священным безмолвием ума, мысленным молчанием к непрестанной божественной молитве и вниманию ума сосредоточением и восхождением через деяние к боговидению, дабы, взирая на нее, отрeksiеся от мира усердно подвизались в указанных умных трудах и потах, стараясь по мере сил Ее молитвами быть Ее подражателями. И кто может достойным образом восхвалить божественную умную, молитву, делательницей которой была сама Божия Матерь, наставляемая руководством Святого Духа!

Однако, во утверждение и несомненное удостоверение всех сомневающих настало время показать, какие свидетельства Священного Писания приводят о ней богоносные отцы, писавшие по просвещению божественной благодати. Божественная умная молитва имеет непоколебимое основание прежде всего в словах Господа Иисуса: *«ты же, егда молишия, вниди в клеть свою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, иже в тайне, и Отец твой видяй в тайне, воздаст тебе яве»* (Мф.6:6). Эти слова, как уже было сказано, святой Иоанн Златоуст толкует о безгласной, тайной, из глубины сердца воссылаемой молитве. Огненный же столп,

огненные уста Святого Духа, око церковное святой Василий Великий, толкуя слова Священного Писания: *«благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих»* (Пс.33:2), прекрасно поучает об умных устах и об умном действии, т. е., об умной молитве. Его слова об этом привожу в точности: *«выну хвала Его во устех моих»*. Думается, невозможно то, что говорит пророк: каким образом хваление Божие может быть всегда во устах человеческих? Когда человек ведет обычную житейскую беседу, он не имеет во устах хвалу Божию; когда спит, молчит, конечно; когда ест и пьет, как уста его совершают хвалу? На это отвечаем, что есть умные уста внутреннего человека, посредством которых человек становится причастником жизненного слова Божьего, которое есть хлеб, сшедый с небесе. Об этих устах говорит пророк: *«уста моя отверзох и привлекох дух»*. Эти уста и Господь призывает нас иметь отверстыми ко приятию пищи истинной: *«расшири, говорит Он, уста твоя и исполню я»* (Пс. 80:9). Может однажды начертанная и запечатленная в разуме души мысль о Боге именоваться хвалою, от Бога всегда пребывающей в душе. Может, по апостольскому слову, старательный все творит во славу Божию. Ибо всякое делание и всякое слово, и всякое действие умное имеет силу хваления. Праведник – ест ли он или пьет, или иное что делает, все во славу Божию делает: у него даже и спящего сердце бдит». Из этих слов святого Василия ясно, что кроме уст телесных существуют еще и умные уста и умное действие и хваление, мысленно во внутреннем человеке совершаемое.

Блаженству же соименный, египетское, лучше же сказать, вселенское солнце, ярче солнца просиявший дарованиями Святого Духа великий Макарий в своих словах об этой молитве говорит так: *«христианин должен всегда иметь память о Боге, ибо написано: «возлюбиши Господа Бога Твоего от всего сердца»* (Мк.12:30), чтобы он не только тогда, когда входит в молитвенный дом, любил Господа, но и тогда, когда ходит, беседует, ест и пьет, имел память о Боге и любовь, и желание; ибо сказано: *«идеже есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше»* (Мф.6:2). Преподобный же и богоносный древний отец,

святой Исаия постник, о сокровенном поучении, т.е., об Иисусовой молитве, мыслью в сердце совершаемой, приводит во свидетельство следующие слова Божественного Писания: *«согрейся сердце мое во мне, и в поучении моем разгорится огонь»* (Пс.38:4). Преподобный Симеон, просиявший в царствующем граде как солнце умною молитвою и неизреченными дарованиями Пресвятого Духа и за это получивший от всей церкви наименование Нового Богослова, в своем слове о трех образах молитвы пишет следующее: *«святые отцы наши, слыша слова Господа, яко от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы и та суть сквернящая человека (Мф.15:19), учившего очищать внутреннее сткляницы, да и внешнее будет чисто (Мф.23:26), оставивши мысль о всяком ином делании, подвизались в этом хранении сердца, несомненно зная, что при хранении сердца они и всякое иное делание без труда соблюдут, без него же никакая добродетель удержаться не может»*. Эти слова преподобного ясно показывают, что вышеупомянутые слова Господа божественные отцы признавали свидетельством и основанием хранения сердца, т.е., мысленного призывания Иисуса. Тот же преподобный во свидетельство божественной умной молитвы приводит еще и иные слова Священного Писания: *«веселися, юноша, в юности твоей, и ходи в путях сердца твоего непорочен и остави ярость от сердца твоего»* (Екл.11:9,10); и: *«аще дух владеющего найдет на тя, места твоего не остави»* (Екл.10:94).

И апостол Петр говорит: *«трезвитесь, бодрствуйте, зане супостат ваш диавол, яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити»* (1Пет.5:8). И апостол Павел, очевидно, о сердечном хранении пишет ефесянам: *«несть наша брань к крови и плоти, но к началам и ко властем и к миродержителям тьмы века сего»* (Еф.6:12). Преподобный Исихий пресвитер, богослов и учитель Иерусалимской церкви, написавший книгу в 200 глав о мысленном призывании в сердце Иисуса, т.е., об умной молитве, приводит следующие о ней свидетельства Божественного Писания: *«блаженны чистии сердцем, яко тии*

Бога узрят» (Мф.5:8) и опять: «внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоём беззакония» (Втор.15:9). И апостол говорит: «непрестанно молитесь» (1Сол.5:17) и сам Господь говорит: «без Меня не можете творити ничесоже. Иже будет во Мне и Аз в нем, сей сотворит плод мног». Божественный и богоносный отец наш Иоанн Лествичник об этой священной молитве и истинном безмолвии ума приводит из Священного Писания следующие свидетельства: «великий великие и совершенные молитвы делатель сказал: хочу пять словес умом моим рещи» и проч. и опять: «аз сплю, сердце же мое бдит» (Песн.5:2); и снова: «воззвах, рече, всем сердцем моим» (Пс.118:145). Богоносный отец наш Филофей, игумен обители Купины Пресвятой Богородицы на Синае, составивший о хранении сердца небольшую книжицу бесценных жемчужин божественной премудрости, в непоколебимое основание своего учения полагает слова Священного Писания: «во утрия избивах вся грешныя земли» (Пс.100:8) и: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк.17:21) и «уподобися царствие небесное зерну горушичну и бисеру, и квасу» (Мф.13:31); и опять: «всяким хранением соблюдай твое сердце» (Прем.4:23) и опять: «соуслаждаюся закону Божию во внутреннем человеце: вижду же ин закон сопротив воюющ закону ума моего и пленяющ мя» (Рим.7:22–23). Божественный отец наш Диадокх, епископ Фотикийский в своем слове об умной Иисусовой молитве дает следующие основания из Священного Писания: «никто же может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1Кор.12:3) и из притчи евангельской о купце, ищущем доброго бисера, заключает о молитве: «сей есть бисер многоценный, который ценою всего своего имения может приобрести человек и иметь неизреченную об его обретении радость». Преподобный отец наш Никифор постник в своем слове о хранении сердца уподобляет это божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу скрытому на поле и называет его «горящим светильником».

Божественный и богоносный отец наш Григорий Синаит, деланием этой молитвы во святой Афонской горе и других местах достигший высшего боговидения, составивший

божественною премудростью троичные песни, которые по всему миру еженедельно поются, сложивший также и канон животворящему кресту, приводит об этой божественной молитве следующие удостоверения из божественного писания: *«поминай Господа твоего выну»* (Втор.гл. 18) и опять: *«воутрие сей семя твое, и ввечер да не оставляет рука твоя»* (Еккл.11:6), и опять: *«аще бо молюся языком, дух мой молится, ум же мой без плода есть (1Кор.1:1); помолюся убо усты, помолюся и умом»*, и: *«хощу рещи пять словес умом»* и проч. Свидетелем он приводит Иоанна Лествичника, также относящего эти слова к умной молитве. Апостольским стопам последователь, непреоборимый столп православной веры, разорвавший на Флорентийском соборнице как паутинную сеть духоборные ереси латинян огненным мечом духа и истиною православных догматов, всесвященнейший, премудрейший и словеснейший митрополит Эфесский Марк пишет о божественной Иисусовой молитве: *«Подобало бы по заповеди непрестанно молиться, и духом и истиною поклонение Богу возносить; но расположение житейским помыслам и тяжесть попечений о теле отводит и отстраняет многих от Царствия Божия, внутри нас сущего и препятствует пребывать у умного жертвенника, принося от себя Богу духовные и словесные жертвы по божественному апостолу, сказавшему, что мы храм Бога живущего в нас и что Дух Его божественный живет в нас. И нет ничего удивительного, если это обычно бывает со многими, живущими по плоти, когда мы видим и некоторых отрекшихся от мира монахов, мысленно обуреваемых действиями страстей, подвергающихся вследствие этого великому смущению, омрачающему разумную часть души, и потому немогущих достигнуть при всем их желании истинной молитвы. Сладостна бывающая в сердце чистая и постоянная память об Иисусе и происходящее от нее неизреченное просвещение»*. Преподобный отец наш российский святой Нил Сорский, составивший книгу о мысленном хранении сердца, пользуется следующими словами Священного Писания: *«от сердца исходят помышления злая и сквернят человека»* (Мф.15:19) *«духом и истиною подобает Отцу кланяться»* и проч. Другое светило российское, святитель

Христов Димитрий, митрополит Ростовский, составивший слово о внутреннем мысленном делании молитвы, приводит следующие места Священного Писания: *«Тебе рече сердце мое: Господа възыщу; възиска тебе лице мое; лица твоего Господи, възыщу»* (Пс. 26:8) и опять: *«имже образом желает елень на источники водные, сице желает душа моя к тебе, Боже»* (Пс. 41:2) и опять: *«всякою молитвою и молением моляшеся на всякое время духом (Еф. 6:18)»*. Все эти слова он, вместе со святым Иоанном Лествичником и Григорием Синаитом и преподобным Нилом Сорским, относит к умной молитве. Так же и устав церковный, излагая церковные правила о поклонах и о молитве, приводит об этой божественной молитве следующие слова Божественного Писания: *«Бог есть Дух; духом и истиною клянящихся хочет»* (Ин. 4:24). Приводит также и свидетельство святых отцов в той части их учения, которая относится к умной молитве, и после этого говорит: *«здесь мы заканчиваем слово о святой и священной, и приснопамятной умной молитве»*, и далее переходит ко святой для всех единой молитве, указанной церковным чиноположением. Таким образом благодатию Божиею нами показано, что богоносные отцы, умудряемые Святым Духом, основание своего учения о мысленном священнодействии тайно совершаемой по внутреннему человеку молитвы утверждают на недвижимом камне Божественного Писания Нового и Ветхого Завета, откуда, как из неисчерпаемого источника, заимствуют многочисленные свидетельства.

В третьей главе своего послания об умной молитве старец Паисий говорит, что эта молитва есть духовное художество. *«Да будет известно, что божественные отцы называют это священное мысленное делание молитвы художеством. Так святой Иоанн Лествичник в слове 23 о безмолвии говорит: «если ты опытно научился этому художеству, то ты знаешь, о чем я говорю. Сидя на высоте, наблюдай, если умеешь: и тогда увидишь, как и когда, и откуда, и сколько, и какие тати идут украсть гроздь. Утомившись, этот страж, вставши, помолится, потом снова садится и мужественно продолжает первое делание»*. Святой Исихий пресвитер Иерусалимский об этой же

священной молитве говорит: «трезвение есть художество духовное, совершенно избавляющее человека при помощи Божией от страстных помышлений и слов, и от лукавых дел». Святой Никифор постник о том же говорит: «придите, и я открою вам художество, или лучше науку вечной небесной жизни, вводящую своего деятеля без труда и пота в пристанище бесстрастия». Художеством эту святую молитву вышеупомянутые отцы называют, думаю, потому, что как художеству не может человек сам собою научиться без художника, так и этому мысленному деланию молитвы без искусного наставника навикнуть невозможно. Усвоение его, по святому Никифору, большинству и даже всем приходит от учения; редкие же получают от Бога без учения, болезненностью делания и теплотою веры.

В четвертой главе послания говорится о том, какую подготовку должен иметь тот, кто хочет проходить это божественное делание. Поскольку эта божественная молитва выше всякого другого монашеского подвига и есть завершение всех трудов, источник добродетели, тончайшее и скрытое во глубине сердца делание ума, постольку невидимый враг нашего спасения распростирает на нее невидимые, тонкие и едва постижимые человеческому уму сети разнообразных своих обольщений и мечтаний. Поэтому желающий научиться этому божественному деланию должен, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя в полное послушание человеку боящемуся Бога, усердному хранителю Его божественных заповедей, опытному в этом мысленном подвиге, могущему показать своему ученику правильный путь ко спасению. Смирением, рождающимся от послушания, таковой возможет избежать всех обольщений и сетей диавольских и всегда упражняться в этом мысленном делании тихо, безмолвно, без всякого вреда и с великим успехом для души своей. Если же, и предав себя в послушание, он не нашел бы в своем отце, самым делом и опытом искусного в этой божественной молитве, наставника, ибо в настоящее время совершенно оскудели опытные наставники этого делания, то все-таки он не должен приходить в отчаяние, но продолжая пребывать в истинном по

заповедям Божиим послушании со смирением и страхом Божиим, а не в самочинном и своевольном без послушания жителстве, за которым обычно следует обольщение, и, возложив всю надежду на Бога, вместе с отцом своим повиноваться учению преподобных отец наших, тонкочашно научающих этому божественному деланию и от них учиться этой молитве. И во всяком случае благодать Божия поспешит и наставит молитвами святых отец научиться, без всякого сомнения, этому божественному делу.

В пятой главе содержится учение о том, что такое эта священная молитва по своему качеству и действию. Святой Иоанн Лествичник в слове 28 о молитве говорит: «молитва есть по своему качеству сопребывание и соединение человека и Бога: по действию же утверждение мира, примирение с Богом, мать и вместе дочь слез, умилоствление грехов, мост, проводящий через искушения, ограждение от скорбей, сокрушение браней, дело ангелов, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетели, причина дарований, тайное преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, доказательство надежды, освобождение от печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, ослабление ярости, зеркало преуспеяния, показание меры, обнаружение состояния, показатель будущего, печать славы. Молитва есть воистину для молящегося и судилище, и самый суд, и престол суда Господня прежде будущего Престола». Святой же Григорий Синаит в главе 113 пишет: «молитва есть в новоначальных как бы огонь веселия, издаваемый сердцем; в совершенных же, как свет, благоухая, действуемый» и в другом месте: «молитва есть проповедание апостолов, действие веры или, лучше, непосредственная вера, уповаемых явление, осуществляемая любовь, ангельское движение, сила бесплотных, их дело и веселие, благовествование Божие, откровение сердца, надежда спасения, знамение освящения, образование святости, познание Бога, явление крещения, обручение Духа Святого, радование Иисусово, веселие души, милость Божия, знамение примирения, Христова печать, луч мысленного солнца, утренняя

звезда сердец, утверждение христианства, явление примирения Божия, благодать Божия, премудрость Божия или, лучше, начало самопремудрости, явление Божие, монахов дело, безмолвствующих жительство, лучше же, источник безмолвия, печать ангельского жительства».

Блаженный Макарий Великий говорит о молитве: «глава всякого доброго старания и вершина всех деланий есть претерпевать в молитве, посредством которой мы всегда можем прошением от Бога приобрести и прочие добродетели; через молитву в сподобляющихся бывает приобщение святости Божией и духовного действия, и соединение ума, устремленного к Господу, неизреченною с Ним любовью. Кто всегда понуждает себя с терпением пребывать в молитве, возгорается к Богу божественным усердием и пламенным желанием от духовной любви, и по мере своей, приемлет благодать духовного освятельного совершенства» (Беседа 40, гл. 2). Святой Симеон, архиепископ Фессалоникский, об этой же священной молитве говорит: «сия божественная молитва Спаса нашего призывание: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий: помилуй мя, и молитва есть, и моление, и исповедание веры, и подательница Святого Духа и даровательница божественных даров, и очищение сердца, и изгнание бесов, и вселение Иисус Христова, и источник духовных мыслей и помыслов божественных, и избавление грехов, и врачевание душ и тел, и подательница божественного просвещения и источник милости Божией, и даровательница смиренным откровений и тайн Божиих, и самое спасение, т.к., носит в себе спасительное имя Бога нашего: каковое имя и есть нареченное на нас имя Иисуса Христа Сына Божия» (гл. 296). Так же и прочие богоносные отцы, пиша об этой святой молитве, свидетельствуют об ее действии и о неизреченной, происходящей от нее пользе и о преуспении через нее в божественных дарованиях Святого Духа.

Кто же, видя, как эта священнейшая молитва приводит подвижника к такому небесному сокровищу различных добродетелей, не воспламенится ревностью Божией ко всегдашнему деланию этой молитвы, чтобы ею всегда сберечь

в душе и сердце всесладчайшего Иисуса и непрестанно поминать в себе Его вседражайшее имя, неизреченно воспламеняясь ею любить Его. Только тот не почувствует горячего желания приступить к этому мысленному деланию мысленной молитвы, кто охвачен пристрастием помыслов к житейскому, связан узами попечений о теле, отводящими и отдаляющими многих от Царствия Божия, внутри нас сущего, кто самым делом и опытом не вкусил душевную гортанью неизреченной божественной сладости этого всеполезнейшего делания, кто не уразумел, какую сокровенную духовную пользу заключает внутри себя эта вещь. Хотящие же быть соединенными любовью со сладчайшим Иисусом, оплевав все красоты мира сего и все наслаждения его, и покой телесный, не захотят иметь в жизни этой ничего иного, как только постоянно упражняться в райском делании этой молитвы.

В последней шестой главе своего послания старец Паисий пишет о некоторых внешних приемах обучения этой молитве для новоначальных. Прежде чем излагать его наставления мы вместо предисловия приведем по этому поводу краткую заметку одного из современных нам подвижников, который пишет следующее: «цель умной молитвы есть единение с Богом, который есть Дух, и единение с которым поэтому может быть только духовным. Что касается внешних приемов, употребляемых некоторыми подвижниками при упражнении в этой молитве, то, безусловно, они имеют второстепенное значение. У несовершенных душа человека сообразуется с телом, говорят отцы. Поэтому безмолвию души должно предшествовать безмолвие тела, т.е., благочиние его, как говорит Иоанн Лествичник. И для собранности ума, необходимой для молитвы, тоже могут быть подходящими некоторые внешние условия обитания и даже положения тела. Но было бы заблуждением думать, что от внешних условий и приемов может зависеть подвиг возрастания в духовной молитве. Одно несомненно, что раз сущность молитвы состоит в том, чтобы молиться умом в сердце, то сообразно с этим и ум наш должен быть направлен в сердце. А все остальное имеет второстепенное значение. Поэтому в русском Добротолюбии

все упоминания о внешних приемах опущены» (Арх. Феофан Полтавский). После этого предварительного замечания обратимся к посланию старца Паисия. Он пишет: «так как в древние времена делание умной молитвы процветало во многих местах, где имели свое пребывание святые отцы, и много тогда было учителей этому духовному деланию, то пиша о нем, они говорили только о происходящей от него духовной пользе, не имея нужды писать о самом способе этого делания, приличествующем новоначальным. Когда же увидели, что истинные и далекие от обольщения наставники этого делания стали умахаться, то побуждаемые Духом Божиим, дабы истинное учение о начале этой молитвы не оскудело, описали и самое начало и способ, как нужно обучаться этой молитве новоначальным и входить умом в сердечные страны, и необманчиво совершать там умом молитву.

Святой Симеон Новый Богослов о начале этого делания говорит так: «истинное и необманчивое внимание и молитва состоит в том, чтобы уму во время молитвы блюсти сердце и внутри его всегда обращаться и из глубины его воссылать моление Господу. Вкусив здесь, яко благ Господь, ум уже не удаляется из обители сердца и вместе с апостолом говорит: «добро есть нам zde быти», и всегда обозревая тамошние места, изгоняет всеваемые врагом помыслы». Далее он говорит о том же еще яснее: «седши в безмолвной келье в каком-либо уединенном углу, со вниманием твори то, что скажу тебе: «затвори дверь, отвлеки ум твой от всякой суеты, прижми к груди твою бороду, направляя вместе с умом и чувственное око. Замедли дыхание, чтобы дышать не слишком свободно. И попытайся мысленно найти внутри в груди место сердечное, где естественно любят иметь свое пребывание все силы душевные и, прежде всего ты найдешь там тьму и грубость неослабную. Когда же ты будешь продолжать и будешь совершать это дело и ночь, и день, ты обретешь, о чудо! постоянное веселие. Ибо как только ум найдет место сердечное, тотчас видит то, чего никогда не видал: видит он посреди сердца воздух и себя всего светлым и исполненным рассуждения. И с тех пор, откуда бы ни возник помысл, прежде, чем он перейдет в дело, или сделается

идолом, призыванием Иисуса Христа он отгоняет его и истребляет. Отсюда ум, имея злобу на бесов, воздвигает на них естественный гнев и, гоня их, низлагает мысленных противников. Многому и другому научишься с помощью Божией блюдением ума, держа Иисуса в сердце». (Слово о трех образах внимания и молитвы).

Преподобный Никифор постник, еще яснее научая о входе умом в сердце, говорит так: «Прежде всего да будет твоя жизнь безмолвною, свободною от попечений и со всеми мирною. Затем, войдя в келью твою, затворись и сядши в одном из углов, сделай, как я говорю тебе: «ты знаешь, что при дыхании мы вдыхаем в себя воздух; выдыхаем же его не ради чего-нибудь иного, но ради сердца, ибо сердце есть причина жизни и теплоты тела. Сердце привлекает воздух, чтобы дыханием выделить свою теплоту, для себя же получить свежий воздух. Орудием же такой деятельности является легкое, которое, будучи от Создателя создано пористым, постоянно, как мех, вводит и выводит окружающий воздух. Таким образом, сердце выполняет неизменно то назначение, ради которого оно и устроено для благосостояния организма. Итак, ты сядь и, собрав ум твой, веди его тем путем, которым воздух идет к сердцу и понудь его сойти в сердце вместе со вдыхаемым воздухом. Когда же он войдет туда, то последующее будет не невесело и не нерадостно». Далее он пишет: «поэтому, брат, приучи ум нескоро оттуда исходить: ибо вначале он очень унывает от внутреннего затвора и тесноты. Когда же привыкнет, то уже не хочет оставаться во внешних блужданиях: Царствие Небесное внутри нас есть. Когда мы его там рассматриваем и взыскуем его чистою молитвою, то все внешнее представляется нам мерзким и ненавистным. Итак, если ты сразу, как сказано, войдешь умом в сердечное место, которое я тебе показал, воздай благодарение Богу и прославь Его, и радуйся, и всегда держись этого делания, и оно научит тебя тому, чего ты не знаешь. Следует же тебе и это знать, что, когда ум твой будет там находиться, он не должен оставаться молчащим и праздным, но должен иметь своим постоянным делом и поучением молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий,

помилуй мя, и никогда не должен прекращать это занятие. Оно удерживает ум от возношения, делает его недоступным и неуловимым для козней вражиих, и возводит его к любви Божией, и к повседневному божественному желанию. Если же, потрудившись много, не сможешь войти в страны сердца, сделай, как я скажу тебе, и при Божией помощи ты обретешь искомое. Знаешь ли ты, что разумное начало каждого человека находится в груди его? Здесь именно, даже при молчании уст, мы и говорим, и рассуждаем, и молитвы совершаем, и многое иное. Этому-то разумному началу, устранив от него всякий помысл (можешь, если хочешь), дай говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» и понудь себя одно это, вместо всякой иной мысли, всегда внутри вопиять. Если ты продержишься этого порядка некоторое время, откроется тебе сердечный вход, как мы тебе написали, вне всякого сомнения, как и мы сами опытом узнали. Приидет к тебе вместе со многожеланным и сладким вниманием и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и пр.».

Божественный Григорий Синаит, уча также, как следует умом совершать в сердце призывание имени Господа, говорит: «сидя с утра на седалище в одну четверть, низведи ум в сердце и держи там. Наклонившись с напряжением, испытывая болезненность и в груди, и в плечах, и в шее, непрестанно взывай умом или душою: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Когда же станет слишком тесна и болезненна, может быть, даже и несладостна, частота повторения (что бывает не от однообразия часто вкушаемой снеди, ибо сказано: *ядущие мя еще взалчут* – Сир.24:23) переменяв ум в другую половину, говори: «Сыне Божий, помилуй мя». И много раз повторяя эту половину, ты не должен от лени или от скуки часто переменять ее, ибо не укореняются растения, часто пересаживаемые. Сдерживай же и дыхание легких, чтобы оно не было слишком свободным. Ибо дыхание воздуха, от сердца исходящее, помрачает ум, возбраняя или не допуская ему снизойти к сердцу и развевает мысль. Не допуская его к сердцу, оно предает его в плен забвению или настраивает его поучаться иному, а не должному, оставляя его нечувственно пребывать в

том, в чем не следует. Если увидишь нечистоты лукавых духов, т.е., помыслы, возникающие или преобразующиеся в уме твоём, не ужасайся, не удивляйся; если и добрые уразумения некоторых вещей явятся у тебя, не внимай им, но, удерживая дыхание, как можно, и заключая ум в сердце и призывание Господа Иисуса часто и постоянно совершая, ты скоро поправишь и истребишь их, поражая их божественным именем. Ибо говорит Лествичник: Иисусовым именем бей ратников, ибо нет ни одного более крепкого оружия ни на небе, ни на земле». Далее тот же святой, поучая о безмолвии и молитве, продолжает: «в терпении должно быть сидение твоё, ради сказавшего: в молитве претерпевающи; и не скоро нужно вставать, ослабевая по причине болезненной притрудности и умного взывания и частого водружения ума. Посему, поникнув долу и собирая ум в сердце, призывай на помощь Господа Иисуса. Ощущая боль в плечах, часто болезнуя головой, терпи все это, ища в сердце Господа: *«нудящихся есть Царствие Божие и нуждницы восхищают е»* (Мф.11:12). Тот же отец говорит и о том, как нужно совершать молитвы: «так сказали отцы: один – Господи Иисусе Христе, – Сыне Божий, помилуй мя. Всю. Другой же – половину: Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя, и это удобнее по причине младенчества еще ума и немощи, ибо никто не может сам собою чисто и совершенно наименовать тайно Господа Иисуса, но только Духом Святым. Как младенец, неумеющий говорить, он не может еще совершать эту молитву членораздельно. Не должен он по слабости часто переменять призывание имен, но медленно ради удержания». Еще: «одни учат произносить молитву устами, другие же умом; я же считаю необходимым и то, и другое. Ибо иногда ум от уныния изнемогает произносить ее, иногда же уста. Однако следует взывать безмолвно и несмущенно, чтобы чувство душевное и внимание ума, смущаемое голосом, не отошло, пока ум, обикнув, не преуспеет в деле, не восприимет силу от Духа молиться крепко и всячески. Тогда он уже не будет иметь нужды говорить устами, да и не сможет, будучи в состоянии в совершенстве творить молитву одним только умом». Из сказанного видно, что вышеупомянутые отцы дают вполне

ясное учение о способах обучения умному деланию для новоначальных. Из их учения можно понять наставления об этом делании и других подвижников, хотя последние высказывались и не с такою ясностью.

На этом кончается послание старца Паисия об умной Иисусовой молитве.

Тайна спасения, открываемая непрестанною молитвою

Как спастись? Сей благочестивый христианский вопрос естественно рождается в уме каждого, вследствие ощущения поврежденной и расслабленной природы человека и остатка в оной первоначального стремления к истине и праведности. Каждый, хотя несколько имеющий веру в бессмертие и воздаяние в жизни вечной, невольно встречается с мыслью о том, как спастись, когда обращает взор свой на небо. Затрудняясь в решении этой задачи, он вопрошает о сем благоразумных и сведущих, потом читает по указанию их наставительные книги духовных писателей по сему предмету, стремясь неуклонно последовать и слышанным и вычитанным истинам и правилам. Во всех сих наставлениях он встречает поставленные на вид, как необходимые условия ко спасению: благочестивую жизнь, подвиги и труды над самим собою для решительного самоотвержения, руководствующего к творению добрых дел, к постоянному исполнению всех заповедей Божиих, свидетельствующему непоколебимость и твердость веры. Далее ему проповедуется, что все сии условия ко спасению необходимо должны быть выполняемы с глубочайшим смирением и в совокупности: ибо как все добродетели зависят одна от другой, то и должны одна другую поддерживать, одна другую совершенствовать и воодушевлять, подобно как лучи солнца тогда токмо являют силу свою и производят пламень, когда сосредоточиваются в одну точку. А иначе *«неправедный в мале и во мнозе неправеден есть»* (Лк. 16:10).

Вдобавок к сему для наибольшего убеждения в необходимости сей многосложной и совокупной деятельности, он слышит высокую похвалу изяществу добродетелей и осуждение низости и бедственности пороков. Все сие запечатлевается неложным обещанием или величественной награды и блаженства, или мучительного наказания и бедствий в жизни вечной.

Таков в особенности характер проповедания новейшего времени! Направленный таким образом, пламенный желатель спасения, со всею радостью приступает к исполнению наставлений и приложению к опытам всего слышанного и вычитанного; но увы! На первом даже шаге своего стремления, он не находит возможности достигнуть своей цели, предусматривая и даже испытывая, что поврежденная и расслабленная его природа возьмет над убеждениями его разума; что свободное его произволение связано, склонности повреждены, сила духа в изнеможении. При таком опытном самосознании своего бессилия, он естественно переходит к той мысли, что не находится ли каких-либо средств, способствующих к выполнению того, что предписывает закон Божий, что требует христианское благочестие, и что исполняли все удостоившиеся получить спасение и святыню? Вследствие сего и дабы примирить в себе требование разума и совести с немощью исполнительных сил, он еще обращается к проповедникам спасения с вопросом: как спастись? Как оправдать недоступные для него условия спасения? И в силах ли выполнить проповедующий все то, чему он поучает?.. «Проси Бога, молись Богу, чтобы Он помог тебе!» Так не плодотворнее ли было бы, если бы прежде или всегда и при всем учить молитве, как виновнице исполнения всего, чего требует христианское благочестие, и чем приобретает спасение, – заключает вопрошавший, и вместе с сим приступает к изучению молитвы: читает, размышляет, соображает учение писавших по сему предмету. Правда, много находит в них светлых мыслей, глубоких познаний и сильных выражений. Иной прекрасно рассуждает о необходимости молитвы, другой о ее силе, благотворности, об обязанности молиться, о том, что для молитвы нужно усердие, внимание, теплота духа, чистота мысли, примирение с врагами, смирение, сокрушение и прочее, должествующее быть при молитве... А что такое молитва в самой себе, и как существенно молиться, – так как на сии, хотя и первейшие и самонужнейшие вопросы, весьма редко можно находить обстоятельные и общепонятные объяснения, то ревностный желатель молитвы опять остается под покровом

тайны. Ему из общего чтения вкоренится в памяти, хотя и благочестивая, но, однако только наружная сторона молитвы, и он придет к такому заключению или выводу: чтобы молиться, надо ходить в церковь, креститься, кланяться, становиться на колени, читать Псалтирь, каноны, акафисты... Это всеобщее понятие о молитве тех, кои не знакомы с писаниями о внутренней молитве и созерцательными творениями святых отцов. Наконец встречается искатель с книгою, называемою «Добротолюбие», в коей двадцать пять святых отцов понятно изобразили науку истинной и существенной сердечной молитвы.

Здесь тайна спасения и молитвы начинает для него приподнимать свою завесу, и он видит, что истинно молиться, значит направлять разум и память к неопустительному воспоминанию Бога, ходить в Его Божественном присутствии, возбуждать себя к Его любви посредством богомыслия и соединять имя Божие с дыханием и движениями сердца, руководствуясь к всему этому призыванием устами Святейшего имени Иисуса Христа, или творением Иисусовой молитвы, во всяком времени и месте и при всяком занятии непрерывно.

Хотя сии светлые истины, озарив познания искателя, и открыв ему путь к изучению и достижению молитвы, и убедят его немедленно приступить к исполнению сих мудрых наставлений, однако ж при опытах своих, действуя в периодических приемах, он не останется еще без затруднений, покуда опытный наставник не раскроет ему (по той же книге «Добротолюбия») во всей полноте тайны, что токмо частость, или непрестанность молитвы (как бы она ни произносилась в начале), есть единственное мощное средство, как совершенства внутренней молитвы, так и спасения души. Частость молитвы есть основание или фундамент, держащий на себе весь круг спасительной деятельности, как подтверждает сие и св. Симеон Новый Богослов: «Тот, говорит он, кто непрестанно молится, в сем одном все доброе совокупил».

Итак, дабы представить истину сего открытия во всей полноте, наставник развивает ее в нижеследующем образе: для спасения души, во-первых, необходима истинная вера: Священное Писание говорит: *«Без веры не возможно угодити*

Богу» (Евр.11:6); «Иже не имеет веры, осужден будет» (Мк. 16:16).

Но из того же Священного Писания видно, что человек не может сам собою возродить веры в себе даже на горчичное зерно; что вера не от нас, Божий бо есть дар, что вера, яко дар духовный, дается Духом Святым.

Что ж в таком случае делать? Как примирить человека в вере с невозможностью возродиться в себе со стороны человека? В оном же Священном Писании открыто для сего средство и показаны примеры: «Просите и дастся вам» (Лк. 11:9). Апостолы не могли сами собою возбудить в себе совершенства веры, но молили Иисуса Христа: «Господи, приложи нам веру» (Лк.17:5). Вот пример снискания веры! Отсюда видно, что вера приобретается молитвою.

Для спасения души при истинной вере потребны и благие дела добродетелей: ибо «вера без дел мертва есть» (Иак. 2:17), «яко от дел оправдывается человек, а не от веры единыя, и аще хочещи внити в живот, соблюди заповеди: еже не убиеш, не прелюбы сотвориши, не украдеш, не лжесвидетельствуеш, чти отца и мать, и возлюбиши искренняго яко сам себе» (Иак. 2:24). И все сии заповеди потребно исполнять в совокупности. «Иже бо весь закон соблюдет, согрешит же во едином, бысть всем повинен». Так учит святой апостол Иаков. (Иак. 2:11)

А св. Апостол Павел, представляя слабосилие человеческое, говорит, что «от дел закона не оправдится всяка плоть» (Рим. 3:20), «вемы бо, яко закон духовен есть, аз же плотян есмь, продан под грех. Еже бо хотети прилежит ми, а еже содеяти доброе, не обретаю, но еже не хочу злое сие содеваю. Умом моим работаю закону Божию, плотию же закону греховному» (Рим. 7:20). Каким же образом исполнить потребные дела закона Божия, когда человек бессилен, не имеет возможности оправдать в себе заповеди?

Не имеет возможности только до тех пор, пока не просит о том, пока о том не молится. «Не имате, зане не просите» (Иак. 4:2), представляет причину святой Апостол. Да и Сам Иисус Христос говорит: «Без Мене не можете творити

ничесоже» (Ин. 15:5). А как творить с Ним, сему учит так: «Будите во Мне, и Аз в вас» (Ин. 15:4). «Аще кто пребудет во Мне, плод мног сотворит» (Ин. 15:5). А быть в Нем значит непрестанно ощущать Его присутствие, непрестанно просить во имя Его: «Аще что просите во имя Мое, Аз сотворю» (Ин. 14:13). Итак, возможность исполнения добрых дел приобретается молитвою же. Пример сему виден в самом Апостоле Павле, трикратно молившемся о побеждении искушений, преклонявшем колена пред Богом Отцом, да даст Он утверждение во внутреннем человеке, и, наконец, заповедавшем прежде всего, «творити молитвы», и о всем даже «непрестанно молиться».

Из всего вышесказанного следует, что все душевное спасение человека зависит от молитвы, а потому она, во-первых, прежде всего и нужна, ибо ею оживляется вера, чрез нее исполняются все добродетели. Словом: при молитве все споспешествуется успехом, а без оной никакого дела христианского благочестия не может совершиться.

Посему-то непрестанность, всегдашность, исключительно и предоставляется одной токмо молитве; прочие добродетели – каждая имеет свое время, а в молитве заповедуется упражняться непрерывно: «непрестанно молитесь» (1Сол. 5:17), «подобает всегда молиться, молиться на всяко время, на всяком месте».

Истинная молитва требует своих условий: она должна быть приносима с чистотою мыслей и сердца, с пламенным усердием, с твердым вниманием, с трепетным благоговением и с глубочайшим смирением. Но кто в добросовестном сознании не согласится, что он далек от вышепредставленных условий для истинной молитвы, что он отправляет молитву свою более по необходимости, более с принуждением себя, нежели по влечению, по наслаждению молитвою, по любви к молитве? Об этом и Священное Писание свидетельствует, что человек не в силах упостоянить и совершенно очистить ум от неподобных помыслов: «надлежит бо человеку помышление на злое от юности его» (Быт. 8:21), что един Бог дает нам сердце ино и дух новый дает нам, «что еже хотети и еже деяти Божие есть»

(Фил. 2:13). И сам Апостол Павел сказал: *«Дух мой (т.е. глас мой) молится, а ум без плода есть»* (1Кор. 14:14). И *«не вемы, како или о чесом помолимся»* – подтверждает он же. Из сего следует, что мы не можем сами по себе истинно молиться, не можем в молитве нашей обнаружить существенных ее свойств!

Что же, при таком бессилии каждого человека, осталось возможным со стороны его воли и силы, для спасения души его? Веры он стяжать не может без молитвы; добрых дел также; наконец и истинно молиться не в силах. Что же осталось на его долю, что предоставлено его свободе и силам, дабы не погибнуть, а спастись?

Так как во всяком деле есть качество, то оное Господь предоставил Своей воле и дарованию. А чтобы яснее показать зависимость человеческую от воли Божией и глубже погрузить его в смиренномудрие, Бог оставил воле и силам человеческим одно количество молитвы, заповедал непрестанно молиться, всегда молиться на всякое время, во всяком месте. А сим-то и открывается таинственный способ к достижению истинной молитвы, а вместе с нею и веры, и исполнения заповедей и спасения. Итак, на долю человека дано количество. Частость молитвы предоставлена в собственность его воле... О сем точно так учат и отцы Церкви. Святой Макарий Великий говорит: *«молиться как-нибудь (но часто) состоит в нашей воле; а молиться истинно есть дар благодати»*. Преподобный Исихий говорит, что частость молитвы приемлет навыковение и обращается в натуру; что без частого призывания имени Иисуса Христа невозможно очистить сердце.

Преподобные Каллист и Игнатий советуют прежде всех подвигов и добродетелей начинать молитву во Имя Иисуса Христа часто, непрерывно, ибо частость и нечистую молитву возводит к чистоте. Блаженный Диадокх утверждает, что если бы человек как можно чаще призывал Имя Божие (молился), не впадал бы в согрешения. Как опытные, мудрые и близки к сердцу сии практические наставления Отцов! Они в опытной простоте проливают свет на способы и средства к совершенствованию души. Какая у них высокая противоположность с нравственными наставлениями теоретического разума! Разум убеждает: делай

то и то доброе, вооружись мужеством, употреби силу воли, убедись благими последствиями добродетелей, например: очисти ум и сердце от суетных мечтаний, наполни место их поучительными размышлениями, делай добро, и будешь уважаем и спокоен, живи так, как требует разум и совесть... Но, увы! все это при всем усилии не достигает своей цели без частой молитвы, без привлечения ею милости Божией. После сего раскроем еще поучения отцов и посмотрим, как говорят они, например, об очищении души. Святой Лествичник пишет: «при омрачении души нечистыми помыслами, Иисусовым Именем побеждай супостатов, часто повторяя оное. Крепче и успешнее сего оружия не найдешь ни на небеси, ни на земли». Святой Григорий Синаит поучает: «Знай, что никто не может удержать ума своего сам, а потому при нечистоте мысли чаще и многократнее призывай Имя Иисуса Христа, и помыслы сами собою утихнут». Какой простой и удобный, но и опытный способ, и противоположный совету теоретического разума, самомнительно стремящегося достигнуть чистоты собственным самодействием! Сообразив сии опытные наставления святых отцов, приходим к такому заключению, что главный, единственный и удобнейший способ к обретению дел спасения и духовного совершенства есть частость, непрерывность молитвы, как бы она ни была немощна!.. Христианская душа! Если ты не находишь в себе силы поклоняться Богу духом и истиною; если сердце твое еще не ощущает теплоты и сладостного вкуса в умственной и внутренней молитве, то принеси в молитвенную жертву то, что можешь, что состоит в твоей воле, что соразмерно твоим силам: пусть низшие органы уст твоих прежде сроднятся с частым неотступным молитвенным взыванием; пусть часто, непрерывно призывают мощное имя Иисуса Христа; это не составляет большого труда и каждому посильно!.. При том же сего требует и опытная заповедь святого Апостола: *«да приносим выну (всегда) жертву Богу, сиречь плод устен исповедующихся имени Его»* (Евр.13:15); частость молитвы непременно произведет навыкновение и обратится в натуру, привлечет по времени ум и сердце в достойное настроение. Вообрази при сем, если бы

человек неупустительно выполнил одну сию заповедь Божию о непрестанной молитве, то в одной он исполнил бы все заповеди: ибо если бы он беспрерывно во всякое время, при всех делах и занятиях, совершал молитву, тайно призывал Божественное имя Иисуса Христа, хотя сначала и без душевной теплоты и усердия, хотя с понуждением себя токмо, то тогда бы он не имел уже времени на суетные беседы, на осуждение ближних, на праздное истощение времени в чувственных греховных удовольствиях: каждая преступная мысль его встречала бы препятствие в ее распространении, каждое греховное дело не обдумывалось бы так плодovито, как в праздном уме; сократились бы, или вовсе уничтожились, и многословие, и празднословие, и каждый поступок немедленно очищался бы благодатною силою столь часто призываемого Имени Божия. Частое упражнение в молитве, часто бы отвлекало душу от греховных дел, и привлекло бы к существенному ее знанию – к соединению с Богом! Теперь видишь ли, как важно и необходимо количество молитв? Частость молитвы есть единственный способ к приобретению чистой и истинной молитвы; есть самое лучшее и самое действительнейшее приуготовление к молитве и вернейший путь к достижению молитвенной цели и спасения!

Для дальнейшего убеждения в необходимости и плодотворности частой молитвы сколь можно тверже заметь:

1) Что каждое возбуждение, каждая мысль о молитве, есть действие Духа Святого и глас Ангела твоего Хранителя.

2) Что имя Иисуса Христа, призываемое в молитве, содержит в себе самосущую и самодействующую благотворную силу, а потому,

3) не смущайся нечистотою или сухостью твоей молитвы, а с терпением ожидай плода от частого призывания имени Божия. Не слушай неопытного, несмысленного внушения мира, будто бы одно, хотя и неотступное, но хладное взывание, есть бесполезное многословие. Нет! Сила имени Божия и частость призывания оного, явят плод свой во время свое!..

Прекрасно рассуждает о сем один из духовных писателей: «знаю, говорит он, что для многих мнимо-духовных лжемудрых

философов, ищущих везде ложного величия в благородных будто бы упражнениях, в очах разума и гордости, простое и устное, и единичное, но частое упражнение в молитве представляется малозначащим, или низким занятием, или безделицею. Но обманываются они, несчастные, и забывают наставление Иисуса Христа: *«Аще не будете яко дети, не внидете в Царствие Божие»* (Мф. 18:3). Они составляют из себя какую-то науку из моления на зыбких основаниях естественного разума! Потребно ли многого учения, ума или знания, чтобы сказать чистосердечно: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» Не таковые ли частые молитвы восхвалял Сам Божественный наш Учитель? Не сими ли краткословными, но частыми молитвами испрашиваемы и производимы были чудотворения? Ах, христианская душа! Бодрствуй и не умолкай в непрерывных взываниях твоей молитвы! Хотя бы сей вопль твой происходил от сердца еще рассеянного и наполненного в половину миром, – нужды нет! Надобно только его продолжать, не умолкать, и не беспокоиться: он сам собою очистится от учащения. Не выпускай никогда из памяти, что «Иже в вас, болий есть того, иже в мире». «Болий бо есть Бог сердца нашего, и весть вся», говорит Апостол.

Итак, после сих всех убеждений, что частость молитвы, при всем слабосилии так мощна, безусловно доступна человеку и состоит в полной его воле – решишь испытать хотя один день, на первый раз, провести в наблюдении за собою, за частостью твоей молитвы так, чтобы на молитвенное призывание имени Иисуса Христа употреблено было гораздо более времени в продолжении суток, нежели на другие занятия: и сие преимущество молитвы над делами житейскими – во времени – непременно докажет тебе, что сей день не потерян, а приобретен во спасение; что на весах правосудия Божия, частая молитва перетягивает доску слабостей твоих, и заглаживает грехи оною дня в памятной книге совести, поставляет тебя на степень праведности, и дарует надежду получить освящение и в вечной жизни.

Учение валаамских старцев о молитве

I. 1. «Об устной молитве. В сокращенном слове она говорится так: «Господи помилуй!»; «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного!»; а в полном – так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

В начале она произносится большею частью принужденно и неохотно, и, по мере упражнения и себя в ней принуждения, если только есть решительное намерение посредством молитвы, с помощью Божией благодати, умалить всесторонние страсти, она от частого в ней упражнения, по мере умаления страстей, время от времени будет делаться легче, приятнее и желательнее. При устной молитве всевозможно должно стараться держать разум в словах молитвы, говорить неспешно, все внимание сосредоточивая в мыслях, выражаемых словами, а когда ум будет увлекаться в посторонние помыслы, без смущения опять вводить его в слова молитвы (Лествица, слово 28, глава 17).

Нерассеянность уму дается не скоро и не тогда, как захотим, а когда смиримся и когда Бог благословит.

Сей Божий дар временем не определяется, ниже количеством молитв, а сердечным смирением и Христовою благодатию и всегдашним себя в ней принуждением.

Из устной внимательной молитвы бывает переход к молитве умной, которая называется так тогда, когда одним умом к Богу устремляемся или зрим Бога...

2. Об умной молитве. При умной молитве необходимо должно держать внимание в сердце пред Господом. По мере нашего усердия и смиренного тщания в молитве дарует Бог первое дарование уму нашему – собранность и сосредоточенность в молитве. Когда внимание ко Господу делается неотходным, то оно есть внимание благодатное; а наше собственное внимание всегда бывает принужденное. От такой умной молитвы бывает переход к сердечной внутренней молитве, если только есть опытный учитель, очень удобный и свободный. Когда чувствами сердца с Богом бываем, а любовь

к Богу сердце исполняет, тогда такая молитва носит название сердечной.

3. О молитве внутренней сердечной. В Евангелии изречено: *«аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой»* (Мф.16:24). Если применить эти слова к делу молитвы, то они будут означать следующее: кто хочет законно подвизаться в молитвенном подвиге, пусть прежде отвергнется своей воли и собственных разумений, а потом понесет крест, то есть – труд тот душевный и телесный, который неизбежен при этом подвиге. Предав себя всецело неусыпному попечению Божию, надо смиренно и благодушно переносить этот труд ради истинного блага, которое даруется усердному молитвеннику от Бога во свое ему время, когда Бог своею благодатию положит пределы нашему уму и устави́т его неподвижно с памятью Божиею в сердце. Когда подобное стояние ума сделается как нечто естественное и постоянное, оно носит у отцов название соединения ума с сердцем; при таком устройении уму уже не бывает желания быть вне сердца, напротив того, если по каким-либо обстоятельствам или многою беседою удержан будет он вне сердечного внимания, то у него бывает неудержимое желание опять возвратиться внутрь себя с какою-то духовною жаждою, и с новым усердием опять заняться созиданием своего внутреннего дома. При таком сердечном устройении у человека из головы переходит все внутрь сердца, и тогда как бы некий умный свет озаряет его всю внутренность, и что он ни делает, ни говорит, ни помышляет – все делается с полным сознанием и вниманием. Он может ясно видеть тогда, какие приходят к нему помыслы, намерения и желания, и охотно понуждает ум, сердце и волю на послушание Христово, на исполнение всякой Божией и отеческой заповеди; всякое же уклонение от них заглаживает чувством сердечного покаяния и сокрушения с непритворным жалением и с приболезненным смиренным припаданием к Богу, прося и ожидая свыше помощи к своей немощи. И Бог, смотря на такое его смирение, не лишает его своей благодати.

Буди вам известно, что умно-сердечная молитва приходит в сердце иным скоро, а иным не скоро. Я знаю трех лиц: одному пришла, как только было сказано, в самый этот час; другому

пришла через шесть месяцев; третьему – через десять месяцев; а одному великому старцу – через два года. И это почему так бывает – одному Богу только известно.

Еще ведайте, что прежде истребления страстей молитва бывает иная, и иная по очищении сердца от страстей: первая есть помощница при очищении сердца от страстей; а вторая – есть как бы некий духовный залог будущего блаженства. Делайте так: когда почувствуете вхождение ума в сердце и воздействие молитвы, то давайте полную свободу такой молитве, удаляя все неблагоприятное ей, и пока она будет – ничего другого не делайте. Когда же не чувствуете такого влечения, тогда молитесь молитвою устною с поклонами, стараясь всячески внимание держать в сердце пред лицом Господа. Разогреется сердце и при таком образе молитвования.

Трезвитесь и бодрствуйте, а особенно во время умно-сердечной молитвы. Никто так Богу не благоугоден, как тот, кто занимается правильно умно-сердечною молитвою. Когда вам неудобно, или времени нет упражняться в молитве, то всевозможно храните в себе при всяком вашем занятии молитвенный дух, т.е. имейте в памяти Бога и всячески напрягайтесь умными очами зреть Его пред собою со страхом и любовью, и, чувствуя Его пред собою сущим, с благоговейною покорностью во всех своих делах предавайте себя Его вседержительству, всемогуществу, всезрительству и всеведению так, чтобы во всяком вашем деле, слове и помышлении памятовался Бог и Его святая воля. Вот в чем состоит сокращенно дух молитвенный! Необходимо должно сей дух иметь любителю молитвы и, насколько возможно, всегдашним сердечным вниманием подводить свое разумение под Божие разумение и покорно и благоговейно покоряться Ему; также и свои хотения и желания подводить под Божие хотение и всецело предать себя Божью разуму и Божью хотению. – Всячески надо стоять против духа произвольности, или желания и позывов действовать, ничем не стесняясь. Сей дух нашептывает: это мне не под силу, на это у меня времени недостает, или за это братья мне еще не время, надо погодить,

или – обязанности послушания препятствуют, и многое подобное. Кто слушает его, тот никогда не навикнет молитве.

В содружестве с сим духом состоит дух самооправдания, который приступает и начинает действовать после того, как кто-либо, увлекшись духом произвольного самочиния, сделает что-либо такое, за что совесть беспокоит его. Тогда дух самооправдания разные употребляет извороты, чтобы обмануть совесть, и неправость свою выставить правостью. Бог да сохранит вас от сих злых духов!».

Схимонах Агапий

II. «Апостол пишет: «похвала наша – чистая совесть». Симеон Новый Богослов говорит: «за сие дается умная и сердечная молитва, а без сего ни в какие подвиги духовные не успевает человек».

Игумен Варлаам

III. «С благоговением, тайно твори молитву имени Иисусову, следующим образом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!»

Старайся углубить сию молитву в душу и сердце твое; твори оную умом и мыслью, не попускай оной ни на малое время удалиться от уст твоих; соединяй оную, как можно, с дыханием твоим и сколько сил твоих есть, старайся при сем нудить себя к сокрушению сердечному, да не без слез каешиися о гресех твоих. Если же нет слез, то должны быть, по крайней мере, сокрушение и стенание сердечные».

Игумен Назарий